

ISSN 0869-6403

ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК

НА
БОЕВОМ
ПОСТУ

5
'94

лейтенанту
Михайлову
Александру Валерьевичу
присвоено звание

ГЕРОЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
с вручением медали
"ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА"

за мужество и героизм, проявленные
при выполнении специального задания.

С.С. Шойгу

Указ Президента
Российской Федерации
от 7 октября 1999 г.

Москва, Кремль.

№ 261
**УДОСТОВЕРЕНИЕ
СУВОРОВЦА**

Предъявляет себя
Михайлов Александр Валерьевич
(подпись)

является суворовцем
суворовского высшего училища
начальник Колесников
Кото суворовского
командного училища
Васильев
(подпись)

Личная подпись

Очерк о Герое
Российской Федерации
лейтенанте
АЛЕКСАНДРЕ МИХАЙЛОВЕ
читайте в этом номере
журнала

НА БОЕВОМ ПОСТУ

5'94

Издается с 1958 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

В номере

■ АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

РОВЕНСКИЙ П. По азимуту технической модернизации 2

■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ЧЕРКАСОВ Ю. Образ жизни – спецназ, или Победы и беды одного отряда 8
КАРПОВ Б. Суворовский знак Александра Михайлова 15
МУЧАК И. “Воинский долг? Плачу наличными!” 21
КОЗЛОВ И. Десятый 26
АРТЮХОВ Е. На перепутье 31

■ ГОДЫ И СУДЬБЫ

КОСТИН Н. Хранить вечно 39
ПУГАЧЕВ В. Приносящий находки 41

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

ГОРЧАКОВ О. “Чувство долга – дух нации». Вне закона (главы из романа, начало) 46
КОЧЕТКОВ В. Не судите, потомки, нас строго... (стихи) 60
ПУПКОВ А. Какими будем завтра? 62
Священный свет (подборка стихов) 65
Сапоги всмятку (сатира, юмор) 66

■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

ЛИНДЕР И. Гармония силы и души 68
Шахматный клуб 71
Рыболовам и охотникам 72
ГОРНУШКИН Ю. Ходовая часть (автодайджест) 75
МУХАНОВА Ю. Сельдерей (сад-огород) 76
ТОНКОНОГОВ В. Что нужно знать о приватизации жилья 77

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л. И.

Редакционная
коллегия:

АРТЮХОВ Е. А.
АФАНАСЬЕВ В. В.,
БОНДАРЕВ П. Т.,
ВОРОЖЦОВ В. П.,
ДУРБАЖЕВ В. А.,
ЕРХОВ Е. И.,
ЗАЙЦЕВ А. П.,
КАВУН С. Ф.,
КАРЕВ А. Н.
(ответственный
секретарь),
КАРПОВ Б. В.,
КОЗЛОВ И. Т.,
КОНДРОЕВ В. В.,
КОТЛЯРОВ А. П.,
КУДРЯШОВ В. И.,
КУЗЬМИН Н. П.,
МАЛЮТИН С. Н.,
ОВЧИННИКОВ В. В.,
СЕНОКОСЕНКО Л. Ф.
(зам. главного
редактора),
УШАР А. Г.,
ЧЕРНЫШОВ П. П.,
ЯКУБОВСКИЙ В. И.

Учредитель – МВД России.

Издатель – Главное управление
командующего внутренними войсками:
111250, Москва, Е-250, ул. Красноказарменная, 9а.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420.
Имеет приложения: газету «Ситуация» и сборник учебно-методических материалов «Войсковой вестник».

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.
© Журнал «На боевом посту», 1994

Сдано в набор 4.04.1994 г. Подписано к печати 5.05.1994 г.
Формат бумаги 70×108/16. Усл. печ. л. 7, 0.
Уч.-изд. л. 11, 2. Зак. № 689. Тираж 9 500.
Цена по каталогу 480 руб., в розницу – свободная.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда».
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Художественное оформление
Э. П. Копылова.
Корректор
Е. А. Богданова.
На первой странице обложки:
фото А. Л. Александрова.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский проезд, В.
Телефоны:
361-82-57, 361-81-71.

**Заместитель командующего
внутренними войсками
МВД России
по технике и вооружению
генерал-лейтенант
П.РОВЕНСКИЙ
отвечает на вопросы
нашего корреспондента
подполковника Ю.КИСЛОГО.**

Петр Николаевич РОВЕНСКИЙ родился в 1946 году на Украине. Окончил Благовещенское танковое командное училище, Бронетанковую академию и Академию Генерального штаба. В Вооруженных Силах прошел ступени служебной лестницы от командира танкового взвода до начальника штаба вооружения Московского военного округа. В апреле 1993 года назначен заместителем командующего внутренними войсками МВД России по технике и вооружению.

ПО АЗИМУТУ ТЕХНИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

— Канули в Лету времена, когда «боевой машиной», символизирующей внутренние войска, был пресловутый автозак, а главным оружием — автомат Калашникова. Ныне оперативные части по технической оснащенности мало в чем уступают мотострелковым полкам российской армии. Стало быть, изменились объем и сложность задач, стоящих перед службами техники и вооружения. Как это отразилось на их структурах в главке и на местах? Какие проблемы вам и вашим подчиненным приходится решать, учитывая сложную криминогенную обстановку и повышение роли внутренних войск в охране правопорядка, обеспечении стабильности в стране?

— Назовите мне такую службу, которая выполняла бы задачи, «нарезанные» днем вчерашним, сверяясь по старым ориентирам. И не трудитесь. Каждая клеточка войск живет в режиме обновления. Смутное, беспокойное, пол-

ное тревог и надежд время нынешнее заставило резко изменить подходы и к организации всех видов техобеспечения сил правопорядка, предъявило качественно новые требования к офицерам управлений, командирам, специалистам. По-военному кратко определяя суть происходящих перемен, можно однозначно сказать: внутренние войска идут по азимуту технической модернизации, совершенствуются по всем параметрам, характеризующим мобильность и боеготовность соединений, частей, подразделений. И не обязательно быть «технарем», чтобы понять: на службе, отвечающие, образно говоря, за колеса, броню и стволы, в этих условиях ложится особая ответственность. Мы сполна осознаем ее. И когда занимаемся решением повседневных задач, организуя правильную эксплуатацию вооружения и техники, обеспечивая их сохранность и своевременный ремонт, подбирая, обучая и воспитывая кадры инженерно-технического состава и младших специалистов, выполняя мероприятия по предупреждению

дорожно-транспортных происшествий. И когда сталкиваемся с проблемами, которые неизбежно возникают в процессе реформ, призванные снять противоречия между новыми требованиями, продиктованными войскам сложной общественно-политической ситуацией в стране, и оставшимися в наследие от прошлого материальными условиями их реализации.

Часть пути по этой неподнятой целине ускоренным маршем мы уже прошли. На оставшемся отрезке провели разведку и рекогносцировку. Конкретно же о проделанной работе и дальнейших перспективах могу сказать следующее.

Прежде всего начали перестройку в системе структурно-управленческой, максимально приблизив ее к решаемым задачам. Ввели должностные заместителей командующих округами внутренних войск по технике и вооружению, подчинив им соответствующие службы, которые ранее находились в составе тыла. Параллельно самостоятельные технические структуры управления были созданы в главке. Это первый этап "самоопределения". В дополнение к отделам автотехники и вооружения — доказываю на всех уровнях — необходимо ввести службы снабжения ГСМ, ВАИ и метрологическую службу.

— **Аббревиатуры ГСМ и ВАИ, пожалуй, в дешифровке не нуждаются. По поводу необходимости этих "кафедр" вопросов тоже не возникает. А вот метрология... Дилетанту не совсем понятно, Петр Николаевич.**

— Поясню. Каждый прибор, начиная с элементарных весов, необходимо время от времени проверять на точность. Этим и занимаются специалисты-метрологи.

Не так давно Совмин утвердил специальное положение о метрологической службе, которое распространяется и на внутренние войска. Как внедрить его в жизнь? Способ один. Пока у нас нет ни мастерских, ни квалифицированных специалистов, по договору с Министерством обороны будем за плату проверять свои техприборы в метрологических мастерских округов Вооруженных Сил.

— **То есть метрологическая служба в войсках создается с целью взаимодействия?**

— До тех пор, пока не закупим соответствующее оборудование для своих мастерских, будем взаимодействовать с Минобороны. К слову, организация взаимодействия по вопросам технического обеспечения является важнейшим направлением нашей деятельности. Главное управление материально-технического и военного снабжения (ГУМТиВС) МВД, Главное автомобильное управление (ГЛАВТУ), Главное бронетанковое управление (ГБТУ), Главное ракетно-артиллерийское управление (ГРАУ), управление вооружения Сухопутных войск — без поддержки этих и

других мощных структур нечего и думать об успехах.

Далее. Проблема проблем — создание в войсках современной ремонтной базы, обеспечение "технарей" запчастями и агрегатами.

Много времени отнимает работа по совершенствованию оргштатной структуры оперативных частей. Уже в этом году предполагаем сосредоточить всю автотехнику в руках командиров мотострелковых подразделений (на сегодняшний день бэтээры находятся в автомобильных ротах и батальонах), исходя из принципа: кто на броне воюет, у того в штатах она и состоит.

Думается, нет смысла лишний раз убеждать в том, что для решения названных проблем нужны высокопрофессиональные специалисты, как прошедшие армейскую школу на командно-технических должностях, так и коренные войсковики, хорошо знающие специфику службы всех составных частей внутренних войск, тактику действий в горячих точках, изучившие каналы снабжения и обеспечения в системе МВД. Этими соображениями и руководствуемся при назначении офицеров.

— **Интересно, товарищ генерал-лейтенант, а какими были ваши первые впечатления от знакомства с новым должностным полигоном, внутренними войсками в целом?**

— Пусть не обидятся на меня боевые коллеги-танкисты, но скажу как на духу: во внутренних войсках дисциплина, организованность личного состава на порядок выше, чем в Вооруженных Силах.

Был восхищен бодростью духа, присущей большинству офицеров, солдат, прапорщиков, их необыкновенной стойкостью в преодолении лишений и трудностей, чувством гордости за принадлежность к войскам правопорядка.

Еще один большущий плюс: наши части неплохо укомплектованы личным составом. Ни для кого не секрет: в армии есть полки, где осталось по сотне солдат. А у нас комплект активных штыков на самых ответственных участках службы не превышает 20—25 процентов. Хотя до штатной нормы и не дотягиваем, жаловаться, зная об острейшем дефиците призывного контингента, грех.

Как специалиста не могла не порадовать достаточно высокая степень боеготовности автомобильной техники. В прошлом, помнится, часто ставил в пример подчиненным машины дивизии имени Дзержинского, нынешней ОДОН. Любо-дорого посмотреть: блестят от колес до кузова, ни вмятины на крыльях, ни дыры в тенте не увидишь. Все водители как на подбор в чистом обмундировании, каждый за рулем внимателен и собран, точно на посту. "Придворная" дивизия не показатель? Может быть, и так. Но тенденция отношения к автотехнике, ярко проявляю-

щаяся в этом соединении, характерна в целом для войск.

Что же касается недостатков в сфере материально-технического обеспечения, то свежий взгляд со стороны вряд ли добавит существенную деталь к хорошо всем известному. Это допотопное в большинстве частей станочное и парко-гаражное оборудование, хилая рембаза для боевых машин. Недостаточно мощный броневой щит оперативных полков, нехватка крупнокалиберных стволов.

— Ваши слова, товарищ генерал-лейтенант, напомнили мне встречу с командиром ремонтного взвода в Карабахе (единственного, кстати, подразделения техобслуживания на всю войсковую оперативную группу). Прапорщик с нескрываемой горечью рассказывал о дефиците самых необходимых запчастей, отсутствии элементарных условий для качественного ремонта бронетехники, без которой заставы и роты наполовину теряют боеспособность. Очень хотелось бы услышать оптимистическую ноту: это проблема вчерашнего дня, сегодня изрядно отставшие тылы наконец-то догнали боевые порядки.

— Не кривя душой отвечу: еще не догнали. Но делаем все возможное для того, чтобы максимально сократить разрыв. Сейчас в составе каждого мотострелкового полка в горячую командировку обязательно выезжает группа специалистов, имеющая все необходимое для текущего ремонта бронетранспортеров и грузовых автомобилей. Согласно директиве об организации техобеспечения в отрыве от мест постоянной дислокации за работу этой ремонтной группы отвечает не только командир полка, но и сопровождающий часть в зону ЧП один из руководящих технических работников округа. Результат не замедлил сказаться: резко возрос коэффициент технической готовности наших сил быстрого реагирования. Лично проверял: в особом районе все бэтээры на ходу. Если и забарахлят одна-две машины, то ненадолго. Технические «фельдшера», быстро возвращают их в строй.

Но это не все. Наряду с мобильными полковыми «медпунктами», для колесной брони в спешном порядке создаются технические «медсанбаты». Пока их меньше, чем пальцев на руке. Однако в ближайшее время — есть решение министра — такие подразделения будут сформированы во всех округах внутренних войск. Задача этих ремонтно-восстановительных батальонов — проведение текущей и средней «терапии», войсковой автобронетехники и легкого вооружения.

— Извините, Петр Николаевич, у меня возник вопрос не по теме. Говоря о проблемах ремонта, вы часто употребляете медицинские терми-

ны, как будто машина живой организмом...

— Потому что техника, хоть души и не имеет, в заботе нуждается так же, как и люди. Чем качественнее профилактика, при «заболеваниях», и «ранениях», — «лечение», то бишь ремонт, тем дольше сохраняется ее работоспособность. Банальная истина? Хорошо, вот вам аналогия. Захворал боец — бегом в санчасть, к полковым эскулапам. А там выясняется: операционного стола ему не миновать. Дальше вообразите абсурдную ситуацию: предположим, в системе МВД, Министерства обороны нет госпиталей, при необходимости используется лечебная база Минздрава, где клиники переполнены, медперсонала катастрофически не хватает... Нечто подобное происходит и с войсковой техникой, коли нет возможности ее «госпитализировать». Эту аналогию использую, доказывая необходимость расширения сети технических «клиник», — ремонтно-восстановительных батальонов.

— И безуспешно, судя по результатам. Но давайте пойдём дальше. В рембатах производят только текущий и средний ремонт. А как быть с техникой, нуждающейся в капитальном «лечении»? Поставят ее на ноги, точнее, на колеса войсковые специалисты, или вся надежда на ремонтную базу боевых побратимов — армейцев? Какая судьба ждет вышедшую из строя артсистему? Опять идти на поклон к коллегам из Министерства обороны?

— В ГУМТиВС есть мастерские, где вышедшие из строя стволы приводят к нормальному бою. Не худо бы также иметь собственные заводы по капитальному ремонту автомобильной и бронетанковой техники. Как говорят в народе, что дома есть, за тем к соседу не ходить. Увы, сегодня это неосуществимая мечта. Бюджет МВД расписан до рубля, какие уж тут заводы. Так что еще долго будем обращаться к соседу за помощью. Благо с ГЛАВТУ и ГБУ налажены всесторонние прочные связи: надо — какой разговор, несите, говорят, заявки да платите по счетам.

К слову, после распада СССР основные ремонтные предприятия Минобороны оказались в ближнем зарубежье. Нужно ли говорить о том, сколько трудностей приходится преодолевать, чтобы российские танки и бэтээры могли получить вторую жизнь. Делать нечего, обращаем взоры и на запад, и на восток. По согласованию с ГБУ заключили прямые договоры на ремонт бронетехники внутренних войск с Украиной и Казахстаном.

— Наверное, по части искусственных трудностей мы «впереди планеты всей». И не только в политике... Позвольте еще один экскурс в недалекое прошлое, товарищ генерал.

На одной из застав в Карабахе был свидетелем того, как мучились бойцы со старыми бэтэрами, поступившими в войска из Советской Армии. Выезжает группа на выполнение боевой задачи — командир и Христу, и Аллаху поочередно молится: поймите сочувствие к служащим, не дайте заглохнуть двигателю, уберегите тормозную систему от поломки на перевале! А сколько было случаев, когда техника подводила в самые критические минуты!

Зона осетино-ингушского конфликта. Долго буду помнить недоумение, застывшее в глазах солдат, глядевших на новенькие БТР-80 местного вооруженного формирования: «Нам бы такие!». Возможно, эпизод и не характерный. И все же, согласитесь, это нонсенс, когда подразделения республиканского МВД в особом, подчеркнем, районе по технической оснащённости утирают нос военным. Вероятно, у войск не хватает финансовых средств для пополнения парка бронетанковой техники современными машинами? А может, загвоздка в том, что мы не можем выступать прямыми заказчиками перед военно-промышленным комплексом, минуя ГУМТиВС МВД?

— Что верно, то верно, в умении создавать искусственные трудности мы мало кому уступим. Как, впрочем, и в самоедстве. Посему давайте не поминать старое. Лучше посмотрим, какие извлекаются уроки из прошлых ошибок.

Да, был период, когда брали на вооружение технику б/у. Теперь отношение центра к доспехам внутренних войск круто изменилось. До понимания властей предрержащих дошла простая истина: нельзя миротворческие силы, находящиеся в прямом смысле слова меж двух огней, снабжать и обеспечивать по остаточному принципу. Готовится указ Президента (надеюсь, к моменту опубликования интервью этот документ в полную силу будет работать на нас) о выделении значительного количества бронетехники для оперативных частей войск. Полагаю, в 1995 году в наших мотострелковых подразделениях практически не останется машин устаревших модификаций.

— Не взглянуть бы, Петр Николаевич!

— Для оптимистических прогнозов имеются все основания. Уже сейчас войсковые силы быстрого реагирования на 75 процентов оснащены БТР-80. Активно закупаем технику прямо на заводах, с которыми налаживаются прямые связи. Для этих целей правительство финансовых средств не жалеет. Буквально на днях получили большую партию новых, с конвейера, «восьмидесяток». Вооруженные Силы, спасибо им за поддержку, безвозмездно пере-

дали войскам необходимое количество БМП-2.

Упреждая встречный вопрос, сразу скажу: с этими «бэтэпэшками», молиться Всевышнему, чтобы уберечь от поломок в разгар операции, как это случилось в Карабахе, отцам-командирам не придется. Наши специалисты сами выбирали боевые машины пехоты на базе хранения. И, разумеется, придирчиво смотрели в зубы каждому дареному коню: горький опыт, приобретенный в стреляющих регионах, многому научил.

Налаживая прямые связи с поставщиками, ни в коем случае не собираемся брать на себя все функции, выполняемые ГУМТиВС в интересах войск. Это было бы, по меньшей мере, неразумно. Нельзя, делая одно дело, портить другое, гнаться за краюхой с риском потерять весь каравай. В отличие от Вооруженных Сил внутренние войска не имеют ни собственных баз хранения автобронетехники, ни мощных снабженческих и заказывающих структур: это находится под крышей ГУМТиВС, которое распределяет технику, вооружение, вещевое имущество по всем отраслям министерства. При существующей системе и речи быть не может ни о какой суверенизации наших служб в организации техобеспечения и снабжения. Создадим необходимые условия — тогда можно будет подумать о том, чтобы взвалить на себя часть гумтивсовской ноши. А до этого необходимо следовать по пути всемерного укрепления служебных связей с представителями довольствующего органа, напоминая им о нуждах и проблемах войск. В первую очередь это касается руководителей на местах: далеко не везде уровень и качество деловых контактов с окружными управлениями способов максимально обеспечить материальные запросы войсковых частей и соединений. А между тем реакция на наши просьбы помочь залатать те или иные дыры редко бывает отрицательной. Главное — не сидеть сложа руки в ожидании появления вожделенного блюдечка с голубой каемочкой.

— Когда в войска поступает новая техника, возникает проблема: куда девать старую? Как она решается?

— Очень просто. Снятые с вооружения части оперативного назначения бэтэры отправляем на капремонт, а затем передаем их частям по охране важных государственных объектов и специальным моторизованным воинским частям. Со временем и у них будет новая броня. Сразу же всем сестрам по серьгам не получается, первоочередное внимание по понятным причинам — силам быстрого реагирования.

— Специальные моторизованные части обделены не только бронетехникой. Сравним: на каких автомобилях правят службу бойцы СМВЧ и их двоюродные коллеги из муниципальной милиции, госавтоинспек-

ции ("Нивы", БМВ, "Ауди"). За войска обидно!

— Вы забыли части по охране ИТК. До передачи их под крыло ГУИН никто не снимал с нас задачу обеспечения этой нелегкой службы автомобилями. Кроме того, за войсками сохраняются функции планового, встречного и судебного конвоирования. Следовательно, остается и проблема пополнения парка символических в прошлом "боевых машин", внутренних войск.

Отвечая же на вопрос о колесах СМВЧ, могу сказать с предельной откровенностью: картина действительно безотрадная. Особенно во вновь сформированных "милицейских", батальонах Северо-Кавказского округа — там на часть приходится по несколько новых автомобилей, остальные доживают свой век благодаря мастерству и энтузиазму техспецов. Несколько лучше укомплектованы СМВЧ в относительно стабильных регионах: срок эксплуатации одной трети их "уазиков" — до 5 лет. Цифры для сравнения: во всем автомобильном парке внутренних войск 49 процентов новых машин и лишь 17 процентов ветеранов, состоящих на службе более 10 лет. Как бывший армеец, могу засвидетельствовать: по аналогичным параметрам в Вооруженных Силах показатели хуже.

— Но армия, за исключением 201-й дивизии в Таджикистане, не воюет. А мы, по словам министра внутренних дел, боремся с преступной агрессией. Куда ни глянешь — всюду фронт без флангов. И при этом личный состав частей, выполняющий задачи по охране общественного порядка в горячем регионе, ездит на видавших виды "антилопах". Не парадокс ли?

— В автослужбе войск сверстан план вывода СМВЧ из колесного кризиса. Слово — за Минфиню. Естественно, никто с иномарками связываться не желает. Накладно да и хлопот не оберешься. "Жигули", в большом количестве тоже не нужны: задержанных в салоне некуда помещать. Цена опять же кусается. То ли дело УАЗ с цельнометаллическим кузовом. Дешево и сердито. По стоимости "жигуленок" потянет на три "уазика".

Не отдыхаем от забот и с "конвойным", автопарком: тридцать процентов спецмашин на ладан дышит. Предлагаем все силы, чтобы отремонтировать их. Характерная деталь: автотехническое перевооружение конвойных подразделений идет быстрее там, где налажены прочные связи с окружными управлениями материально-технического и военного снабжения.

— Кажется, наш разговор дал крен в сторону проблем, связанных с автотехникой. А ведь у оружейников тоже немало болевых точек. Вот одна из самых-самых: в плачевном состоянии, мягко говоря, нахо-

дятся некоторые войсковые склады. Того и гляди стены завалятся или крыши рухнут. Вот где рай для охотников за стволами! Уверен, это и ваша непреходящая головная боль. Что предпринимается во взаимодействии с тылом для решения проблемы сохранности оружия и боеприпасов?

— Поверьте, сделано немало. В европейской части вы уже не увидите ни одного склада с ветхими стенами. Осталось несколько таких реликтов к востоку от Урала. Но через два-три года и этот пункт будет вычеркнут из реестра наших проблем. Попутно замечу: все старые склады, находящиеся в аварийном состоянии, не говоря уже о капитальных железобетонных сооружениях, оборудованы ТСО, и беспрепятственно проникнуть туда посторонним практически невозможно. Вновь образованный в составе ГУКВВ отдел вооружения, аналогичные структуры в округах держат, как у нас принято говорить, на жестком контроле вопросы обеспечения сохранности стволов и боеприпасов — на складах, в казармах, караульных помещениях, в пунктах временной дислокации. Огромную работу в этом направлении проводят командиры, штабы, офицеры-воспитатели. Не случайно в 1993 году, по сравнению с годом предыдущим, похищено, захвачено, утеряно оружия в семь раз меньше.

— Диалектика: победа в бою, успех в проведении спецоперации, выполнении повседневных задач службы и ратной учебы зависят от двух факторов — наличия отвечающих требованиям времени оружия, техники...

— ...и людей, обладающих необходимыми профессиональными знаниями и навыками, высокими морально-боевыми качествами. Угадываю ваш вопрос, которого давно жду: какие осуществляем меры по совершенствованию подготовки специалистов? Не ошибся?

— В самое яблочко, товарищ генерал-лейтенант.

— Тогда с главного начнем. Итак, техническая подготовка курсантов военно-учебных заведений и офицеров. Как известно, во внутренних войсках России создана кузница инженерных кадров автомобильного и оружейного профиля — Пермское командно-тыловое училище. Но поскольку в решении поставленных перед силами правопорядка задач возрастает удельный вес мотострелковых частей, одним специалистам-эксплуатационникам не вытащить вагон и маленькую тележку возникших проблем. Второе плечо должны подставить офицеры подразделений, в состав которых, напомню, будут включены бэтэзры. Стало быть, с курсантской скамьи их нужно готовить не только как юристов с высшим военно-специальным образованием (или командиров — с

юридическим), но и как технически грамотных профессионалов. Потому в программах командных училищ с нашей подачи увеличено количество часов, отведенных на изучение техники, вооружения, огневую подготовку. Не мешало бы этот уклон отразить в графе диплома, где указывается присваиваемая выпускникам квалификация. Чем не стимул?!

Для совершенствования техподготовки офицеров непосредственно в частях будем регулярно проводить учебные сборы с отработкой вопросов боевого применения БМП, БМД, БТРов, танков в горячих точках.

В целом удовлетворяет предъявляемым требованиям подготовка водителей и механиков-водителей в учебных частях. При одном условии: если забыть о нехватке самого необходимого — помещений для классов, тренажеров, литературы, наглядных пособий. А главное — денег, на которые все можно построить и купить.

Впрочем, эти издержки покажутся мелочью на фоне организации профессиональной учебы ремонтников. Тут мы не поднялись выше уровня ликбеза. Готовим специалистов прямо на рабочих местах, радуясь тому, что не перевелись еще среди призывников токари, слесари, электрики...

— Притча во языцех — несовершенство учебной базы, на которой оттачивается мастерство механиков-водителей, операторов-наводчиков, артиллеристов, минометчиков, зенитчиков. Некоторые части по великому благу арендуют полигоны армии. А как быть, ежели таковых в районах дислокации наших полков и соединений не имеется?

— Давайте смотреть на вещи с реалистических позиций. Действительно, в масштабах технической модернизации войск темпы развития учебной базы могут показаться более чем скромными. Однако при наших возможностях это — без преувеличения — семимильные шаги. Все относительно.

Есть у нас прекрасный учебный центр с танкодромом в Северо-Кавказском округе внутренних войск. В том же округе планируем оборудовать еще одну трассу для вождения танков и БМП. С великой охотой размахнулись бы на большее, но... О финансовой стороне проблемы я уже говорил. А вот другая, не менее существенная: полигон — это прежде всего земля; отчуждение ее в пользу военных наносит ущерб народному хозяйству, и добиться разрешения на аренду даже небольшого участка в далеких от созидания целях крайне сложно. Круг замыкается. Тем актуальнее задача эффективного использования учебных центров Вооруженных Сил, которые, прямо скажем, отнюдь не перегружены. Такие полигоны есть вблизи пунктов постоянной дислокации всех без исключения оперативных частей (плюс-минус 100–200 километров в

расчет не берем). И вовсе не требуется великого блага, чтобы получить добро на проведение там занятий с нашими специалистами: тесно взаимодействуют командующие войсковых и армейских округов, штабы, управления, службы. Да и как иначе? Вместе, плечом к плечу державе и народу служим. А когда речь идет об общем деле государственной важности, торг между людьми в погонах из разных министерств и ведомств неуместен. И потом. Не все ли равно по большому счету, на чьих директрисах и стрельбищах ты совершенствуешь боевое мастерство?! Был бы результат. А он есть.

— Не открою истины, сказав, что нынешнее смутное, непредсказуемое время (запах пороха и гари доносится от самых от окраин до Москвы) настоятельно требует не только высокого профессионализма, но и взаимозаменяемости специалистов. Представим такую ситуацию: в бою, не дай Бог, ранен водитель бэтэра или наводчик. Кто займет их место у руля, пулемета?

— Вы совершенно правы, овладение смежными специальностями, взаимозаменяемость — важный фактор успешного выполнения боевой задачи. Учтывая это, повысили удельный вес вождения и огневой подготовки в программе обучения командиров БМП. Аналогичные меры будут приняты в мотострелковых полках на БТРах после передачи в подразделение бронетехники.

— Беда, волнующая всех офицеров, — травматизм при обслуживании и эксплуатации техники. Как поставить ему надежный заслон?

— Рецепт не нов: строгий контроль за соблюдением мер безопасности, обеспечение станочным и парко-гаражным оборудованием плюс высокий профессионализм ремонтников и водителей. Согласитесь: две, как говорят в Одессе, большие разницы, когда за баранкой или у станка восемнадцатилетний мальчишка либо умудренный опытом специалист со стажем.

— Сам собой напрашивается вопрос о комплектовании должностей младших технических специалистов по контракту. Как идет этот процесс?

— Идет — громко сказано. Только только начинается. В частях уже есть подписавшие контракт автослесари, электрики, газосварщики, водители и механики-водители. Но это пока первые ласточки. Рано делать какие-то выводы. Цыплят по осени считают.

— Петр Николаевич, а что бы вы хотели сказать в заключение нашей беседы?

— Благодарен судьбе за то, что свела меня с внутренними войсками, с замечательными, преданными своему делу людьми.

ВОЙСКА: проблемы, события, люди

Из кавказского дневника

ОБРАЗ ЖИЗНИ - СПЕЦНАЗ, или Победы и беды одного отряда

“В подразделениях спецназа калечат молодых парней, превращают их в не знающих жалости костоломов, способных работать только руками и ногами. Эти подразделения нужно держать под особым контролем,,

“Спецназ – академия настоящих мужчин, рыцарей без страха и упрека,,

“Спецназ – это образ жизни...,,

Мнения.

– **ДАВАЙТЕ УТОЧНИМ** нашу задачу, – сказал Мирча и, достав из командирской сумки потертую на сгибах карту, разложил ее на столе. Ликвидатор, Рэмбо, Сокол и Варвар, придерживая автоматы, склонились над еле заметной ниточкой горной дороги, по которой вскоре будут карабкаться их бэтээры.

– Значит, так. Маршрут – прежний. За пару часов, думаю, доберемся по серпантину до пограничного поста. Там – привал и ужин. Ровно в полночь с погашенными фарами начинаем выдвижение в район поиска. Первая, вторая и третья группы размещаются соответственно здесь, здесь и вот здесь, – с этими словами Мирча сделал карандашом пометки на карте. – Запомнили? Прекрасно. Затем выставляем секреты на горной тропе и в кустарнике справа от дороги. Караулим супостата, производим захват и на рассвете возвращаемся на базу. Я нахожусь на “бэтре”, первой группы. Вопросы есть?

Вопрос был у прессы.

– Интересно, зачем делать такой крюк, если в указанный район можно выдвинуться в несколько раз быстрее через Чернореченское.

– Велик шанс засветиться до начала операции, – прятая улыбку, ответил Мирча. – Боевики тоже не льком шиты, у них повсюду глаза и уши. Увидят, в каком направлении следуют наши “коробочки,, сразу смекнут, что у нас на уме. Ну а мы их дезориентируем, поедем в противоположную сторону, пусть думают, что спецназ отправляется на охоту глубоко в горы.

Шутливый псевдоним офицер Главного управления командующего внутренними войсками подполковник Михаил Иванович получил в одной из тревожных командировок в Молдову, тогда еще респуб-

лику в составе СССР. Потом нескончаемой чередой последовали поездки на Северный Кавказ, грозивший стать карманным российским Афганистаном. За умелую организацию нескольких операций награжден орденом "За личное мужество". По роду службы Мирча чаще всего работает с подразделениями спецназа. И, как правило, находится в их боевых порядках, на броне. Некоторые его коллеги называют это блажью, глупым молодечеством. Офицеру главка сам Бог велел руководить всеми мероприятиями из штаба войсковой оперативной группы. Поставил задачу, и — вперед, "краповые береты", лавры за победу разделим по-братски, а в случае поражения, не обессудьте, отвечать будете сами, пусть ваши головы под "сферами", об этом болят. Но подполковнику не по душе такой "стратегический, метод руководства, то ли дело в "окопах", или на "боевом коне". И братишки ценят его порыв, платят сторицей — искренним мужским уважением, которое завоевать у "краповых беретов", ох как не просто. Считают его полноправным членом своего аскетического товарищества.

Ликвидатор, он же Иваныч, он же капитан Игорь Семенов*, кавалер боевого ордена, заместитель командира отряда специального назначения, тоже личность известная. В Карабахе за его голову назначили сумму в 50 тысяч целковых, целое состояние по тем временам. Там же к нему приклеилось грозное прозвище. Хотя внешность Иваныча менее всего совпадает с характерным обликом матерого усмирителя бандюг в горячих точках. Невысокого роста, худощавый, в темных очках, надев гражданский костюм, он скорее сойдет за преуспевающего делового человека.

Преуспевает офицер в другом. "Всех этих поджигателей войны, которые проливают невинную кровь, прикрывая уродство и подлость свою „интересами

нации", давил и давить буду!" — без обвиняков скажет мне, как отрежет, Ликвидатор. Жесткому, бескомпромиссному кредо спецназовца — защитника, рыцаря мира (да простят мне высокий слог) верны и склонившиеся над картой командиры групп с экзотическими боевыми прозвищами. На пару лет отставшие в возрасте от заместителя командира части, двадцатипятилетнего капитана, они еще не имеют внушительного наградного иконостаса, но у каждого яркая, как вспышка проектора БТР, судьба и десятки сногшибательных эпизодов, которые могли бы стать сюжетом крутого приключенческого фильма, похлеще нашумевшего "Рэмбо".

К слову, давно, давно пора бы создать запоминающийся кинообраз отечественного благородного супермена, зовущего к подражанию и зеленых пацанов, и парней в погонах. Хватит бить поклоны заокеанским идолам. Только слепому не видно: в обществе, в рядах его вооруженных защитников давно зреет потребность в национальном самоутверждении. Не потому ли Игорь Семенов и его бойцы нарекли отряд по-былинному — "Росич". Правда, название это пока официально не утверждено, но, по словам Рэмбо (в миру — старший лейтенант Юрий Александров), если придумают другое, более удачное, оно тоже будет связано с Росичей, ее героической историей.

Что касается истории самого отряда, то боевой путь "росичей", только-только начинается. Созданная год назад часть специального назначения еще не имеет блестящего ореола славы, которым увенчан старший брат — легендарный "Витязь". Мастерству спецназовскому тоже предстоит учиться и учиться у более опытных коллег. Однако победы "Росича", на поле брани, где нет ни фронта, ни флангов, а противник, всячески избегающий лобовых стычек с силами правопорядка, хитер, дерзок, а бывает, и натаскан на невидимых тропах преступной войны не хуже профессиональных командос, — эти победы красноречивее всех словесных дифирамбов свидетельствуют о мощном потенциале молодой дружины "краповых беретов". И если удастся его реализовать, глядишь, непобедимым "витязям", придется потесниться на пьедестале почета, давая рядом место младшим собратям, о чем последние страстно мечтают, упорно тренируя "мускул свой, дыхание и тело". Такому соседству в авангарде лучших сил спецназа внутренних войск "витязи", не сомневаются, были бы только рады: дело-то общее, чем крепче встанут на ноги братишки из других частей и подразделений, тем больше проблем будет со спокойным у боевиков и мафиози всех мастей.

* По понятным причинам фамилии офицеров, выполнявших боевые задачи в районе чрезвычайного положения, изменены.

Боевое крещение. Оно могло бы стать триумфальной закладкой фундамента традиций, если б не коварство местных стражей порядка... Вспоминая этот эпизод, Ликвидатор брезгливо морщится и адресует троюродным коллегам несколько выразительных и крепких, как удар опытного рукопашника, словечек из ненормативной лексики. В Карабахе насмотрелся на республиканские подразделения МВД, с которыми внутренним войскам приходилось взаимодействовать при выполнении боевых задач. Вроде бы не привыкать к тому, что блюстители местных нравов, одетые в милицейскую форму, предают военных, лишь только запахнет жареным, а все ж эмоции берут верх, едва заходит речь о ненавистном двуличии «союзничков», — может, шестое чувство подсказывает: попортят еще кровушки федералам в горячих регионах удельные стражи порядка. Боевики хоть не скрывают своих намерений, а эти...

В одном из райцентров Дагестана проводилась серьезная операция по изъятию оружия, боеприпасов, наркотиков. Поскольку там не вводили режим чрезвычайного положения и войска играли вспомогательную роль, отряду, как выразился один из офицеров, пришлось скрепя сердце работать под кавказскими увездщиками. По оперативным данным, крупная партия стволов была спрятана в здании санэпидстанции. Получив команду, «росичи» стремительно заняли его, выставили охрану у входа. Хотели начинать обыск, но тут решительно запротестовали милицейские чины: ломать двери не стоит, шум большой будет, сейчас же привезут хозяев с ключами, ждите. Какого дьявола церемониться, вскипели офицеры. Пока будем хлопать ушами, здание, как пить дать, блокируют боевики.

Как в воду глядели. Пока суд да дело, у санэпидстанции начала собираться

вооруженная толпа. Притащили даже три противотанковых гранатомета и с криками «Выметайтесь, русские оккупанты!», наставили их на окна. Ну да не на тех напали. Не получи «росичи», сдерживающего распоряжения сверху, тяжко пришлось бы обнаглевшим экстремистам. В умелых руках спецсредства типа «свет-звук», — достаточно убедительный аргумент. Ан нет, велели тихо ждать подкрепления и не высовываться, дабы не провоцировать горячий кавказский народ. Дождались! Прибывшие на подмогу милиционеры, быстро прикинув, на чьей стороне численное превосходство, а скорее всего, просто следуя коварным директивам своего начальства, озабоченного тем, как бы не поссориться с националистическими лидерами, на глазах заблокированных коллег из российского спецназа начали брататься-обниматься с вооруженными молодчиками. Получив поддержку представителей власти, толпа забурлила кипятком диких страстей: «Вы приехали насиловать наших женщин и убивать стариков! Знайте, мы умеем мстить. Все вернетесь домой в цинковых гробах!»

— Обидно, когда тебя грозят отправить на родину грузом-200 на горе родителям и друзьям, — повел плечами старший лейтенант Александров. — Пришлось погрозить стволом крупнокалиберного пулемета. Глядим, попритихла толпа, самые голосистые крикуны прикусили язычки. Что ни говори, а силу на Кавказе уважают.

Но тут по рации поступил сигнал как можно скорее уносить ноги. Не пристало, конечно, спецназу показывать спины, сознавая, что взаимодействующая сторона, продавшаяся с потрохами националистам, натурально обвела военных вокруг пальца, ну а ввязываться в драку — себе дороже. Не дай Бог прольется кровь, им же, «росичам», первым придется расхлебыв-

вать кашу, заваренную чужими руками.

Из этой переделки спецназ вышел, одержав моральную победу. Потом были победы настоящие, боевые. На берегу Азовского моря прижали к ногтю браконьеров, что тучами несметными слетались к заводям и, открыто игнорируя милицию и прокуратуру, потрошили рыбу, бочками вывозили икру на черный рынок. Операцию провели как по нотам. Блокировав район, перекрыли все подъездные пути, ни одна машина с незаконным грузом не ускользнула. А в Кизляре захватили целый вертолет с контрабандой. Конфисковали несколько тонн икры, ценной рыбы, бензина, вернули России многие миллионы рублей (кто там говорил, что войска паразитируют на теле народа?). Еще один классический захват: взяли две мафиозные группировки. Жители Кизляра готовы были на руках носить своих защитников, умоляли задержаться подольше: не отпустим и все тут, с вашим приездом впервые за последние годы вздохнули спокойно.

Следующая строка в реестре побед: Северная Осетия, разоружение банды, терроризировавшей жителей поселка Редант. Хорошо тогда поработали, вспоминает старший лейтенант Александров. Справились без единого выстрела. Накрыли тепленькими в "малине", и показали, "что значит русский бой удалый, наш рукопашный бой".

Словом, есть чем заполнить первые страницы исторического формуляра вновь сформированной части.

— Конечно, есть, — кивнул капитан Семенов. — Бывают урожайные месяцы — в активе по два десятка добытых с риском стволов. Не пустяк! Да только мало радует эта цифирь. Возвращаясь из горячей командировки на зимние квартиры — и тут же на тебя такой пресс начинает давить, словно у нас не отряд спецназа, а штрафной батальон. Чуть что — тысяча придинок. А недавно меня знаете, в чем обвинили? В насаждении культа исключительности... За что? А... У нас всегда прав тот, у кого больше прав...

Вспыхнувшие было в глазах капитана огоньки негодования угасли, будто плеснули на них воды. Взгляд за тонкими стеклами в стальной оправе стал каким-то отрешенно-ироничным. И до самого отъезда Игорь Иванович, замкнувшись, не проронил ни слова.

Двинулись в сумерках. Проутюжили колесами улицы Владикавказа, привлекая внимание прохожих живописным видом "всадников", на броне: до упора набиты спецназовскими причиндалами "лифчики", головы повязаны зелеными платками-масками, оружие с диковинными для гражданской публики пристежками подствольных гра-

натометов, лазерных целеуказателей, оптических приборов. Сила!

Словно почувствовав ее, горы встречали неласково. Свинцовыми хмарами, неумолимо наползавшими на кручу с резьбой серпантина. Пустыми глазницами заброшенных санаторных коттеджей. Тоскливым безлюдьем на всем вместившемся в око пространстве. Крутыми поворотами трассы, в которые бэтээры с трудом вписывались лишь со второй-третьей попытки. Пронизывающим влажным ветром.

На третьем часу утомительного путешествия господствующие высоты заняла мысль о привале с костром и крепким "конвойным", чаем. Все это в момент организовалось, как только бронированные "коробочки", причалили к долгожданному пограничному КПП. Хозяйственные бойцы выгрузили припасенные вязанки дров, пузатые вещмешки с сухпаем и, демонстрируя завидную сноровку, принялись колдовать над ужином.

Привлеченные доспехами и снаряжением спецназа, к костру потянулись свободные от службы пограничники. С уважением здоровались, не скрывая восхищения, разглядывали оружие, "сферы". "Нам бы такие стволы да касочки!", — "Кто на что учился, ребята!"

Гвоздем презентации оружия была демонстрация действия лазерного целеуказателя. Светящаяся точка от невидимого тонкого луча по воле стрелка плотно "приклеивалась", к любому объекту на дальности ведения прицельного огня. А ведь совсем недавно о таких чудесах "краповым беретам", приходилось только мечтать, коллегам зарубежного спецназа завидовать. Не сразу, но решили проблему. Не стыдно смотреть в глаза людям, коих защищать призваны. Скорее бы и от других болевых точек помогла избавиться держава: какое время на дворе!

Подхарчившись, бойцы оседлали броню, и в темноте над угловатыми силуэтами тускло засветились огоньки сигарет, похожие на ощупывающие цель лазерные точки.

У КОСТРА остались одни офицеры.

— Вы не успели рассказать о том, как получили втык за воспитание у подчиненных культа исключительности, — воспользовавшись моментом, напомнил я сосредоточенно молчавшему Ликвидатору.

Отцы-командиры многозначительно переглянулись. Кто-то громко хмыкнул, вложив в этот звук весь заряд накопившегося сарказма. Стоявший напротив меня двухметроворостый гигант (кажется, его боевое прозвище Бизон), поморщившись то ли от дыма, то ли от досады, обреченно махнул рукой:

— Да уж, у нас и не такое могут...

Капитан Семенов поправил очки и, собравшись с мыслями, негромко произнес:

— По-моему, стали уже привыкать к тому, что если заходит разговор о наших армейских бедах, то офицеры обязательно завернут его в разбитую журналистами колею старых и хорошо всем известных проблем: бытовая неустроенность; социальная незащищенность, хроническая безработица жен офицеров и прапорщиков, когда часть дислоцирована «вдали от шума городского»; нищенские оклады по сравнению с заработками тех же охранников из службы «секьюрити», всевозможных фирм, контор и валютных магазинов...

— Да что «секьюрити», омоновцам муниципальные власти такие премии отстегают, что нашему брату и не снилось, — вздохнул Бизон.

— Сейчас не об этом, — покачал головой Игорь Иванович. — Хватает и других проблем — наших внутренних, сугубо спецназовских, о которых, даю голову на отсечение, пишущая и снимающая братия ни сном ни духом не ведает...

— Это точно, — поддакнул кто-то из офицеров. — Бьют по своим, чтоб чужие боялись.

Ликвидатор, явно взволнованный возвращением к прерванному на базе разговоры о наболевшем, достал из нарукавного кармана смятую пачку «Явы», нервно прикурился от головешки, продолжал свой печальный рассказ.

— Главная беда в том, что есть разные понятия о спецназе. Иные штабисты спят и видят все части и подразделения дивизии подстриженными по единой мерке, как трава на газоне. Без разницы: пехота, тыловики или «краповые береты», — все едино.

А теперь возвращаюсь к вопросу о культе исключительности... Однажды до сведения руководства дошло — при выполнении групповых упражнений на занятии по физдо бойцы отряда выкрикивают хором: «Мы — спецназ, мы — лучше всех!». Что тут началось! Прививаете подчиненным чувство превосходства над личным составом других частей, вбиваете клин между воинскими коллективами. А в чем, спрашивается, криминал? В том, что на занятии за-

давал установку на лидерство, поддерживал мажорный психологический настрой?! Так на то и спецназ. Кого при необходимости пошлют выручить из беды людей и вернуться со щитом? Конечно же, того, кто лучше стреляет, не знает равных в рукопашном бою, духом бодр. «Крапового беретца!» Ни в коем случае не принижая другие военные специальности. Каждый «профи», незаменим в своем деле. Кулинары, предположим, заправляя котлы, тоже могут скандировать: «Хоть весь округ обойдешь, лучших асов не найдешь!». И будут правы, потому что в варочном цехе им нет конкурентов, и спецназовцу там делать нечего, так же как повару в группе захвата в боевой операции.

Этот «наезд», — цветочки по сравнению с тем, что случилось позднее... — Ликвидатор подвинул носком ботинка полуобгоревшую доску к центру костра и снова запустил пальцы в нарукавный карман, выжививая сигарету. — В общем, поступило распоряжение, запрещающее носить на зимних квартирах камуфляж и краповые береты. Исключение — тактические занятия. Все. В остальное время — повседневная для строя: китель, рубашка с галстуком, фуражка... Приказы не обсуждаются? Так точно. Посему считайте этот разговор кулуарным комментарием профессионалов, которые, в отличие от некоторых наших штабных чиновников с большими амбициями и нулевым боевым опытом, по самые ноздри хлебнули лиха в горячих точках и прекрасно понимают разницу между приказом и капризом.

Что такое камуфляж для личного состава части специального назначения? Прихоть? мода? Да нет же — неотъемлемый атрибут, символ суровой профессии. Все равно что для моряка бескозырка и гюйс. Попробуйте представить корабельную команду в армейском х/б и кирзачах, авиаторов в погонах с общевоинскими эмблемами, офицера погранвойск в брюках с красным кантом. Нонсенс! А поражать в законных правах спецназ — значит, в порядке вещей? Так выходит! За отряд, за общее наше дело обидно.

Военная форма для меня — не просто цвет ткани, покрой и знаки различия. С краповым беретом и камуфляжем связаны честь, слава и доблесть спецназа. Его кредо. Во все времена во всех армиях и родах войск процветала традиция уважительного отношения к мундиру и погонам. В годы оголтелой антиармейской кампании ее попытались задуть, приравняв форму защитника Отечества к рабочей спецовке. Ну и кто от этого выиграл?

ОФИЦЕРЫ молча слушали, покусывая фильтры сигарет; их лица, ставшие сосредоточенными и хмурыми, выражали одно чувство: «Врежь правду-матку, Игорь Иванович!».

— При таком отношении к отряду скоро наступит время, когда бойцов маковым калачом в наши ряды не заманишь, — вклинился в паузу между нервными затяжками капитана Сокол, он же старший лейтенант Николай Голубев. — Перед увольнением парни готовы наизнанку вывернуться, лишь бы достать новенький камуфляж. А тут на тебе, последней отряды лишаешь. За что? За то, что тринадцать месяцев в году мотаемся по горам, по долам, гасим "священную", вражду народов?

Правильно говорится, встречают по одежке... И хотя культ формы далеко не самое главное в системе воспитания спецназовцев, неужто так трудно понять, что служат у нас вчерашние мальчишки, а не пятидесятилетние дяди, у них в сердцах, несмотря на отвращающий прагматизм нынешних дикорыночных отношений, не изжит дух романтики, стремления подражать популярным киногероям. Наденет парнек камуфляж с нарукавным знаком "Отряд специального назначения", а через годик, сдав экзамен, — краповый берет и чувствует себя похожим на любимых кумиров. И клички — боевые псевдонимы придуманы. Они тоже элемент игры, поднимающей солдата над серыми буднями, психологический магнит, который притягивает в отряд, как и трехцветка с беретом, сильных и мужественных парней.

Воистину, спецназ рождает не только героев, но и своих поэтов, философов, неволью подумал я.

— Ладно, замнем эту тему, есть поважнее вопросы, — продолжал капитан. — Парадоксально, но факт: командование внутренних войск страны, командование округа вникают в наши проблемы, понимают их, разделяя нашу озабоченность, намного глубже, чем отдельные должностные лица частей и соединений. За примерами далеко ходить не будем: Михаил Иванович, офицер главка, львиную долю кавказских командировок проводит с нами на броне. А вот некоторые наши "рулевые", лихо командуют "краповыми беретами", только в пункте постоянной дислокации.

Резко берет молодой капитан. Может быть, даже слишком. Категоричен в оценках. Возможно, перегибает палку, обвиняя родных начальников в предвзятом отношении к "беретам", недооценивает их благих намерений в стремлении везде и всюду навести "идеальный порядок". Это от долго сдерживаемых эмоций, от постоянного нервного напряжения, накопившейся психологической усталости. В главном же с Игорем Ивановичем и его боевыми

товарищами трудно не согласиться: нельзя спонтанными "педагогическими", экспериментами доводить до стресса тех, кто пашет в горячей точке за десятерых, каждодневно рискуя здоровьем и жизнью. Даже из самых благих побуждений.

— Хотите главное услышать о нашем братстве? Выстрадавшее, выношенное в сердце. Спецназ — это не просто профессия или место службы. Спецназ — это образ жизни. Смысл жизни, — говорит в заключение своего запальчивого монолога Игорь Семенов, точно дает ключ к ответу на вопрос, а что же их, прессируемых и справа и слева, удерживает в войсках, — ключ, который так и не смог найти популярный тележурналист, автор смелого и честного фильма "Скованные одной цепью". — Это единая семья, имеющая свои неповторимые черты, традиции, ритуалы. Такой ее сделала жизнь, непростая наша работа... И еще надежда, которая умирает последней...

— Заболтались мужики — время! Ту-

шим костер и — по коням! — взглянув на часы, командовал подполковник Михаил Иванович.

БЭТЭЭРЫ с тихим ворчанием вырулили на трассу и, не зажигая огней, на ощупь, двинулись в указанный район. Офицеры напряженно вглядываются в густую чернильную темень, сквозь которую едва-едва проступают крутовершие силуэты гор. Справа от дороги на расстоянии полукилометра редкими звездочками поблескивают огоньки. Слева — шершавый бок скалы. Главный ориентир для рулящих вслепую водителей.

Бойцы на броне — как упругие пружины, готовые стремительно разжаться, едва прозвучит команда "К бою!". Но вокруг разлита первозданная тишина, нарушаемая лишь монотонным пением моторов. Вот и оно умыкло. Прижавшись к обочине, машины замерли. Короткое совещание офицеров, последняя — теперь уже с привязкой к

местности — обкатка полученной задачи, и две «коробочки» с десантом уходят вперед.

— Вот здесь и будем их караулить, — вполголоса произнес Мирча, поудобнее устраиваясь на броне.

Кого «их», можно не спрашивать. Разная публика глухими ночами по здешним тропам шатается с наркотиками и стволами. Вот и сегодня разведка подбросила любопытную информацию. Надо проверить, а заодно принять превентивные меры. Может, и попадется какая-нибудь хищная рыбешка.

Между тем живые сети секретов уже набрасываются на участки, пересекающие вероятные маршруты движения боевиков. По команде Ликвидатора солдаты один за другим исчезают в темноте. Тихо и незаметно. Не слышно ни шороха кустарника, ни стука камней...

Стало быть, не только в стрельбе да физическом единоборстве горазды, подумал я, вспомнив, с каким азартом лупцевали друг друга бойцы на занятии по рукопашному бою. Бесшумно подняться по крутому склону, найти в темноте неприметную тропинку, занять позицию, не потревожив ночной тишины, — тоже искусство. Не зря перед зачислением в отряд добровольцы проходят крутые тесты и экзамены. Отсев — 70 процентов. Остаются в части самые-самые...

Через полчаса ожил динамик портативной рации капитана Семенова: «Ликвидатор, я — Ворон. Приступил к наблюдению...».

Кажется, время замедляет свой бег, растягивая секунды, минуты, часы, как резиновый жгут. Сидим на броне среди гор и тишины, до дури смолим, прикрывая огоньки сигарет ладонями. Молчим. От начальников войсковых подразделов с небольшими интервалами поступают доклады-близнецы: на тропях никаких передвижений не обнаружено. Наконец забрезжил рассвет. Небо стало серым и водянистым.

— Все, результатов сегодня не будет, — скучным голосом сказал Михаил Иванович. — Собирай людей, Семенов. Сворачиваемся.

— А я как чувствовал: вернемся пустыни. Ничего, в другом месте повезет. — Ликвидатор ловко соскочил с брони и нажал на тангенту радиостанции...

УМУДРЕННЫЕ опытом командиры утверждают, что отсутствие результата — тоже результат. Ежедневные и еженочные поиски, засады, разведывательные мероприятия вяжут боевиков по рукам и ногам, не дают им дерзко поднять голову, действовать безнаказанно и масштабно. Кроме того, каждый такой выезд, как ларчик с секретом, таит возможность непредвиденной удачи. На ловца ведь и зверь бе-

жит. Не дремал бы только ловец. Однажды старший лейтенант Александров, проводя с бойцами разведку, прищучил торговцев наркотиками с огромной партией товара. Случайность? С какой стороны посмотреть... Вот и в это утро после бессонной ночи в горах повезло с уловом.

Небольшая группа в главе с майором Альфой (в миру Юрий Николаев) отработывала оперативную ориентировку в районе автовокзала. Того, кого искали, среди пассажиров не обнаружили. Собрались воссоединиться — вдруг к майору робко подошел заплаканный мужчина: «Помогите, на вас, военных, только и осталась надежда. Вокзальная милиция как в воду канула, у кого еще защиты искать — не знаю», — и руки мозолистые с мольбой протягивает.

Выяснилось: ограбили человека. Окружили юнца шакальей стаей, угрожая ножом, отняли деньги, ценные вещи. Двое из них крутятся совсем рядом, чувствуют себя в полной безопасности.

— Не переживайте, разберемся, — успокоил потерпевшего Николаев и подал знак спецназовцам.

Грабители не успели глазом моргнуть, как очутились в бэтээре. Опешив от стремительного захвата и грозного вида воинов с повязками на головах, подлые душонки распустили нюни, во всем сознались.

До ближайшего райотдела милиции было рукой подать. Сдали туда шакалят со всеми потрохами: принимайте меры, коллеги.

Все еще не веря счастливому повороту событий, растроганный мужчина не знал, как благодарить заступников.

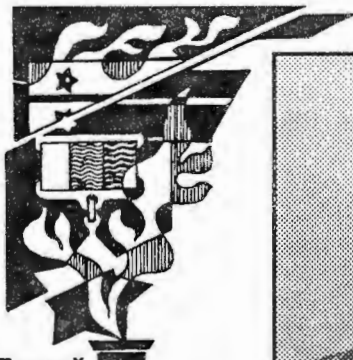
— Свои соплеменники ограбили. Плакал, просил, верните хотя бы деньги, чтобы к брату в Цхинвал доехать. Они только издевались в ответ. А русские солдаты, которые приехали сюда издалека, пришли на помощь незнакомому человеку. До конца жизни этого не забуду.

— Служба такая, — улыбнулся на прощание майор.

Незначительный вроде бы эпизод для отряда. А на душе у каждого было такое чувство, будто сделали что-то большое и важное. Разве имеет значение, за кого заступились, из какой беды выручили? В любых масштабах зло остается злом, а добро — добром. Они поступили как должно. Стало быть, день прожит не зря.

И будут еще слова благодарности от сотен спасенных людей, будет страх в сердцах больших злодеев и маленьких злодейчиков, будет гарантия мира на этой многострадальной и грешной земле — пока существует спецназ. Пока существует...

Ю. ЧЕРКАСОВ.
Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

**Герой
Российской
Федерации
старший
лейтенант
Александр
Валерьевич
МИХАЙЛОВ**

СУВОРОВСКИЙ ЗНАК АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВА

— КАК ЖИЛ мой Саша? — Валерий Семенович Михайлов переспрашивает с тягостным вздохом и достает из коробки видеокассету. — Можем чуть-чуть посмотреть, как он жил...

Красным вспыхнул экран телевизора — на Красной площади идет военный парад. Красные транспаранты, красные знамена, красные погоны и околыши фуражек. Голос ведущего: "Московское высшее военное общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР. Кремлевские курсанты замыкают пеший строй парада, как бы возвращаясь своей историей к истокам и традициям советского офицерства. Дата рождения училища — 1917 год, а история его — точнее не скажешь — это история Советских Вооруженных Сил..."

— Он где-то здесь, говорил, что в третьей шеренге шел, — десятки раз

отец останавливает ленту, чтобы в двухминутном отрезке пленки, посвященной сотням курсантов, отыскать мгновение, прожитое сыном. Один стоп-кадр, второй, третий... — Где-то здесь он, Саша, мы его видели...

И тут же, без паузы, жестоко-жизненное видео показало нам госпитальную палату: Саша Михайлов в белом интерьере, в бинтах, пластырях, под капельницами... В тишине. За кадром рассказ тележурналиста о гражданских и военных жертвах кровавого октября 1993 года:

"Я вспоминаю, как плакала мать юного защитника Белого дома — она договорилась с клинником, чтобы приняли ее раненого сына, а сын все срывал бинты и рвался продолжить братоубийственный свой бой.

Покалеченные тела и души восстанавливаться будут еще ох как долго!

Но придется ли восстанавливаться Сашке Михайлову — вот этому лейтенанту двадцати двух лет из дивизии Дзержинского с пробитой головой и простреленными легкими, уже которые сутки парящему между реанимацией и небом?"

... Небо рано разделилось с землей, рдяное тепло над дальним горизонтом поднималось и тончало, размешиваясь с солнечно-золотой краской августа, а когда охотники в очередной раз подняли взгляд свой над камышами, то увидели и вовсе чистую голубизну — пролетела с последними утками их удачная на редкость зорька.

Дурашливый еще щенок-дратхаар с вызывающей для тверских мест кличкой Никсон скакал меж охотниками и их трофеями, подчеркивая свое личное участие в этом празднике души удачливых и гордых в своей удаче мужчин-добытчиков.

Александр внешне старался не выдать своего, тоже мальчишечьего ликования, но отец-то заметил азартную возбужденность сына после того, как раз за разом отдавал ему право выстрела. А лет тогда был великолепный! В ту последнюю свою утиную охоту подстрелил сын десяток птиц. Дома отстранил отца от ружей: "Отдыхай, батя, я сам почищу.. Оружие любил, чистил со знанием дела. Выходит, прав был командир курсантской роты майор Асеев, записавший в аттестации на присвоение первого офицерского звания курсанту Александру Михайлову: "Материальную часть стрелкового оружия, вооружение БМП, БТР знает очень уверенно, хорошо стреляет из него. Может грамотно, правильно организовать его хранение и обслуживание.."

До той аттестации, впрочем, надо было еще дойти-добежать-доехать-доползти. Первые свои утиные охоты он воспринимал просто как экзотическое развлечение, но не как серьезную мужскую игру на свежем воздухе. И в суворовцы пошел, потому что горели глазенки при виде военных сверстников-мальчишек, вышагивающих гордо по калининским улицам. Помните классику школьного соцреализма — картину в учебнике "Родная речь..", на которой мальчишка-суворовец браво докладывает деду: "Прибыл на каникулы!..?"

Таким же, в черной форме с красными погонами и лампасами, заявился суворовец Михайлов к дедушке своему, Семену Михайловичу, в невеликий городок Торопец. Дед был с виду суров

— белая пышная борода, увесистая палка в руках — Лев Толстой, да и только. Но учительская строгость в нем заметно размягчалась мудрой добротой. Преподавал дед географию и сам по себе был необъятным и неизведанным континентом. Говорили с внуком о многом. И о войне, конечно. Ее-то Семену Михайловичу как забыть — без ноги остался после боя под Смоленском. Награды имеет самые солдатские — "За отвагу..", "За боевые заслуги..". И опыт — самый что ни на есть окопный. Истоки массового героизма находил быстро, в сермяжной правде жизни. Рассказывал внуку, что, поднимаясь в атаку, наши бойцы, каждый по себе, думали об одном — конечно, в этом бою кого-то убьют, но ведь не меня же?! Каждый "откладывал" свою смерть на потом. А выбирает она или нет — это у нее спросите.

КОГДА впервые задумался о смерти Кон, Саша Михайлов? Вряд ли в суворовцах. Но ведь не случайно однажды появился в его личных документах сложенный вчетверо листок со словами:

*"Плачет, плачет мать родная,
Плачет молодая жена.
Плачут все, как один человек,
Свой рок и судьбу кляня".*

Откуда это? Не каждый и догадается. Оказывается, это "На сопках Маньчжурии..". Зачем носил при себе (или в себе?) этот трагически-величавый вальс молодой еще человек?

Бабушка Наталия Александровна говорит по-простому, без затей и лукавства: "Он ретивый был, Саша. Он как-то не по возрасту, не по себе совался везде. У него все к военному интерес был — играл все вот с этими солдатами, потом стрельба, гребля... Нелегкое детство у него было.."

Насчет нелегкого детства бабушка нисколько не преувеличивает. Лейтенант Михаил Туруткин, лучший друг Александра, тоже признался, что ни в высшем военном училище, ни в дивизии имени Дзержинского им не было так тяжело, как в суворовском. Там пятнадцатилетние мальчишки с первых дней наелись вдоволь солдатской каши (в прямом и переносном смысле) и, окруженные культом Суворова, духом русской воинской славы, становились (не все; конечно) запрограммированными военными, как образно-

справедливо выразился отец Саши. Мама Людмила Александровна в воспоминаниях заглянула еще дальше, когда «служили, они всей семьей в военном гарнизоне: «Он чуть не с полутора лет шагал под барабан да военный оркестр».

Они именовали себя по-старинному — «кадетами», и, севши на полный государственный пансион, с младых ногтей становились людьми государственными и по долгу, и по совести. Побоку леность, необязательность, неряшливость. Побоку многие мальчишеские соблазны. Сила воинского строя, надежность дружеского плеча, доля собственного вклада в общее дело взвода, роты, училища — это все не пустые были слова.

Лесковский «Кадетский монастырь», — вещь обязательная для нынешних суворовцев, мальчишки века двадцатого живо внимали заветам из века прошлого и слова тогдашнего директора генерал-майора Перского считали обязательными к исполнению: «Ведите себя хорошо и исполняйте то, что приказывает вам начальство. Главное — вы знайте только самих себя и никогда не пересказывайте начальству о каких-либо шалостях своих товарищей. В этом случае вас никто уже не спасет от беды».

На кадетском языке того времени для занимавшихся таким недостойным делом, как пересказ чего-нибудь и вообще искательство перед начальством, было особенное выражение «подъегозчик», и этого преступления кадеты никогда не прощали. С виновным в этом обращались презрительно, грубо и даже жестоко, и начальство этого не уничтожало. Такой самосуд, может быть, был и хорош, и худ, но он, несомненно, воспитывал в детях понятия чести, которыми кадеты с бывших времен недаром славилась и не изменяли им на всех ступенях служения до гроба.

Как свидетельствуют те еще кадеты, у них «все до мелочей и вдаль, на всю жизнь, внушалось о товариществе, и диво ли, что оно было?»

Длинное цитирование из Лескова здесь очень необходимо — речь идет о вещах, удивительнейшим образом относящихся к судьбе Героя России лейтенанта Александра Михайлова. Если утверждают, что история повторяется, то уж военная история Отечества многократно теснее к судьбам нынешних

военных. Свидетельство кадета прошлого века:

«... Когда нас выпускали, то выпускали на бедное же офицерское жалование. А мы ведь были младенцы, о доходных местах и должностях, о чем нынче грудные младенцы знают, у нас и мыслей не было. Расставались не с тем, что я так-то устроюсь или разживусь, а говорили:

— Следите за газетами: если только наш полк будет в деле, — на приступе первым я.

Все так собирались, а многие и исполнили».

КОМАНДИР взвода лейтенант Михайлов был на заготовке овощей в подмосковном хозяйстве. Привез в дивизию машину капусты, а в гарнизоне — круговерть. В полку комплектовались экипажи бронетранспортеров, задачу еще не ставили. Лучшего наводчика-оператора, чем лейтенант Михайлов, вряд ли сыскать (читайте приведенную выше училищную аттестацию). Он согласился, если и не с радостью, то уж точно с готовностью и, по-видимому, с азартом.

Приезжая в родное суворовское училище в Тверь, он не без гордости докладывал командирам и преподавателям, что учится в ВВОКУ имени Верховного Совета РСФСР. Могло ли привидеться в самом кошмарном сне, что пули настигнут его свинцовыми смертельными плевками у самых стен Верховного Совета этой самой (нет, теперь уже другой) России?! По солдату Отечества, по суворовцу Михайлову стреляли как по врагу.

БТР N 450 расстреляли почти в упор. Майор Сергей Грицюк и рядовой Олег Петров были убиты сразу. Александру удалось выбраться, товарищи помогли отойти в безопасное место. Раны его были тяжкие. Пока был в сознании, обещал хорошенько угостить всех врачей на своей свадьбе, которая уже намечалась.

7 октября он стал Героем Российской Федерации, 8-го — старшим лейтенантом. Звезды те радости никому не принесли — через две недели Герой умер. Свадьбы не будет...

В двадцати метрах от перекрестка улицы Николаева и Краснопресненской набережной, где БТР внутренних войск, направлявшийся для эвакуации людей из зоны обстрела, был встречен огнем из-за баррикады, продолжает

торговлю шикарным магазином. В витрине, пробитой пулями, красуются свадебные наряды фирмы "Boss". Пухленький амур с синюшным лицом ухватил ручки своими бронзовую лютюню. Здесь, у Белого дома, звучать отныне только траурным мелодиям...

На Сашиних похоронах в Твери были его друзья, лейтенанты, однокашники по суворовскому училищу и кремлевскому — имени Верховного Совета. Весной 92-го, перед выпуском, на книге "В. И. Ленин и кремлевские курсанты", они оставили друг другу прощальные автографы, вспоминая непростые, но по-молодому задорные четыре курсантских года, желая, естественно, всего доброго на офицерской стезе:

"Ты не давал нам унывать, для кого-то ты был просто непокорным, а для нас — добрым весельчаком, хорошим товарищем.."

"Если человек встал на колени, то он уже не человек. Ты всегда был человеком: ты всегда говорил то, что думал, а делал то, что говорил. В нашем подломе обществе это была большая редкость. Я тебя всегда уважал за это. С такими людьми чувствуешь себя надежно и уверенно. Буду очень рад, если судьба сведет нас еще когда-нибудь.."

"Санек! С тобой было весело, так как высмеивалось все подлое и низкое. Будь осторожней в нашем „совке". Счастья тебе".

Вступив в кадетское братство, мальчишки намечали себе нелегкую судьбу. Мало кто из них, выбирая для поступления военное училище (а им выбирать можно — в любое идут без вступительных экзаменов), думал о теплом месте на гражданке. Из калининских суворовцев вышли два Героя Советского Союза — генерал-полковник Б. Громов и старший лейтенант В. Задорожный. Общевоинская "кремлевка", и вовсе — кузница доблестных воинов, Героев, маршалов. Но для Александра Михайлова и его сверстников "афганский поезд ушел", Советскую Армию уже во всю кромсали и топтали. Когда пришла пора делать первый офицерский выбор, в училище приехали из дивизии внутренних войск имени Дзержинского.

Печатающая шаг на параде, он готовил себя к войне. По Красной площади проходил суворовцем, потом — курсантом-кремлевцем... Дзержинцы оказались в том же орденосно-сиятельном ряду всенепременных парадников. Но

ведь право пройти строем на виду у всей страны надо заслужить. Надо — значит, заслужим! Кавказские войны длятся уже не первый год, и именно российской внутренние войска заняты умиротворением. Выбор был сделан в пользу "краповых беретов.."

ОН УСПЕЛ съездить в две кавказские командировки. В переделки-перестрелки, слава Богу, не попадал. Но доволен был, что там можно было поездить на "бронике..", мир поглядеть. В одном из поселков, на границе с Чечней, их с Михаилом Туруткинским пригласила в гости русская старушка. Просто чайку попить, телевизор посмотреть. Самой же хотелось выговориться с русскими сыночками. Заурядный, на первый взгляд, эпизод. Но это лишь на первый нелюбопытный взгляд. А ведь скромное то чаепитие в небогатом доме было признанием уважения русского офицера на Кавказе. И не бесчисленные досмотры автомашин запомнились молодым лейтенантам, не трудности бивачного быта, а всего-то встреча с русской женщиной...

"Бытовуха", заедала не в походах, а на зимних квартирах. Отсюда и странноватая нестыковка в выводах аттестации: "Профессию офицера любит, дорожит честью военнослужащего. Тяготы и лишения воинской службы переносит не всегда с пониманием.. Он не понимал и не хотел понимать, почему ему, "запрограммированному", военному, поклявшемуся верой и правдой служить Отечеству, "запрограммированы", эти пресловутые тяготы и лишения. Походы, командировки, учения — одно дело. Но казарма, общежитие, квартира — совсем другое. В электричке, в метро, в автобусе вез он из дома в училище огромный аквариум для уюта. В тетрадь выписывал столбиком из суворовской "Науки побеждать..":

*"Субординация,
Послушание,
Дисциплина.
Обучение,
Ордер воинский,
Порядок воинский,
Чистота,
Опрятность,
Здоровье,
Бодрость,
Смелость,
Храбрость,
Экзерциция.
Победа и слава!"*

А в курсантских письмах — коротко, по-суворовски, и тоже, кстати, столбиком, для ясности и определенности:

“Жизнь идет своим чередом:
учеба,
строевая,
бега,
территория...”

Все кругом таеет, стало тепло, наступает весна, и настроение поднимается. Кажется, скоро наступит момент, когда я просто-напросто уйду из этого училища.

Мама, я прошу прислать посылку с набором: трусы, майка, старая книга “Самбо, и что-нибудь съедобное...”

Запросы были не сверхъестественными — все во имя “науки побеждать”: обучение, чистота, опрятность, здоровье, бодрость... Вперед, к победе и славе!

Генералиссимус непобедимый еще напутствовал: “Молись Богу! От него победа. Чудо-богатыри! Бог нас водит, он нам генерал... Наш тезка светлейшего князя креститься с товарищами-курсантами пошел сознательно, и денег с воинов священник не взял, потому как любимцы Божии.

Теперь бабушка вздыхает: “Богу нужен был...”

Подполковник С. Коновалов, офицер-воспитатель Александра в Тверском СВУ, говорит по-другому: “Гибель Александра — роковая нелепость. Ведь не должен был участвовать в этих событиях, на заготовку овощей был направлен... Каким он мне помнится? У него всегда были свои взгляды, мнения, суждения. Я сам люблю военную историю России, часто говорили на эти темы с ребятами. К Михайловым, думаю, вполне применима со знаком „плюс” поговорка насчет яблока и яблони — дед-фронтник, отец-офицер и Саша — Герой России, все отслужили Отечеству на совесть.

Я всю жизнь прослужил в разведке. Так вот, могу сказать однозначно: с ним, с Александром, я бы в разведку пошел. У нас не любят выскочек и “гнилых” людей. Он же был — золотая середина. Если что надо — он сделает всегда...”

У подполковника В. Зеленова, командира роты — преподавателя военных дисциплин, свои воспоминания: “Мальчишкой был он маленьким, худеньким, угловатым, а приезжал уже курсантом — не узнать, раздался в плечах, окреп. Прошлым летом встретил их с Мишей Туруткиным у драмтеатра.

Очень обрадовались они встрече, долго меня провожали, рассказывали о своей дивизии имени Дзержинского — нравилось им. Довольные жизнью, веселые молодые люди. Во всяком случае, никто из них не собирался погибать, умирать.

Был как все, как большинство. Обычно запоминаются либо особо одаренные, либо отъявленные разгильдяи. К этим категориям он не относился. Я даже слышал, что твердые троечники — опора всего и вся, и отличные специалисты из них в конечном итоге вырастают, и хорошие товарищи — именно они...”

ХОРОШИЕ товарищи Александра пришли с ним проститься. Были лейтенанты и в летной форме, и в общевоинской, и в штатском платье. Похоронили товарища, помянули... Долго бродили по улицам и набережным родной доброй Твери. Все, казалось, до мелочей знакомо, а теперь вот открываются какие-то незамеченные прежде подробности, явно видится скрытое раньше. Александр Сергеевич Пушкин на берегу Волги грустнее обычного. Гранитный столб в антично-советском стиле, установленный над могилой революционеров, надписан, окантовывается, коряво-нелепо — “Павшим борцам за мировой Октябрь...” Для Саши этот октябрь мировым не стал.

Какими бы маршрутами ни бродили по Твери суворовцы-кадеты, они непременно окажутся у своей альма-матер. Напротив суворовского училища — уютный сквер, где дедушка Крылов снисходительно глядел на военных мальчишек, рассеявшихся на скамейках между персонажами классических бабсен. Как-то в училище им заново открыли Ивана Андреевича Крылова. Оказалось, что отец у него был старым служакой — рядовым, каптенармусом, ротным писарем, прапорщиком, а вышел в отставку капитаном, после чего служил председателем губернского магистрата в Твери. “Наш человек”, — сказал тогда кто-то из суворовцев, может статься, и Сашка Михайлов.

Двести лет назад написал Крылов свое “Рассуждение о дружестве”, которое заботливо напомнили суворовцам в училище и которое у кого-то в душевной памяти какой-то след оставило. Вот когда вспомнилось, на похоронах: “Некоторые думают, что смерть разрушает все обязательства, и малое число людей умеют быть

друзьями умерших, хотя великолепнейшее украшение на наших похоронах суть слезы наших друзей и приятнейшая нам гробница — их сердца; не думай, однако ж, чтоб слезы, проливаемые на погребении твоего друга, были последним знаком твоей к нему горячности: ты еще останешься обязанным его имени, славе и дому, он должен жить в твоём сердце, в твоём воспоминании, в твоих устах похвалами и в твоих поступках подражанием его добродетелям..»

Как хорошо, что в «кадетском монастыре», — Тверском (Калининском) суворовском училище всегда находились люди, похожие на генерала Перского, кто подвижнически, самоотреченно пестовал ратников России между парадом и боями. Один совсем не по-книжному рассказывал о войне, другой для пользы смотрел чуть шире программы, третий был просто примером для подражания. За успеваемость боролись, и если Саша Михайлов в отличниках не ходил, это вовсе не означает, что он был неучем и «немогузнайкой», — кадетская тройка равна пятерке в теперешних наших «средних», школах. Суворовцы с военной уже хитростью брали вершины в науках во время экзаменов национальных батальонов. «Разведчики», звонили в дальневосточный Уссурийск, где боевые товарищи сдавали экзамены на несколько часов раньше. Вызвав темы сочинений, взвод, накрывшись одеялами, перебирался ночью из спального помещения в класс, где готовил, к примеру, «Грозу». Гроза являлась в лице дежурного офицера — громы и молнии были совсем незлобивые, нестрашные. Страшнее было другое — наутро, на экзамене, «Грозы», среди предложенных тем не оказывалось вовсе...

Кадетские будни разве забудутся: «десятка», на лыжах, выезд в летние лагеря, подготовка к параду в Москве. Это апофеоз, в поту и мозолях. У каждого третьего-четвертого в перчатке была ампула с нашатырем — иногда становилось плоховато от переутомления, перевозбуждения и... от фуражки, стискивающей голову. Но все приходило в норму, все эксцессы заканчивались вовремя, перед самым-самым прохождением. По Красной площади они шли, как летели. Знаки участников военного парада — первые заслуженные награды. Ими гордились. Как суворовским знаком, что вручен был вместе с аттестатом зрелости.

ИЗ ОКОН «кадетского монастыря», вид на Памятник Победы. На прибрежном откосе — Вечный огонь. На кованой меди — «Слава героям». У подножия цветы. Вот и еще красные гвоздики кладут — приехала свадьба. Красные гвоздики. Точно такие же, какие положили мы на могилу Саши. Рядом еще один Герой России упокоился — сержанта Владимира Елизарова привезли в Тверь с печально знаменитой 12-й заставы. Российский парень погиб на таджикско-афганской границе. То же недоумение: «За что?», — терзает еще одну безутешную мать.

... Лена, сестренка, не решается назвать Сашин любимый ансамбль, любимую песню. Следил за переменчивой музыкальной модой. Только вот среди документов молодого лейтенанта почему-то лежал листок со словами печально-героического давнего вальса:

*«Тихо вокруг. Сопки покрыты мглой.
Вот из-за туч блеснула луна,
Могилы хранят покой...
Белеют кресты — это герои спят.
Прошлого тени кружатся вновь —
О жертвах боев твердят».*

Так уж повелось в военной истории России — сверкнет луч победы, луч славы, и тут же тучи надвинутся до поры...

Полковник Б. КАРПОВ.

Тверь — Москва.

На второй странице обложки фотографии и документы из семейных архивов Людмилы Александровны и Валерия Семеновича Михайловых — удостоверения суворовца Михайлова и Героя Российской Федерации лейтенанта Александра Валерьевича Михайлова; фото курсантских лет.

Есть вопросы

"ВОИНСКИЙ ДОЛГ? ПЛАЧУ НАЛИЧНЫМИ!"

КАК-ТО в газете, прежде приличной, а теперь откровенно бульварной, коих ныне развелось по стране, как весной муравьев в коммунальной квартире, в разделе "Услуги", случайно наткнулся на любопытное объявление: "Консультация по освобождению призывников от воинской службы". И — номер телефона. После нескольких тщетных попыток дозвониться (видать, от желающих проконсультироваться отбою не было) все-таки повезло: трубку поднял мужчина, адресовав мне усталое "Алло", что лишний раз подтвердило мое предположение о загруженности в их конторе. Выслушав, не перебивая, импровизированную легенду такого недотепы-акселерата, страстно мечтающего закосить от армии, он понимающе хмыкнул и, назвав координаты своей фирмы, голосом автоответчика пояснил:

— Можете записаться на прием прямо сейчас, по телефону. Поставим на очередь, назначим время — явитесь в указанный срок со всеми документами. Мы их детально изучим и посоветуем, что следует делать дальше.

— И почему же ваши советы? — поинтересовался я.

— Четыре тысячи рублей за одну консультацию.

Для справки: расценки — прошлогодние, октябрьские.

Проявляя подростковую настырность вкупе с наивностью, как можно развязнее спросил:

— Что значит — за одну консультацию, сколько же их всего будет-то?

— Не исключено, что возникнет необходимость в дополнительных визитах или иных услугах.

— Но это верняк, что за четыре штуки вы меня от службы отмажете, или гадание на кофейной гуще? Не фартит как-то бабки выкладывать, а после под ружье становиться.

— Сделаем все от нас зависящее, — подчеркнуто терпеливо проговорил этот "военком", потенциальной армии дезертиров. — Ну так что, записывать вас?

— Погожу еще, — буркнул я и бросил трубку. Каюсь: раздражение взяло верх над профессиональным интересом.

Почти всегда, когда встречаюсь с кем-либо из однополчан — соратников по срочной службе, мы достаем из дальних углов шкафов и антресолей пухлые дембельские альбомы и трепетно листаем пожелтевшие от времени страницы, словно иконы, любовно оформленные самобытными художниками. Возможно, чересчур аляписто, местами и вовсе безвкусно, но, честное слово, от души. И в каждом фолианте — две неперемные святыни, заключенные в ажурные рамочки и подцветенные фольгой: повестка о явке на сборный пункт для отправки в воинскую часть и газетная вырезка с "родным", приказом министра обороны об увольнении в запас.

Первая — благословляющая на службу ратную, вторая — дающая путевку в жизнь человеку, познавшему и испытавшему немало и уже способному (верно подмечено народом) кашу даже из топора сварить. "Армия не вооруженная сила только, но и школа воспитания народа, приготовления его к жизни общественной", — совершенно справедливо заметил в свое время видный педагог генерал от инфантерии М.И. Драгомиров. Позднее слова эти, несколько переиначенные, неоднократно вкладывались в уста наших партийных лидеров. Но смысл фразы никому так и не удалось исказить, слишком уж аксиоматичной была истина. Универсальной, рассчитанной на любые режимы — и монархический, и социалистический, и безымянный.

И когда призвали на службу моего отца, армия таковой и являлась. Кстати сказать, его в ту пору впервые за два десятка лет жизни выдернули из привычного деревенского уклада, уложили спать на белые простыни, предвзвительно досыта накормив: диво дивное. И не в школе на уроке географии, а на занятиях по политической подготовке, глядячи на карту своей

Родины, он почувствовал, сколь "широка страна... родная.. Как следствие, невольно возгордился оттого, что судьба забросила его аж на Кольский полуостров, туда, где труднее. Чем не честь, не доверие? А приобщившись потихоньку к большому государственному делу, именуемому службой воинской, отписал он тогда отцу, моему деду: "Батя, теперь я знаю точно, куда деваются наши податки и скотина, которую требуют сдавать на мясо. Так что не скупись, ведь это трудно предстать, какую же громадину кормить надо!".

ЕДИНСТВО армии с народом не было пышной фразой или пустым лозунгом: его каждый ощущал, грубо говоря, на собственной шкуре — и солдат, и крестьянин, и рабочий. К примеру, в историческом формуляре старейшей части внутренних войск, о сегодняшнем дне которой мы расскажем чуть позже, значится: "Профтехучилищем завода "Серп и молот" организовано обучение солдат третьего года службы. Получили гражданские специальности: слесарей — 97 человек, токарей — 49, сварщиков — 53. Сформировано 18 групп общеобразовательной подготовки, 332 человека занимались по программе 5—10 классов". Ну скажите не кривая душой, разве это не школа? Красноречивая цифирь, доказательная...

С годами жизнь, естественно, становилась лучше. Редкого призывника удивляла возможность поесть досыта, поспать на белых простынях и подучиться к тому же. По всей видимости, тогда-то благодарные потомки втихаря и подкорректировали, казалось бы, беспорочное изречение царского генерала, придав ему такую, не столько игристую, сколько саркастическую форму: "Армия — это школа, но лучше окончить ее заочно.."

Поумнели? Конечно, раз классиков править взялись. Впрочем, с какой колокольни смотреть. Ну разве мой отец, у которого два брата погибли в Великую Отечественную, мог допустить, чтобы я окончил эту школу заочно?! Невозможно представить. "Иди, — кратко напутствовал, — ума наберешься.. И вся мораль. Истинно гражданская, народными корнями подпитанная. Да у меня самого, равно как и у моих сверстников, даже мысли такой крамольной не возникало — увильнуть от армии. Ей-Богу, все равно что Родину предать. Твердо знали с младых ногтей: служба — наш долг. И перед государством, величие которого тогда еще просто-напросто не в состоянии были постичь, и перед родителями, и перед солдатами, "с кровавых не пришедшими полей", и перед своими далекими предками и гораздо более близкими потомками.

Уж не ведаю, кому обязаны, но и до сегодняшнего дня в Основном Законе сохранилось понятие воинского долга. По-прежнему призывают служить Оте-

честву на основании всеобщей воинской обязанности, правда, теперь и не нарекают ее "почетной..", а долг — "священным..". Может быть, и в этом есть свой особый смысл, ибо готов согласиться, что сами по себе они таковыми не становятся (хотя, с другой стороны, даже формулировка дорогого стоит). Таковыми сейчас их должны, начав чуть ли не с нуля, сделать мы: народ — своим уважением к человеку с ружьем, к слову сказать, традиционным, испокон веков характерным для православной Руси, правительство — созданием пусть не идеальных, а нормальных, не унижающих человеческое достоинство условий жизни служивым. К чему я клоню? Не торопитесь.

Загодя запасшись внушительной кипой газет с публикациями о ходе (или безысходности) очередного призыва в российскую армию и внутренние войска, с вопросом на устах: "Действительно ли у нас защита Отечества является долгом и обязанностью каждого гражданина или это декларативная формальность?..", — перешагнув пороги кабинета подполковника Задорожнева. Валерий Васильевич, человек, непосредственно и конкретно занимающийся комплектованием частей соединения внутренних войск солдатами, встретил меня предельно сдержанно, если не сказать — настороженно: заходи, мол, коли пришел. Правда, поначалу попытался отмахнуться от разговора по душам, словно бы боясь сглазить, нарушить то положительное, что наконец-то появилось, как робкие ростки зелени по весне, в работе с призывниками. Может, оттого и скользил озабоченно взглядом по стенам, избегая смотреть в глаза.

Но, то ли сжалившись, сменив гнев на милость, то ли не выдержав моего напора, все-таки пошел на контакт. Слово за слово... И поведал о наболевшем, высказал вслух те мысли, которые, наверно, давно не давали ему покоя ни днем ни ночью.

— Поймите меня правильно — у нас никаких проблем с призывом нет. Все они давно уже на уровне государства. Уловили разницу? Наша стержневая задача — выбить, выдать, вырвать, как угодно назовите, все равно будет правильно, у военкоматов необходимое количество новобранцев. О качестве и речи не веду. Ну чем не снабженцы-толкачи? Сумеем, сдюжим — будем на коне, докажем, что народ и армия едины..

ЗАКОНОМЕРНЫЙ, резонный вопрос: а что же это за сила такая, которая способна активно помешать призыву, навредить боеготовности армии и внутренних войск, выбить из седла подполковника Задорожнева и его сослуживцев? Чай, не в охрану собственного кооператива или офиса молодцов набирают, государственной важности делом занимаются. Увы, совсем не просто найти ответ, но наличие и влияние подобной силушки — факт неоспори-

мый. Минувший год — яркое тому свидетельство. Одновременно уволенные два призыва — почти половина всего численного состава — еще более усугубили и без того критическую ситуацию в частях, поскольку такое же количество новобранцев, если не больше, необходимо было поставить в строй.

Президент России, посетивший прошлой осенью подмосковную дивизию внутренних войск и, как мне кажется, близко принявший к сердцу заботы и тревоги людей служивых, пообещал не только дать зеленую улицу призывникам в войска МВД, но и всемерно помочь последним. Надо отдать ему должное, слово свое сдержал. Когда в соединении пусть с небольшим опозданием, но все же получили разнарядку Генштаба, количество новобранцев, предписанных им, "грозило", за минусом нескольких процентов, полным комплектованием штатов. Вот радость-то была.

Рано радовались. Не успела еще высохнуть типографская краска на газетных полосах с Указом Президента России о призыве на действительную военную службу, как на него тут же отреагировали лжепатриоты, мнимые человеколюбцы, армиеведы и прочие кликуши различного толка. Одни откровенно каркали, предрекая неминуемый срыв осеннего призыва, другие безудержно и бесстрашно (неужто и сейчас есть долгожданная демократия — принародно плевать на решения главы государства?) агитировали не подчиняться державным вердиктам.

Так, небезызвестная своими речами и акциями госпожа Новодворская в теоретической статье с ужасно знакомым названием "Советы поторопного", ("Московская правда" — "Новый взгляд" от 20.11.93 г.) бессовестно присвоила себе не только лавры основателя советского государства, но и Колумба тоже и прямо-таки открыла Америку, внося посильный вклад в строительство новых Вооруженных Сил. "Самый эффективный способ перевести армию на профессиональную основу, — возвестила она, — это сорвать полностью призыв". Согласитесь, разве не прав был мудрец, сказавший, что все гениальное просто! Впрочем, не думаю, что он предполагал, насколько именно, иначе бы попридержал язык.

А несколькими днями раньше "Московский комсомолец", неугомонный и напористый (таким он, конечно же, и должен быть, дабы оправдать свое название), посвятил этой проблеме без малого целую газетную полосу под рубрикой "Караул...". Чем только не поразил падкого на сенсацию обывателя! И неутешительными прогнозами призыва, и подробным комментарием законов, регламентирующих военную службу, разумеется, с упором на лазейки, благодаря которым стоит рискнуть и избежать незавидной солдатской долишки, и даже своеобразным

обменом опытом по уклонению от конституционного долга. Вообразить не могу, чтобы, допустим, в Соединенных Штатах, на которые сейчас очень модно оглядываться, какая-нибудь молодежная газета призвала население похерить национальные интересы государства и подорвать боевую мощь вооруженных сил.

Смею думать, что совместные, дружные усилия новоявленных "теоретиков", от армии не пропали даром. На поверку оказалось: чем дальше от первопрестольной, тем, как ни странно, больше здоровых, крепких парней, способных и готовых стать в солдатский строй (оговорюсь: экология здесь ни при чем). А вот в самой златоглавой и белокаменной — сплошь и рядом хроника, хлюпики, вырожденцы. Стыд и позор для нации! Сдается мне, что безотрадные показатели скорее всего продиктованы не физическим здоровьем многих москвичей, а нравственным, моральным.

Прискорбно сознавать, что нашлись и такие, кто послушался "Советов..." госпожи Новодворской, издательски призывающей: "... Покупайте медицинские свидетельства о том, что вы глухие, слепые, слабоумные и ослабленные, подкупайте почтальонов, чтобы не носили повестки, не ходите на медкомиссии, не живите осенью и весной дома, поспешайте на сезонные работы в Литву, Латвию, Эстонию и дальше зарубежье...". Простите, мадам, но это уже не легкая провокация. Вы же буквально грабите тех доброхотов-консультантов, которые паразитируют на нежелании молодежи служить. По меньшей мере — некорректно.

Впрочем, Бог ей судья. Воздастся. Но спросите меня, кто же в конце концов одержит верх в этом противоборстве, замешанном на несколько странном единстве армии и народа, и окажется на коне: Верховный Главнокомандующий, объявивший очередной призыв в ряды защитников Отечества, или подобные Новодворской — бесподобные и столь же беспардонные "борцы против насилия", щедро пополняющие когорты пролетариев ближнего и дальнего зарубежья? И я убежденно отвечу: армии быть! Крепкой, боеспособной и, если хотите, "несокрушимой и легендарной". Независимо от того, кем она станет комплектоваться — вчерашними школьниками или добровольцами-контрактниками. Ибо именно армия — гарант свободного, демократического развития и безопасности любого государства. И примеров тому в истории человечества не счесть.

Но как же быть молодым ребятам, которые черпают информацию о службе ратной со страниц газет, столь же популярных, сколь и, мягко говоря, неискренних? Тем ребятам, коим в голову усиленно вдалбливают: "Если вы хотите защищать родину, то... российская армия — это последнее место в мире, где можно этим делом заняться...". Так и хочется процитировать Та-

лейрана: "А теперь объявим войну словам!". Бесстыдным и лживым, поверив которым призывники чересчур уж робко переступают порог казармы даже в тех воинских коллективах, где о неуставщине и думать забыли, создав нормальные по нынешним меркам условия службы и быта. На вопрос: "Хотите ли вы послужить Отчеству верой и правдой?" — в этих, повторюсь, благополучных подразделениях лишь два процента (вот уж цифрища — смех!) ответили утвердительно. Сколько же потребуется месяцев напряженного труда офицеров и прапорщиков, чтобы внести существенные коррективы в их отравленное "советчиками" мировоззрение?

И ЕЩЕ несколько слов по поводу справок, на которые призывает тратить деньги госпожа Новодворская. Вопрос от чистого сердца, без тени иронии: стоит ли так усердствовать? Ее бы взрывную энергию да на оздоровление нации. И не абстрактное, а буквальное. Диагноз ясен. Недавно в Новосибирске компетентная и авторитетная комиссия проверила учащихся двадцати шести школ — будущих солдат. Выяснилось, что лишь три процента (тоже характерный показатель) выпускников абсолютно здоровы. Остальные — увы. И за последние годы особенно резко выросли среди молодежи заболевания костно-мышечной системы, органов пищеварения и дыхания, кожи.

Однозначно: прав был подполковник Задорожнев, заметив вскользь, но с искренним сожалением, что о качестве призыва речь вести рано. Не до жиру — быть бы живу. Спрашивается, что ж в такой неординарной ситуации остается делать медикам призывных комиссий: заниматься планку требований к здоровью новобранцев (неправомерно!) или вовсе закрывать глаза на некоторые "несерьезные" болезни (опять же незаконно)? Ведь военкомов, признать, не шибко-то волнует, как будет служить конкретный солдат в конкретном подразделении: станет погибать от одышки на марш-броске или от желудочно-кишечных колик в карауле. Для них главное — Его Величество План, количественные показатели. Вот за что спросят по большому счету. А на все остальные случаи жизни существуют соответствующие приказы, определяющие годность призывников к службе по состоянию здоровья и не допускающие самодеятельности и беспредела.

Тогда непонятно, почему же в воинскую часть, о которой я уже упоминал ранее, вдруг призвали шесть энурезников и еще девятерых, едва балансирующих на грани с менее серьезными заболеваниями, — потенциальных кандидатов на увольнение.

Ситуацию немного прояснил разговор с начмедом полка майором Александром Королевым.

— В беседе с родителями солдата интересуюсь: "Неужели вы не знали, что сын болен? Тот же энурез ни с того ни с сего не появляется. Это отнюдь не сиюминутное явление, и к тому же, прошу прощения за грубую прозу, очевидное". Отвечают: "А мы думали — в армии вылечат". Смотрю в глаза людям немолодым, пожившим, — с горечью в голосе признается Александр Николаевич, — и не верю. Лукавят, прекрасно знают, что у нас тут не кудесники, не чудотворцы, такие же врачи, как и в любой районной или городской больнице. Остается одно — увольнять. Но эта процедура нередко затягивается на долгие месяцы.

Как-то солдат-горемыка разоткровенничался. Дескать, военком ему прямо заявил: "Иди служить, сынок, все равно тебя обяжут будут комиссовать. А иначе станем ежегодно дергать, направлять на клиническое обследование, давать отсрочки, пока не излечишься. Хлопот полон рот. Так что иди, родной, пускай уж лучше комиссуют. И тебе, и нам спокойнее".

Понапрасну грех на душу берут. И доброхот при погонах, и родители, которые, уверен, абсолютно не надеются на излечение своих чад в армейских условиях. Элементарно скрывают болезнь или уламывают призвать на службу таким, какой есть. Им ведь тоже, к сожалению, выгоднее, если сына комиссуют: подумаешь, долг, рассуждают, одним больше, одним меньше, а "в Красной Армии штыки, чай, найдутся".

Ну да ладно, речь — о явных больных. А как быть с теми, которым нездоровится ровно настолько, чтобы нельзя было их поставить, к примеру, на боевой пост, доверить оружие. Офицеры частей постоянно сетуют на то, что среди новобранцев практически нет спортсменов, зато с лихвой хватает таких, у кого налицо (и на тело) дефицит веса, причем довольно серьезный — до пятнадцати-двадцати килограммов. Дистрофия — жестокая примета времени, следствие хронического недоедания в эпоху довольно неординарных демократических преобразований и экономических реформ в обществе. Взглянешь на подобного защитника — слезы на глаза наворачиваются. Нет, не от смеха — от мрачных дум и предчувствий: на него бронжилет надеть — упадет как подкошенный. Эти бы "былинки", от ветра шатающиеся, посадить на несколько месяцев на усиленное питание, а уж после и к службе приобщать. Но армия не санаторий. Вся закавыка в том, что кому-то ведь надо и на посты заступать.

А ЧТО на выходе? Со скрипом и с великими потугами к марту осенний набор в "школу приготовления к жизни общественной", был худо-бедно завершен. Решили цыплят хотя бы по весне пересчитать. Пересчитали и пригорюнились, не зная, куда же девать людей, призванных годными с ограничен-

182

ниями или состоящих на учете у психиатра. Ладно, за те два десятка человек, которых сразу по прибытии направили в психиатрические больницы с перспективой комиссования, голова уже не болит: с глаз долой — из сердца вон. А остальные?

Простейший, но жутковатый пример. Представьте себе, что во время массовых беспорядков перед прессингуемой толпой оказались бы вооруженные солдаты — молодые люди с неустойчивой психикой? Оторопь берет, как подумаешь о возможных последствиях. И потому однозначно: внутренние войска нужно оградить от такого пополнения. Как? Конечно же, не разглаживаясь, а надежной правовой базой с четким механизмом реализации законодательных актов и, естественно, всесторонним — и честным! — медицинским освидетельствованием.

Вы можете возразить, что далеко не все в человеке разглядишь даже под рентгеном. И будете правы. А я отвечу, что у нас вся система подготовки солдата, его обучения и воспитания рассчитана на сознательных граждан, готовых добросовестно выполнять свой конституционный долг. И тоже буду прав. Беда в том, что, судя по данным социологических исследований, только четвертая часть молодежи называет себя патристически настроенной, а треть и вовсе готова в любой момент уехать за рубеж к любому вероятному или невероятному противнику. И лишь каждый пятый более-менее лояльно настроен на необходимость выполнения воинского долга. Скажете: яркий показатель безгранично возросшей свободы личности и столь же бездонно углубленной демократии? Вряд ли. Это — симптомы страшной общественной болезни, прогрессирующей прямо пропорционально темпам развала экономики и энтропии нравственности. И поди разберись, почему так получается, что, ратуя за демократию, мы вольно или невольно культивируем аморальность. Может, потому, что при базарно-рыночных отношениях рубль (пусть и постоянно падающий в цене) — мерило всех ценностей? Отрывая молодого человека от престижной работы или перспективной учебы, мы создаем для него реальную угрозу навсегда распрощаться со своей мечтой и «выпасть из гнезда». Как раз в то время, когда каждый второй призывник убежден, что сегодня самое важное — материальное благополучие, а армия в этом деле — серьезная помеха (с чем мы, офицеры, можем себя поздравить: сами негусто зарабатываем и других куска хлеба лишаем). Подполковник Григорий Руднев — воспитатель, что называется, со стажем, часто выезжал в различные регионы страны для отбора призывников в дивизию оперативного назначения. И вот как-то на Смоленщине в райвоенкомате Руднев переби-

рал документы очередного кандидата. Среднее образование, отличное здоровье, словом, по всем статьям подходит. Дошло до беседы.

— А сколько мне будут платить? — первый вопрос потенциального защитника Родины.

Подполковник ответил.

— Не пойдет, — отрезал парень. — Я сейчас получаю в двадцать пять раз больше. И то в неудачный месяц. Кстати, государство возместит мне убытки, которые я понесу за полтора года службы?

Ничего не скажешь, деловой подход. Офицер, естественно, повел речь о социальных гарантиях и льготах военнослужащего, наконец вспомнил о долге.

— Это все меня не устраивает, — подвел итог молодой человек. — Думаю, мы не договоримся с вами. Лучше уж я откуплюсь от службы, дешевле обойдется.

Тем не менее Руднев, посчитав, что призывник качает права для острастки, внес его фамилию в списки. А когда приехал за пополнением, так и не нашел в строю своего любознательного знакомого. Откупился.

Вот он каков, наш рынок. А казалось бы, есть долг, гражданский, конституционный. Отнюдь не тот, который корыстным платежом красен. Так всегда думал я. Так учил мой дед моего отца. Выходит, ошибались все, коли ныне даже конституционный долг можно отдать наличными. Дичь какая-то... К слову, часто ли вам приходилось слышать о том, чтобы где-то поймали райвоенкома с поличным, когда тот торговал «белыми билетами», или, допустим, привлекли к ответственности того, кто откупился от «суровой мужской школы»? Я лично ни о чем подобном и слыхом не слыхивал, зато доподлинно знаю, что солдатский коллектив постепенно становится рабоче-крестьянским: более восьмидесяти процентов призывников имеют рабочие специальности, еще около семнадцати процентов трудились в сельском хозяйстве. Суммировали? И только один на тысячу (!) имеет высшее образование. Просвещенность и образованность населения растет, армия же и войска отстают по всем параметрам...

Помните собеседника подполковника Руднева, поинтересовавшегося, сколько ему будут платить? А действительно, сколько обязана платить мать своим сыновьям и почему нынче воинский долг? Может, сторгуемся?

Майор И. МУЧАК.

Дорога к человеку**ДЕСЯТЫЙ**

КАК это часто и бывает с людьми военной профессии, все самое интересное произошло ближе к полуночи — итог дня, так сказать. Впрочем, слово "интересное" здесь, кажется, не совсем к месту, но другого как-то сразу и не найдешь. Во всяком случае, подполковник Александр Николаевич Фролов не нашел. Дежурный ему доложил: так, мол, и так, военнослужащие в составе отделения самовольно покинули роту, ушли в неизвестном направлении. Вот тогда-то замкомбрига, шнуруя берцы, и произнес это сакральное: "Интересно..".

Жилье его находится пока в комнатке за стенкой его же служебного кабинета, не надо ни звонить, ни посылать нарочного. В общем, Фролов быстро оделся и пошел то ли завершать работу за сутки, то ли начинать новые.

Девятерых солдат и их командира, сержанта Андросова, накануне перевели из оперативного подразделения в конвойное — был там некомплект, некому службу нести. Девятка эта пробыла в роте до отбоя, а потом, уже без сержанта, ушла к себе домой, то бишь в прежнюю свою казарму. На дорогу с перекурами и разговорами ушло минут пятнадцать, и именно в этот промежуток времени дежурный облек в форму тревожного доклада то ли свою, то ли чью-то версию про неизвестное направление, хотя сержант Андросов ни от кого не скрывал, куда ушли его подчиненные.

С младшим командиром Фролов и побеседовал в первую очередь. Может, не все сразу встало на свои места, но прояснилось многое. В новой роте бойцов встретили не совсем дружелюбно — это раз. Два — им предстояло менять

свой полюбившийся уже камуфляж на обычную, защитную, форму. Три — и это главное...

Впрочем, это настолько главное, что писать о нем надо с красной строки.

Утром Александр Николаевич собрал в кабинете тех офицеров, которые так или иначе были причастны к ночному происшествию.

— Что случилось — для меня ясно, а вот почему это случилось, давайте разбираться.

— А что тут разбираться, товарищ подполковник? — пожал плечами офицер А. (по просьбе Фролова фамилии некоторых офицеров здесь не называются).

— Сержанта надо снять с должности, солдат на гауптвахту отправить или как-то по-другому наказать. Распустились, елки зеленые, своевольничают, позволяют себе все что угодно...

— Но ведь отделение Андросова всегда было на хорошем счету. — Фролов нахмурился. — И давайте сейчас не о наказаниях речь вести, это дело последнее. Вчера вечером эти девять человек хотели со мной встретиться, передавали свою просьбу через офицеров, в том числе и присутствующих здесь, но никто из вас мне об этом не сказал. Догадываюсь даже почему: вы меня берегли, да? Мол, если каждый солдат захочет душу замкомбригу излить, то тому и двадцати четырех часов в сутки для работы не хватит. Так, нет?

— Так они с вами о чем говорить хотели? По пустяшному делу! Любой бы его решил.

— Но ведь не решили же — ушли солдаты. И потом, разве это пустяк —

Подполковник А.Н.Фролов.

врать солдату? Отделению сказали, что в "конвойку" их командируют на два-три дня, не больше, и они с легким сердцем пошли помогать, так сказать, братьям по оружию. А когда пришли, их "обрадовали": вы теперь наши до последнего часа службы. Вот из-за чего сыр-бор и разгорелся: задело солдат, что провели их... Если бы меня вот так обманули, я бы тоже вместе с ними ушел, десятым!

Слова в диктофон:

— Действительно ушли бы, Александр Николаевич?

— Наверное, нет. Скорее всего нет — в горячке с языка сорвалось. Но обиделся бы на офицеров страшно, и обида эта долго бы внутри сидела. Ощутите себя в этой ситуации солдатом, таким же самолюбивым, как я, к примеру. Кстати, считаю это качеством... во всяком случае, не плохим. Так вот, вы не разгибайте, вы исправно несете службу, уже вжились в коллектив, приобрели товарищей, привыкли к командирам, вы, как вам кажется, знаете себе цену. И вдруг — вот такое! Это сродни предательству. Если бы меня вызвали, сказали: понимаешь, Фролов, там, куда мы хотим тебя послать, до зарезу необходимы сей-

час толковые ребята, страшно не хочется с тобой расставаться, но посмотри, как складываются обстоятельства... Тогда бы во мне, рядом Фролове, осталось главное: уважительное отношение к себе. Плюс к этому — признательность к командирам: ведь они говорили со мной как с соратником, они считались со мной. А отделение Андрозова — как под зад коленкой. Вот потому я и созвал совещание.

— А почему все-таки солдаты хотели встретиться с вами, Александр Николаевич? Неужто только как с должностным лицом?

— Допускаю. Защиты от несправедливости у кого ищут? У того, кто наверху, так ведь? Хотя, признаюсь, хочется думать, что за те месяцы, пока я здесь служу, я стал для многих своим. Что, спрашиваете, это значит? Это значит, что если бы я сейчас служил срочную, то и меня бы солдаты поняли, и я бы их понимал. Вот сто раз слышал: солдату надо хорошо поесть, крепко поспать, вовремя помыться — и он черта своротит. Не своротит, заверяю вас. Любая армия сильна не сытым желудком, а моральным настроем...

Наш разговор с подполковником Фроловым переходит, так сказать, в теоретическое русло, но с примерами из практики. Вот упразднили институт политрабтников. Бывшие замполиты стали называться теперь по-другому — заместителями командиров по работе с личным составом. Но кто их будет учить работать с этим самым личным составом? Теперь все училища — лишь командные. А раз воспитатели лишаются базовой теоретической подготовки, то этим вроде как признается факт, что мы не нуждаемся в профессионалах на этих должностях. Кем они будут укомплектовываться? Не сыграет ли тут свою роль пагубный остаточный принцип: кто не справляется с командными обязанностями, тот и пойдет в замы?

Воспитание людей нельзя поручать дилетантам — это наука, и как у всякой науки, у нее есть свои аксиомы и теоремы, свои законы, тонкости, которые просто необходимо знать! Что есть слагаемые воинского воспитания? Что есть основа морально-боевых качеств солдата? Из чего складывается авторитет офицера? Не разбираясь во всем этом, как можно работать с людьми?

Обещанный пример из практики.

Молодой солдат угодил на больничную койку. Угодил, по предварительной информации, вроде бы из-за собственной шалости: спустился ночью из окна с третьего этажа казармы, неудачно спрыгнул... В общем, вышло, что никто тут не виноват, что "альпинист", сам себя наказал и тем самым поставил в данной истории точку.

Фролов поставить ее не захотел. Себе и другим он стал задавать четкие, конкретные вопросы, и история из казусной стала превращаться в поучительную.

Вопрос первый: где были офицеры роты, когда солдат получил травму? Вне казармы, поскольку это был поздний вечер. Само по себе это явление нормальное, офицеры не сиделки, нечего им у солдатских кроватей дежурить.

Но тогда возникает вопрос второй — психологического характера. Если вы служите не первый год, то вы знаете ночную жизнь подразделения, живущего не совсем по уставу. В отсутствие командиров власть в свои руки берут здесь "ночные комбаты". Чаи гоняют, картошку жарят, молодых уму-разуму учат. И уж никаких шалостей от последних они не потерпят. Отсюда третий вопрос: на кой черт понадобилось отправить молодому солдату ночью на плац?

Ответ оказался оригинальным. "Альпинист", спустился вовсе не на плац, а из того окна, которое выходило на городской тротуар. В карманах его была сумма денег, значительно превышающая месячное довольствие не только рядового, но и офицера. Есть неписанный закон солдатской казармы: "Не выдай". Именно на таком "кодексе чести", возвращены "ночные комбаты", и что интересно, нормальные, толковые, порядочные солдаты в основном следуют ему, поскольку сейчас не очень сильно разбираются в том, что же это действительно такое — честь. С ними подполковник Фролов решил поговорить в последнюю очередь. А в первую собрал тех, кто через считанные дни должен был увольняться в запас, и выдал им раздобытую в войсковом магазинчике информацию. Продащица ему рассказала, что два последних месяца нет у прилавка очередей. Раньше, как только получка, то и бегут сюда солдатики отовариваться кефиром, конфетами, булочками. "Вчера получка у них была, а покупателей как не было, так и нет. Не пойму, в чем дело."

— Зато я понимаю, в чем дело, — сказал "старикам", замкомбрига. — Не хочу винить всех, но кто-то из вас занимается рэкетом и не только забирает у сослуживцев деньги, но и заставляет их совершать самоволки за дембельскими покупками. Сейчас вы все свободны, но тот, кто делал это, пусть в течение дня зайдет в канцелярию, и мы с ним поговорим. Сразу же обещаю: виновные понесут наказание. Но наказание это несравнимо возрастет, если кто-то решит, что сможет отмолчаться, уйти от ответственности, обхитрить меня. Тогда я сам найду виновных...

Слова в диктофон:

— И нашли бы?

— Пара пустяков. Но у меня и тут был верный расчет. Знаю: подлость всегда граничит с трусостью. Подлый человек не верит в порядочность других — это аксиома, он просто уверен, что его заложат, и поэтому спешит хоть как-то оправдаться, показать, что некоторые другие поступали еще хуже, чем он. Опытные воспитатели знакомы с этим явлением.

— Ну и что в этот раз?

— Точно так. Вот тогда я собрал весь личный состав и сказал: смотрите, как вы живете, ребята, как вы себя не уважаете. Вглядитесь, кто верховодит вами... А офицеров отдельно собрал, и разговор у нас еще серьезней получился. Ну действительно, за кого же нас бойцы принимать будут, как будут уважать, если мы им днем толкуем о высоких материях, а "ночные комбаты", им говорят: офицеру ты нужен только для выполнения службы, настоящая твоя армейская жизнь начинается после отбоя, поэтому слушай сюда...

— Как же вы предлагаете бороться с дедовщиной?

— А никак! Не надо с ней бороться. С подлецами — да, надо бороться, а дедовщина — явление, ее надо осмыслить и использовать во благо воспитательного процесса. Ну кто такие "деды"? Солдаты, желающие выделиться из среды других потому, что и послужили больше, и опыт больший приобрели. Кураж — это ведь термин тоже из психологии, и искоренить какие-то вполне естественные проявления человеческого характера невозможно. Но разумно направить их в нужное русло. Что

для этого нужно? Талант воспитателя, только и всего.

Только и всего...

Хотите верьте, хотите нет, но Фролов со школьной скамьи мечтал быть не просто военным, но именно военным воспитателем. Закончил с отличием школу — учился в орловской деревне — и поехал в Ленинград поступать в высшее политическое. Не поступил — балла не хватило. Из Питера возвращался в деревню огородами, ночью — стыдно было на глаза знакомым показаться, ведь первый же ученик в школе. Директор, узнав на другой день, что Саша провалился, не всплескивал руками, не качал сокрушенно головой:

— Видно, отбор там у них жесткий, самых-самых берут. Следующий раз туда уже не поедешь?

— Поеду.

А пока поступил в речное училище, закончил с отличием, опять поездка в Ленинград, опять недобор балла. И — срочная служба. Так случилось, что служил при одном из военных училищ, стал замкомвзвода, старшиной батальона. Когда пришло время увольняться, ему посоветовали: поступай к нам, проблем никаких не будет, считай, что ты уже курсант. Он поехал в Питер. И с третьей уже попытки поступил. Когда увидел свою фамилию в списке зачисленных, испытал, по собственному признанию, такое состояние эйфории, какое, наверное, испытывает космонавт, паря в невесомости.

«Чистым» замполитом роты при первом своем назначении после училища он был всего месяца три. Ротный ушел в запас, и лейтенант Фролов стал исполняющим обязанности командира роты. И какой! Самой отстающей в полку. Мало того, под следствием было несколько прапорщиков, обвиняемых в злоупотреблениях служебным положением. Первое, что сделал Фролов, разобравшись, — бросился на их защиту. Его попросовали культурненько осадить: мол, на тебе, лейтенант, никакой ответственности в этом деле нет, ты человек новый, так что не суетись, тебя лично их дело никоим образом не заденет. «О себе я бы и не суетился, а их судьбы мне не безразличны». Это не было молодым запалом, не было позой, Фролов каждый раз приходил к ним с новыми фактами в руках — посмотрите, убедитесь: оклеветали моих людей. «Да какие же они твои? Они

под следствие попали еще до твоего прихода в роту!», — «Мои!»

Всех до единого прапорщиков оправдали. Юристы перестали тыкать Фролову, теперь только по имени-отчеству к нему обращались, а в роте... Да стоит ли говорить, как к нему в роте стали относиться?!

В Ельце это было. Рота по всем показателям пошла вверх, и старший лейтенант Фролов тоже пошел вверх, на должность замкомбата. Батальон был сродни елецкой роте — в дивизии на худшем счету. А через год сюда приехала комиссия специально для обобщения опыта.

Слова в диктофон:

— Кстати, об опыте. Понимаю, что в двух словах это сказать сложно, но все же: что вы считали тогда и считаете сейчас главным в своей работе?

— Главное — неприязнь к термину «среда». Солдатская среда, офицерская среда... Когда выступаю, то думаю не о том, как воспримет мои слова зал, а дойдут ли они до лейтенанта Иванова, сержанта Петрова, рядового Сидорова. А то ведь у нас порой как бывает. Приезжает товарищ из вышестоящего органа и заявляет: «Мало, коллеги, работаете с солдатской средой, не отражено это в ваших бумагах». Собирает в просторном помещении эту самую «среду», и час-полтора говорит о необходимости быть ответственным на боевой службе. Потом расписывается у нас о проведенном мероприятии и вполуха выслушивает наши сетования: караульное помещение холодное, казарму бы надо отремонтировать — своими силами не управимся, спортивный инвентаря нет, киноустановку менять давно пора... «Это ваши проблемы, ваши проблемы... Я ведь сегодня с несколько иной задачей сюда приехал...»

Так вот, задача у нас должна быть одна: видеть и понять конкретного человека, делать конкретное дело, можно совсем без лозунгов.

И второе: не бить свои кадры. Плохие они, хорошие — с ними тебе работать. Вот сейчас я на новом месте, не со всеми и не во всем согласен, но говорю себе: не спеши с выводами, пусть сначала увидят твой стиль работы, пусть поймут, чего ты от них хочешь.

Потом были новые назначения. Двенадцать переездов к новым местам службы, не считая Москвы, где учился в академии. Привыкла ли к такой кочевой жизни жена? Дело не в привычке, а в понимании. А она понимает, она ведь сама военнослужащая – прапорщик. Дети растут тоже в основном в дорогах. «Папа, а когда мы уже в новый город поедем?»

Может статья, и поедут.

В общем, нормальная офицерская биография. Правда, у многих она с синусоидами, а у Александра Николаевича – по восходящей. Вроде как повезло: выдалась такая дорога, без рытвин, без кочек. Попадались такие учебники: что ни слово, то истина.

Кстати, об учебниках.

Когда Фролов был лейтенантом, в роту к нему прибыл служить рядовой Роман Катков. Детдомовец, человек непосредственный, контактный, раскрытый, без намека на хитрость и фальшь в душе. Ко всем он относился одинаково, не видел никакой разницы между старослужащим и солдатом последнего призыва. Если «старик», начинал качать права, Катков мог запросто ему сказать: «Ты негодяй, братец, так поступать нельзя». Друзей у него было полно, но и недоброжелателей хватало.

– Роман, у вас что, в детдоме плохих людей вообще не было?

– А плохих людей вообще в природе не бывает, товарищ лейтенант, со всеми можно поладить.

– Но ты же сегодня Сергейчука негодяем назвал.

– За дело. Он поймет и больше так не будет поступать.

Таким был рядовой Роман Катков.

За прямооту и неумение угождать его избили «старики». Он ушел из подразделения. Его преследовали. Задержали. На лице синяки, кровоподтеки, слезы в глазах:

– Звери они, звери! Я ничего, оказывается, не знал о людях.

И зарыдал в голос.

Лейтенант Фролов стоял и не знал, что ему сказать.

Потом приехало большое начальство, и лейтенанту сказали примерно следующее: не бойтесь, вас не накажут, вы ведь совсем недавно на должности, а вот с других погоны полетят.

Закружились, завертелись события, и никому не было дела до самого рядового Каткова и до «стариков»: листали планы работ, подсчитывали количество комсомольских собраний.

Сейчас Фролов сознается: именно тогда он мог сломаться, уверовать в то, что главное в его деле – отчетность и бухгалтерия. Но хорошо, что все ночи, пока работали комиссии, ему снился Катков, который все выкрикивал и выкрикивал свою последнюю фразу: «Я ничего не знал о людях».

Слова в диктофон:

– Вернемся к самому началу, Александр Николаевич. Чем закончилась история с сержантом Андросовым и его отделением? Ушли бойцы из конвойной роты и...

– Как вы понимаете, вопрос этот надо было решать оперативно: действительно посты оголялись. Предложений я выслушал много. Такое, к примеру: напрасно отделение в полном составе взяли, там парни спятые, вот и заупрямились. Надо из всех отделений по одному-два человека выдернуть, сержанта вообще из другой роты взять, и никуда они не денутся, будут службу нести как миленькие. Логично, да?

– Так и поступили?

– Не совсем. Я пошел в роту, разыскал отделение Андросова и сказал воинам, что мы тоже живые люди и иногда ошибаемся, и попросил извинить за обман. Ну, в общем, поговорил с ними по душам. И сказал, что в конвойную роту пробуем найти добровольцев, но лично я очень хотел бы видеть в этой роте именно их.

И они, все девять человек, меня поняли. И на новом месте служат сейчас очень даже неплохо.

Подполковник И. КОЗЛОВ.

Фото автора.

*Северо-Кавказский округ
внутренних войск МВД России.*

Реформа высшей школы

НА ПЕРЕПУТЬЕ

Военное училище: день вчерашний — день нынешний

Казалось бы, что такое три с половиной года по училищным меркам? Сущий пустяк, да и только. Но это было раньше. Сегодня же наша бурная, насыщенная катаклизмами жизнь так глубоко перепахивает складывавшееся десятилетиями бытие, что разве слепой не заметит, как разительно меняются люди, идущие рядом, и как становишься другим ты сам.

Три с половиной года я не был в Перми. За это время та «зеленая», абитуриентская поросль, примерявшая курсантские погонны у меня на глазах осенью девяностого, достигла «войсковой спелости», стала выпускным курсом. Похожи ли они на своих предшественников, помнится, безо всякой иронии называвших себя «солдатами четвертого года службы»? Что волнует сегодняшних курсантов? Чем живут их командиры, преподаватели?

На множество вопросов мне хотелось найти ответы в стенах военного вуза, идущего, как и все остальные, дорогой реформы высшей школы.

НАЧНЕМ с того, что пермского командного больше нет, как нет и ленинградского высшего политического. Но если ВПУ, судя по всему, стало ненужным грядущей жизни, то перевод Пермского высшего военного командного училища на тыловые рельсы явился мерой вынужденной: харьковское училище тыла оказалось на территории самостоятельной державы, не пожелавшей растить военные кадры для внутренних войск России.

Ни в одном нашем командном вузе нет такой учебной базы, которой славилась Пермь. Здесь на сегодняшний день лучшие тактические поля, замечательное стрельбище, позволяющее выполнить любое упражнение курса стрельб, лучшие приказарменные учебные городки. Дело даже не в том или, вернее, не только в том, сколько за последние годы сюда вложено миллионов, просто нет у наших «великовозрастных», вузов тех площадей, которыми располагало ПВВКУ. И все эти «мехи и горны», кузницы командных

кадров задействованы ныне курсантами тыловых специальностей дай Бог наполовину...

Из разговора с заместителем начальника училища, начальником учебной части полковником А.Бураковым:

— О том, что наше училище собираются перепрофилировать, мы слышали с зимы девяносто второго. Но слухи слухами, а официальный документ получили только к середине мая. Выходило, на все про все нам отводилось три месяца. Но если бы только с первокурсниками предстояло приступить к занятиям по новой программе. Жизнь-то внесла свои коррективы. Приехал из Харькова капитан Емельянов, с ним 217 курсантов-россиян: кто со второго, кто с третьего, кто и вообще выпускник. Потом они стали приезжать самостоятельно и группами по 10, 15, 20 человек. Кто-то отказался принимать присягу на верность Украине, кто-то, посоветовавшись с родителями, ре-

шил, что надо держаться России... В общем — сколько людей, столько судеб. Но нам-то каково? Со второго курса надо обучать специальности, и нет разницы, сколько слушателей в аудитории, — отделение или целый взвод. Словом, с первого августа мы должны были быть готовыми к проведению занятий по подготовке офицеров тыла на всех курсах.

Из харьковского училища почти ничего не взяли, лишь полковник Волхонцев, один из немногих преподавателей, поменявших Харьков на Пермь, захватил с собой, что могло уместиться в портфеле. Собирали необходимое по академиям, армейским тыловым училищам, гражданским вузам. Нельзя сказать, что учили людей на пальцах. Автомобильная подготовка была в училище и раньше, немало нужного имелось и на кафедре вооружения... И все же сегодня, спустя два года, мы можем сказать, что приближаемся примерно процентам к семидесяти от той материально-технической базы, которой располагало ХВВКТУ.

Из рассказа лейтенанта А. Емельянова:

— Когда наше училище окончательно отошло к украинской национальной гвардии, вот тогда мы и двинулись в Россию. Сюда, в Пермь, приехали в последних числах июня во главе с моим однофамильцем Анатолием Владимировичем Емельяновым. Прежде всего поразила территория училища, сам простор. Казалось, все ХВВКТУ можно разместить на одном лишь здешнем строевом плацу.

Поначалу учиться было трудновато. Нам, автомобилистам, да и оружейникам — еще куда ни шло, а вот интендантам без матбазы туго. Но, надо сказать, командование и сами курсанты здорово потрудились тем летом, многое было создано своими руками.

Автодром здесь прекрасный, в Харькове такого не было, у оружейников сегодня есть системы, которых мы там и не видали. А в остальном... Мой товарищ, курсант Александр Мальцев, вот только-только восстанавливается на четвертый курс, а я, как видите, уже восьмой месяц командую взводом у первокурсников...

Из разговора с полковником Г. Волхонцевым, начальником кафедры артвооружения и стрельбы, кандидатом технических наук:

— В Пермь я перебрался в январе 93-го. Раньше не мог, надо было сперва отдать ссуду. Как только рассчитался, подал рапорт. Отговаривали: чего тебе, дескать, надо — квартира отличная, дачу только построил, гараж в двух шагах от метро, кафедра, друзья тут, ведь без малого семнадцать лет прожито в Харькове... Нет, говорю, на украинском преподавать не смогу. А ты, отвечаешь, преподавай на русском...

Всяк сам себе судья, но каково по-кидать обжитый угол, рубить корни, которые пущены не только тобой, но и женой, детьми?..

Надо сказать, что и из пермского училища в харьковское, в национальную гвардию Украины перевелись пятеро офицеров — сам начальник училища генерал Микитенко, полковник Дорошенко, подполковник Дейнега, капитан Монастырский и старший лейтенант Юрчук. Большинство якобы уже скучают по Перми...

Если курсанты-украинцы сразу составили встречный поток выезжающим из Харькова россиянам, то представители других «двунадесяти языков», которыми некогда славился «Союз нерушимый», остались в ПВВКТУ. И на сегодняшний день в четырех курсантских батальонах 69 представителей СНГ — такую цифру назвал мне начальник отдела кадров училища подполковник А. Панов.

— Среди первокурсников 12 человек из ближнего зарубежья, — продолжал перечисление Александр Иванович. — Десятеро — казахи. С ними в целом ситуация ясна. Минувшим летом приезжал представитель МВД республики, привез контракты, заключенные абитуриентами еще в Алма-Ате с командующим внутренними войсками Казахстана. Надо сказать, у них договор более жесткий, чем у нас. Курсант обязуется после выпуска прослужить в войсках не менее десяти лет (против наших пяти), а в случае отчисления по нежеланию ли учиться, неуспеваемости, недисциплинированности или при досрочном увольнении из войск (разумеется, не связанном с сокращением штатов и пошатнувшимся здоровьем), ему предстоит вернуть в казну всю (и весьма кругленькую) сумму, которая будет затрачена на обучение и содержание в училище...

Задумаешься, если наши-то, расторгая контракт, сегодня возвращают государству лишь «этажерочку», — так окрестили они двойной оклад, получаемый при подписании документа. И хотя, наверняка, это дело времени, с принятием Положения о материальной ответственности военнослужащих и у нас, россиян, произойдут существенные изменения, тем не менее казахи, принявшие в Перми свою присягу под своим национальным флагом, куда старательней отрабатывают и свой контракт.

Признаюсь, не стал бы так подробно задерживаться на этом факте, кабы не одна деталь. У того же лейтенанта Емельянова во взводе служат двое этих самых «казахов», — Дмитрий Евдокимов и Владимир Лещев. Обычные русские парни из Казахстана, конечно же, любящие Россию и желающие служить ей, но, как и тысячи наших соотечественников, ныне не имеющих такой возможности, ставшие в одночасье «молдаванами», «киргизами», «узбеками», «казахами»...

И если с последними, по словам подполковника Панова, училищная ситуация достаточно ясна, то с белорусами — настораживает.

Александр Иванович протянул мне два лежавших у него на столе рапорта старшекурсников. Один — от курсанта Сергея Миронова, другой — от курсанта Алексея Доротича. В обоих просьба разрешить им подписать контракт о службе во внутренних войсках МВД России в связи с принятием российского гражданства.

Так в чем же дело?

Оказывается, в январе нынешнего года на имя начальника училища пришло письмо от заместителя командующего внутренними войсками Республики Беларусь. В нем сообщалось, что в соответствии с контрактом, подписанным между МВД России и МВД Белоруссии еще два года назад, сорок один курсант третьего и четвертого года обучения являются гражданами Белоруссии и учатся в ПВВКТУ за плату. Ну и все изменения в их служебном положении (будь то отчисление из вуза или перевод в другой, направление на службу в российские внутренние войска) следует производить только с письменного разрешения командующего белорусскими внутренними войсками.

В училище до этого письма никто ни о каком договоре от 20 февраля 1992 года не слышал, никаких белорусских "зайчиков", в глаза не видел, курсанты никаких контрактов с внутренними войсками Белоруссии не заключали, поступали в вуз как граждане СССР и давали союзную присягу, но тем не менее...

— Почему я должен ехать служить в Белоруссию? — спрашивает Алексей Доротич. — Я принял российское гражданство. Если бы не семейные обстоятельства, сделал бы это еще в прошлом году вместе с Андреем Купцовым, Сергеем Лисименко. Но теперь вопрос о переезде родителей из-под Бобруйска в Пермь решен, у меня развязались руки...

— Из наших первым принял российское подданство Дмитрий Жигало, — рассказывал мне третьекурсник Валерий Король. — За ним — Олег Ярец. Я тоже настроен служить в России. В зимний отпуск ездил посоветоваться с родителями. Мать поддержала сразу, она ведь у меня русская. Теперь огорчает не то, какие рогадки ставит ОВИР, а само отношение в училищной строевой части. Мы, дескать, все это затеяли, чтобы пожить за российский счет, а потом сбежать в Белоруссию...

Думается, тут не обойтись без небольшого пояснения. Дело в том, что курсант, заключивший контракт о дальнейшем прохождении военной службы во внутренних войсках МВД Российской Федерации, получает 126 тысяч в месяц, тогда как Валерий Король лишь 28.

НЕТ, как бы ни подвергалась сомнению научность вздобранных в нас еще со школьной скамьи марксистско-ленинских постулатов, тем не менее сама жизнь из раза в раз подтверждает, что бытие все-таки определяет сознание, а не наоборот.

Лучше ли, хуже своих предшественников становится наш теперешний курсант? Однозначно ответить трудно, да у каждого "оценщика", ведь свои сравнительные критерии. И тем не менее отдельными наблюдениями мне бы все-таки хотелось поделиться.

На что сетовали курсанты три с половиной года назад? Вот некоторые записи, сохранившиеся в моем блокноте:

- Как станешь офицером, если тебя воспитывают по принципамержантской учебки и жизнь твоя все четыре года мало чем отличается от жизни солдата срочной службы? А ведь чуть что — ставят в вину, что поступки наши не отвечают офицерским.
- О каком чувстве прекрасного может идти речь, если для нас красиво только то, что стоит прямо и не выделяется? Да и лучшая рота не та, что лучше "воюет", а та, где ровнее стоят кровати и меньше сломано стульев.
- К тебе относятся как к государственному имуществу. Но у меня ведь и душа есть: хочется иногда побыть одному, посидеть в парке, снять стресс. Но где там! Увольнения используются как стимул для учебы, дисциплины и порядка. Иные бывают в городе раз в год, да и то, когда приедут родители. А ведь нам по двадцать два, жизнь тоже как-то надо устроить.
- Четыре года тебя унижают, "пресуют", а сдал госы, получил звездочки и диплом — и выходит, стал человеком? Да ведь нельзя же лечь спать курсантом, а проснуться лейтенантом! Мне, наверно, еще долго-долго будут снится курсантские годы, половину из которых или стоишь в наряде, или скребешь плац.

Честно говоря, при желании ярких "картинок", можно было бы набрать и сегодня. В конце концов и плац не стал уже, и о девчонках думают не реже, и зима не стала на Урале короче, и училище как стояло на Гайве — пермском отшибе — так и стоит, быстрее чем за полтора часа до городского центра не доберешься. Но разговаривая с третьекурсниками (а именно с ними в основном я и вел свои беседы в предыдущий приезд, поскольку младшие еще многого не раскусили, а старшие живут не столько училищными проблемами, сколько предстоящим распределением), нельзя было не почувствовать, как разительно переменялось настроение людей.

Да, они говорили, что батальон замучили бесконечно рвущиеся водопроводные и канализационные трубы; что в столовой очереди к раздаточному окну; что разговоры о строительстве нового спортзала и общежития для старшекурсников уже без юмора никто не воспринимает... И все же сама тональность наших нынешних бесед была совсем иной.

Несомненно, посуровевшая жизнь, прокатываясь по всем без исключения, выжимает и моментально сушит "невидимые миру слезы". Но не ошибусь, если скажу, что в стороне от курсантской яви трудно осознать, какую грандиозную роль сыграл в ней Закон о воинской обязанности и военной службе, и прежде всего раздел, определивший службу по контракту. Теперь лишь до заключения контракта курсант почти не отличается от рядового. Практически с третьего курса он становится на иные жизненные рельсы. Для него как бы кончается срочная и начинается новый этап, определенный договором о дальнейшей добросовестной учебе в вузе по избранной военной специальности с непременно последующим пятилетием офицерской службы в войсках.

Теперь, по сути, ему не нужна увольнительная записка, чтобы выйти в город: отзанимался на самоподготовке — и до отбоя вольному воля. Да и денег начинают платить чуть ли не вдесятеро против того, что получал второкурсником.

Но почему же тогда резко не поползла вверх шкала успеваемости, не окрепла дисциплина, решительно не улучшился порядок? Почему не ощущается у третьекурсников профессионального подхода к делу, как того бы хотелось?

ОТВЕТИТЬ на эти вопросы, в общем-то, не сложно. И командир роты старшекурсников майор А. Марченко заметил с предельной ясностью: "Все дело в сознании людском. Человек подписал контракт, а внутренне, каким был, таким и остался. Он прекрасно знает, что от него требуется, но зачастую делать не спешит. Мы рассчитывали, что, становясь контрактником, курсант повзрослеет, что ли, будет серьезнее, но не происходит этого.."

Мечты остались мечтами. И прежде всего, видимо, потому, что никто не помог курсанту подняться над самим собой. А вот не смогли этого сделать училищные офицеры или не захотели? Вопрос, как говорится, на засыпку. Давайте размышлять.

Коль переход к контрактной службе становится для молодого человека этапным событием, стало быть, его надо соответственно обставить, т.е. сделать все, чтобы курсант хорошенько прочувствовал происходящее.

Если пофантазировать, то это можно представить так. Человека, вдоволь наглотававшегося полигонной пылью, насчитавшегося томительных минут на

посту, приводят из солдатской казармы в благоустроенную светлую комнату, рассчитанную максимум на отделение, проводят в душ, выдают обмундирование не хуже того, что носят сверхсрочнослужащие, и говорят: "Вы, товарищ дорогой, наконец-то поняли, что такое солдатский труд. Но это был только начальный этап вашего профессионального становления. Теперь начинается второй, тот, собственно, ради которого вы и поступили в военное училище. Живите здесь, трудитесь и помните: неучи и лодыри нам не нужны.."

А теперь от фантазий давайте возвратимся к реальности. Коль на сегодняшний день никак "фантастического", заканчивающему второй курс юноше мы предложить не можем, то по крайней мере создать торжественную обстановку разве так трудно? С чем же столкнулись на деле наши нынешние третьекурсники? Давайте послушаем их:

— Это случилось в том году. Мы только-только отчитались за второй курс, жили предстоящим отпуском. Так вот, буквально за два-три дня до него — числа 28, 29 — приносят в роту бланки: мол, подписывайте контракты на дальнейшую учебу и последующие пять лет. Что к чему — никто толком не объясняет, говорят лишь, что тех, кто откажется подписывать, в отпуск не пустят и вообще отчислят. Можно, конечно, теперь говорить, мол, ушедшие из училища в те дни не из самых лучших и давно разочаровались в службе, мечта о коммерции. Но мы-то знаем, как контракт отпугнул ребят. Да будь все по-людски, разве бы нас осталось в роте аж на тридцать человек меньше?!

Пусть мои собеседники излишне эмоциональны и чересчур сгущают краски. Но с тем, что вместо радостных минут у молодых людей остался в душе тягостный осадок, с этим-то, думается, никто спорить не станет? Буднично, заурядно прошло мероприятие, которое и не планировалось как-то по-другому.

Что ж, если это не что иное, как вышедший комом первый блин, не трудно внести и поправки. Однако есть вещи, которые пока не исправишь ни торжественным построением, ни медью оркестра.

— **КАКОЙ СТИМУЛ** сегодня у курсанта хорошо учиться? — задал вопрос командир роты третьекурсников старший лейтенант М. Боричевский. — Вот я, выпускник 90-го года, на первом курсе получал 7 рублей 50 копеек, на втором — 22 рубля. Если успеваю на "хорошо", приплюсовываю еще 25% премиальных. Это не много — пятерка — но все же... Становлюсь отличником, прибавляйте еще 25%. А теперь что? Иной весь хвостами зарос, а 126 тысяч ему вынь да положь.

Или увольнение в город. Да, было время, когда оно считалось поощрени-

ем. Но постепенно все стало на свои места: по выходным ходить стали все. Однако если ты кандидат в отличники, пожалуйста, после самоподготовки и в будни отправляйся в город. Люди загорелись: а как же?! Есть ведь разница — гулять с подругой или сидеть в казарме. Так успевающих в каждой роте перевалило за две трети. А сейчас что? Он на контракте, попробуй не отпусти.

Действительно парадокс на парадоксе. Казалось бы, все последнее время мы только и делали, что боролись с уравниловкой. А на поверку обнаружилось — даже то небольшое, разумное, что было наработано годами, отвергнуто, забыто.

Из разговора с сержантом К.Надымовым:

— Не надо искать каких-то потаенных причин, отчего учеба или дисциплина хромают. Все в казарму приходит с гражданки. Разумеется, есть в роте и ответственные ребята. Но таких меньше трети, к тому же, глядя на других, они постепенно скисают. Большинство же учится только ради диплома. А раз так, то какая разница, сколько будет в нем троек — две, пять или восемь?

Из разговора с лейтенантом С.Бочкаревым:

— Уставы сегодня таковы, что у меня, командира взвода выпускников, практически не осталось никаких рычагов, чтобы реально воздействовать на нерадивых. Ну что ему мой выговор или строгий выговор? Наряд вне очереди к контрактнику уже не применим. Арест — крайняя мера. Даже в тех редких случаях, когда он объявлялся, эти пресловутые трое-пятеро суток, чтобы они не отразились на успеваемости, потом просто вычитались из отпускного времени. Но у моих-то предстоящий отпуск уже офицерский...

Я пришел к выводу, раз дело имею с контрактником, ничем не обремененным, но получающим хорошие деньги, то пусть за проступки он отвечает рублем. Вот это подействует! Будь моя воля, я бы завел вкладыш у каждого в военном билете. Получил двойку — делаю отметочку: к примеру, 2% денежного содержания долой, «забыл» про воинское приветствие — еще долой процент, сквернословить — опять-таки расплачивайся. А то ведь сейчас даже ЕДВ (единовременное денежное вознаграждение. — Е.А.) урезать я могу лишь за грубейшее нарушение воинской дисциплины или столь же серьезное упущение по службе.

Из разговора с подполковником И.Стецом, командиром батальона выпускного курса:

— Я не сторонник драконовских мер, но понять командиров можно. Ведь до сих пор не столько курсант заинтересован в успешной учебе, сколько его командир. Абсурд! У меня дочь учится в колледже при пермском политехе, создает: останется хвост, лишат стипендии, не подтянется в срок — отчис-

лят. Там никто никого за уши не тянет. А у нас? Где вы видели, чтобы двоечнику не выдали денежного содержания? И вот двоечник пошел и поощрил себя за слабую успеваемость новыми кроссовками, импортным тренировочным костюмом или плейером...

Коэффициент успеваемости всему голова, на любом подведении итогов о нем непременно вспоминают. Ротный жмет на взводного: «Давай успеваемость, чтоб не говорили, мол, мы хуже всех!». Я жму на ротных, есть, разумеется, кому и на меня давить. Ну а что в итоге? По большому счету, нас волнует не столько, усвоил ли курсант тему, каковы его познания, сколько то, что ему поставили. И вот командир взвода идет, просит за кого-то, водит за руку. Ну и преподавателю деваться некуда, он тоже зажат в тесные рамки: училище заинтересовано в успевающих. Ему ведь всегда можно сказать: «Что-то двоечником у тебя многовато. Говоришь, требуешь? Так чтоб требовать, обучай сначала лучше!». После этого попробуй не поставь вместо тройки четверку.

В том, что Иван Степанович недалек от истины, мне не трудно было убедиться. Вот хотя бы несколько строк из доклада начальника училища об итогах учебно-воспитательного процесса и задачах командно-преподавательского состава по его совершенствованию в летнем семестре: «По предмету „Вычислительные машины и программирование“ (преподаватель подполковник Н.Лучников) 3 октября 93 г. в третьем взводе десятой роты получено 8 двоек. По химии (преподаватель Н.Брызгалова) 16 октября 93 г. получено 17 двоек в первом взводе одиннадцатой роты. Такое положение характерно и для других взводов первого курса. Можно ли назвать это простой случайностью? Видимо, такой результат говорит о слабой подготовке преподавателя».

Но как же изменить положение? С этим вопросом я обратился к полковнику А.Буракову. В ответ Анатолий Владимирович вытащил из-под стекла на своем рабочем столе небольшой разграфленный листочек:

— Посмотрите, из чего складывалось наше высшее училищное достижение — первое место среди других вузов войск в 1991 году. Это копия схемы, висевшей в Москве, в зале Военного совета. Итак — третья графа: «окончили училище с отличием», — у нас 14,5% и третье место по этому показателю. Четвертая графа — «окончили училище без троек», — 39,2% и общее пятое место. Ну и так далее: куда ни посмотри — всюду процент и место. Жизнь идет, кое-какие коррективы она внесла и в эту схему, но многое в ней пока остается неизменным. А раз на нашу работу смотрят через призму определенных показателей, по тем же критериям мы требуем с подчиненных в стенах училища.

Не подумайте, что все так уж безрадостно. С нынешнего года мы отказались от всякой состязательности в учебе, не будем определять места батальонов. Видимо, системы сравнения результатов не должно быть нигде. Да и как это делать, если сегодня в училищных программах более 60 дисциплин и пятипрофильная специализация?

Самое важное ныне для нас — совершенствовать методическую подготовку преподавателей и развивать материально-техническую базу. Ведь там, где курсант, готовящийся стать командиром взвода, претерпевает тяготы и лишения, тыловик должен видеть иное. Для него столовая, автопарк, комната хранения оружия — одновременно и наглядные пособия. Чтобы наш курсант зримо представлял: так должно быть везде — и с этим ощущением шел в войска, добивался именно такого положения дел на местах. Вот и представьте, какой непочатый край работы у нас еще впереди.

Что же касается критериев училищного труда, то главное, я думаю, — это научиться нам лучше разбираться в людях, не гнать брак в войска.

Давайте опять посмотрим на схему. Первая графа: «работа выпускников в войсках: характеризуются отрицательно». Да, безусловно, для нас важно, как новосовершенный лейтенант проявляет себя в делах. Но можно ли, опираясь на отзывы, приходящие из частей, говорить об училищных промахах? Мы дали юноше знания и навыки, государственная комиссия оценила наш труд — вручила ему диплом и погоны. Но ведь офицером-то, по большому счету, его делает служба, тот воинский коллектив, куда он приходит. Попал к хорошему командиру, вдумчивому наставнику, глядишь, и средних способностей курсант расправил крылья, обрел уверенность, достиг высот. Тогда как другой, на кого мы надеялись, растерял и то, что знал.

Где выход? Надо, чтобы распределение наших выпускников шло не после госэкзаменов, как это делается сейчас, а перед завершающей войсковой стажировкой. Да, тут есть сложности, но я речь веду не о «командниках», а о тыловиках, для которых это вполне реально.

Ведь что сегодня получается: привозит курсант хорошую или отличную оценку за стажировку, а буквально через три-четыре месяца приходит в училище отрицательный отзыв о работе молодого лейтенанта. Как так? Да очень просто: в части своих забот полон рот, до стажера ли им, вот и гонят отписки. На училищного же руководителя войсковой стажировки приходится в среднем по 20–25 курсантов, разбросанных по частям, до которых не так-то просто добраться. Как ни старайся, но больше чем сутки-двое каждому стажеру не посвятить, а стало быть, многое ли увидишь?

А теперь представьте, что командир полка знает, что к нему приехал не какой-то там случайный человек, а его будущий (буквально через три-четыре месяца) начальник вещевой службы, командир автовзвода или начальник оружейной мастерской. Да разве в полку станут сочинять филькины грамоты? Уверен, там постараются разглядеть стажера всесторонне и все отразят объективно. А мы иных не допустим до госэкзаменов.

Что же касается заинтересованности курсанта в учебе, то ведь идеей высказывается немало. Кое-кто может остаться и без диплома. Или, например, после отрицательного отзыва отправиться в войска прапорщиком, так сказать, на исправление, чтобы через год, вернувшись в училище, он мог доказать свою профессиональную состоятельность на госэкзаменах. Или, положим, трудясь ни шатко ни валко, можно выйти из училищных стен не лейтенантом, а младшим лейтенантом и уехать в часть не начальником продслужбы, а помощником начальника, или не в полк, как рассчитывал, а в батальон и т.д.

Что ж, не прислушаться к сказанному, наверное, нельзя. К тому же и не все услышанное мною — новации. В том же Пермском высшем военном командно-инженерном Краснознаменном училище ракетных войск им. маршала В.И.Чуйкова давно уже не встретишь на потоке больше одного-двух курсантов, претендующих на красный диплом, и ничего, нормально живут без липовых отличников. Во многих тыловых армейских вузах и распределение идет по схеме, нарисованной полковником Бураковым, она себя оправдывает. Так давайте не будем зарывать в землю такой опыт!

Что же касается «конвертируемости», диплома, то есть в этом и плюсы, и минусы.

Да, теперь в ПВВКТУ не встретишь, как бывало, абитуриента, приехавшего учиться на... разведчика или гаишника, не увидишь в аудитории двоечника, поступившего только потому, что и ему рады: недобор вынудил. В Пермское тыловое поступить ныне непросто. В минувшем году конкурс составил четыре человека на место и был бы выше, знай об училище побольше хотя бы на Урале и в прилегающих областях. «Кинолог-биолог», «инженер-экономист», «инженер по эксплуатации автомобильной техники», — специальности, пользующиеся спросом не только в войсках. И это, с одной стороны, радует, с другой — не может не настораживать, если нам не нужны «офицеры на час».

Из разговора с первокурсником К.Калугой:

— После школы я хотел поступать в Рязанское военно-десантное училище и даже документы туда послал, но вызова почему-то не получил. Тогда пошел в Волгоградский политехнический

институт, сдал экзамены на химико-технологический факультет. Проучился три года и к концу шестого семестра серьезно задумался: как жить дальше? Ведь институт мой распределением не занимается, по окончании меня ожидает свободный диплом. Инженеров, влачащих сегодня жалкое существование, и у нас, в Волгограде, пруд пруди. Мать у меня перед глазами: инженер с большим стажем, работает в техотделе солидного предприятия, а зарплата — сорок тысяч с копейками. У отца два высших образования, он долгое время возглавлял кафедру в университете, сейчас тоже ушел на завод — замначальника лаборатории, чтоб кормить семью. Хотя его 250 тысяч по сегодняшнему дню — тоже не деньги.

Вот я после третьего курса и забрал документы из института. Не прошло трех недель — призвали на срочную. Так я оказался во внутренних войсках, в конвойном полку. Служил нормально, предлагали остаться на прапорщика. Вероятно, и согласился бы, но приехал представитель ПВВКТУ, и я уже не колебался, как поступать дальше. Выбрал интендантский профиль. Инженер-экономист — это как раз то, что сегодня надо: приобретаешь сразу две специальности. И объем знаний в училище дается не меньший, чем в институте пищевом или легкой промышленности. Да с таким дипломом и служить можно, а понадобится, где угодно возьмут: от столовой и ресторана до хлебозавода и текстильного комбината...

Что ж, возможно, и прав этот юноша, и в теперешних рыночных отношениях так и следует поступать. И не он один такой. Капитан Анатолий Емельянов называл мне первокурсника Игоря Жуликова, тоже оставившего третий курс политеха. Есть и другие.

Не надо лукавить, прагматики были всегда. Правда, раньше эта рационалистическая черточка не была в чести и не слишком выпячивалась. Еще лет десять назад курсантская молодежь до хрипоты выясняла на диспутах: офицер — это призвание или профессия? И, как правило, побеждали романтики. Однако время берет свое. Тот же выпускник девяностого года — Сергей Назаров, которого знает ныне все училище как отличившегося в кокандской командировке, раненого, награжденного орденом Красной Звезды, не скрывал, что всегда хотел служить в милиции, в Пермское командное поступил лишь по совету брата — милицейской старшины, сказавшего: «Сперва попади в одно со мной министерство, а там — видно будет».

Ну и чем плохо, что нынешние курсанты стали рассудительнее своих предшественников, научились в жизни все просчитывать до мелочей? За что же их журить? Да не за что, конечно. Но почему тогда мне не хочется их хвалить, одобрять? Может, потому, что всегда не по душе были люди, ставив-

шие во главу угла принцип «рыба ищет где глубже, человек — где лучше», а теперь пробил их час?

Из разговора с заместителем начальника училища по работе с личным составом полковником Г. Шебуниным:

— Жить и воспитывать людей, когда многие идеалы разрушены, без четко сформулированной новой идеи, или иначе — концепции, очень сложно. Опять «вперед, к победе капитализма»? Согласитесь, это не идея. Скорее — модный лозунг, который не затрагивает души, сознания человека.

Я оптимист, и думаю, что хороших ребят, для которых дело защиты Отечества — мужское дело, не становится меньше. А вот то, что с гражданки к нам заносится все больше дурных наклонностей, беспокоит.

Двое солдат из батальона обеспечения учебного процесса украли взрывчатку для продажи. Затем еще двоих осудили на пять лет условно за то, что ночью, спилив замок, похитили радиостанцию. И опять те же, корыстные цели... Прежде у нас такого не бывало. Да, в самоволку бегали, под градусом появлялись в казарме, но корыстных преступлений — Боже упаси. Теперь вот новые веяния.

Эпоха сплошной коммерциализации нас; разумеется, не обошла. Не так давно провели анонимный опрос первокурсников. Более 70 процентов при торговывало еще со школьной скамьи.

Харьковские курсанты привезли с собой недобрую традицию — занимают друг у друга деньги, пускают в оборот, если долг в срок не возвращается, включается «счетчик». И вот минувшим летом перед самым выпуском отчислением курсанта Сайфутдинова. Под какую-то авантюру назанимал у сокурсников ваучеров, денег. Расплатиться не может. Отец дважды прилетал раздавать долги, едва погасили конфликт...

Скажу откровенно: не надо бы платить курсанту те деньги, которые он сегодня получает по контракту. Почему? Да потому, что он содержится в всем готовом и ни за что не платит. Женатых на третьем курсе единицы. А вот представьте, курсант становится лейтенантом, командиром взвода и обнаруживает, что получать-то стал... меньше, чем в курсантские годы. Самой-то денежной массы чуть больше, но на нее предстоит и себя кормить, и семью содержать. Вот вам и разочарование...

Что ж, Геннадью Дмитриевичу сегодня не позавидуешь. Находить подходы к нынешним молодым людям становится все трудней, а курсантская рота как жила без профессионального воспитателя, так и продолжает: ротный есть, взводные есть, заместителя командира по работе с личным составом нет. Если кто-то думает, что совет коллектива или совет сержантов работает более боевито, чем когда-то комсомоль-

ская организация, уверяю вас — ошибается.

Ну а улица не дремлет. И курсанта день ото дня все сильнее тянет за училищные ворота. Удержит ли старшекурсника репетиция хора или занятие в кружке военно-научной работы, если можно отправиться в город, потанцевать или сходить с подружкой в кино?

В минувшем мае, накануне выпуска, в общежитии Пермского фармацевтического института погиб курсант Михаил Каменских, чудом в той же стычке уцелел курсант Игорь Устелемов, получивший четыре ножевых ранения. Но попробуйте объяснить тем, кто сегодня бегают к девчонкам из ПФИ, что появляться в их общежитии нежелательно; что это в добropорядочные времена там дежурил вахтер, а вместе с ним комсомольская оперативная группа, теперь же первый этаж скуплен кавказцами, установившими свой порядок. Думаете, они вас послушают? Ну а если и так, то где вы им предложите провести время с невестами? Зрительный зал в училище есть, но клуба-то нет. Если раньше под батальонные вечера снимались Дворцы культуры, то теперь это стало не по карману. Открытие в столовой молодежного кафе — сладкие мечты. Так что же им предложить взамен?

СКОЛЬКО за последние годы говорено-переговорено о необходимости создавать условия для гармоничного развития личности, о гуманитаризации образования, в том числе и военного. И вроде бы никто не спорит с этим, поскольку все ощутило потребность в офицере не только как в узковоенном специалисте, но и носителе высокой культуры, широкого образования. Без этого никогда не выкорчевать из армейского быта ни злоупотреблений служебным положением, ни унижений человеческого достоинства, не вернуть былую весомость вконец девальвированным понятиям офицерского достоинства и чести.

В этой связи хочу предложить информацию к размышлению.

В 1992 году в помещении пермской общеобразовательной школы N 47 открылась суворовская школа, и первого сентября за ее парты сели 120 шестиклассников. Обучение рассчитано на шесть лет. Как отмечал завуч школы В.Пермяков, кроме сдачи обычных дисциплин мальчишкам предстояло пробежать кросс, подтянуться на турнике, пройти тестирование для определения профессиональной пригодности к военной службе.

В многолетнюю программу обучения суворовцев наряду с общеобразовательными предметами включены основы тактической подготовки, военная история, фортификация, кинология, радиосвязь, строевая, огневая, военно-медицинская подготовка, изучение автодела. Ежедневно с ними проводят-

ся занятия по рукопашному бою, самбо или восточным единоборствам.

Каждый выпускник-суворовец должен овладеть двумя иностранными языками. Им будут преподавать этику, риторику, эстетику, ритмику, бальные танцы.

После окончания школы выпускникам вместе с аттестатом зрелости выдадут свидетельство о завершении обучения по программе "референт-военный переводчик", "кинолог-инструктор службы собак", "инструктор по основам рукопашного боя", "водитель транспортных средств". Они получат направления для поступления в военные училища. В ПВВКТУ их зачислят без вступительных экзаменов.

Честно говоря, не без душевного подъема закрыл я пермскую "Звезду", опубликовав эту корреспонденцию. Правда, несколько обескураживал заключительный аккорд: что ж только мы берем без проверки? Но после разговора с начальником кафедры гуманитарных наук полковником А.Федоровым недоумение мое быстро рассеялось.

— История мировой культуры, этика, эстетика, культура взаимоотношений... Ни один из этих предметов сегодня у нас курсантам не преподается, — заявил Анатолий Александрович. — Раньше были спецкурсы по истории мировой культуры, теперь не стало: часы порезаны. Вместо 140 на изучение философии оставлено лишь 100. Был спецкурс "Основы нравственного, эстетического воспитания", тоже сокращен в связи с переходом училища на тыловую профиль. На кафедре педагогики, психологии и воспитательной работы существует овал спецкурс "Этика профессиональной деятельности", но и его не стало, потому что сокращен сам курс "Основы военной психологии и военной педагогики". Ныне ему отведено лишь 100 часов: 40 на психологию, 60 — на педагогику. Тогда как раньше на каждый из этих предметов отводилось втрое больше времени. Курс методики воспитательной работы заменен курсом социологии, если 40 часов, отданных сюда, можно так назвать.

Три года назад 12% бюджета учебного времени отводилось гуманитарным наукам. Не трудно подсчитать, что сегодня они составляют лишь 10,2%. Вот вам и гуманитаризация.

Да уж, как тут не брать без экзаменов суворовцев?!

Впрочем, жизнь не стоит на месте. Возможно, с переходом к пятилетнему обучению, с дальнейшей структурной реорганизацией многое и в самом ПВВКТУ изменится. Поживем — увидим.

Подполковник Е. АРТЮХОВ.

*Пермское высшее военное командно-тыловое училище
ВВ МВД России.*

К 50-летию Победы

МОЛОДЦОВ Владимир Александрович (подпольная кличка **БАДАЕВ**) родился в 1911 г. в поселке Сасово Рязанской области в семье железнодорожника. Русский. До призыва в 1933 г. на службу в ОГПУ работал на шахтах в г.Донском Тульской области. С июля 1941 г. выполнял специальное задание Центра в осажденной врагом Одессе. После вступления в город оккупантов ушел в подполье и руководил разведывательно-диверсионным отрядом в Нерубайских катакомбах. В феврале 1942 г. Владимир Александрович Молодцов был выдан фашистам предателем, а в июле — расстрелян. За героический подвиг, совершенный в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками при выполнении специальных заданий командования в тылу врага, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 5 ноября 1944 г. присвоил В.А.Молодцову звание Героя Советского Союза (посмертно).

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

АРХИВ. Дело "Операция „Форт“". По крупицам здесь собраны материалы о подпольной разведывательно-диверсионной организации в оккупированной фашистами Одессе. Руководил ею капитан НКВД Владимир Александрович Молодцов. Он же: для подполья — Бадаев. Он же: для радиосвязи с Москвой — Кир.

Бадаев — Кир — Молодцов. Человек из легенды. Бесстрашный защитник и патриот своей Родины. Доказательство? "Операция „Форт“". В тридцати томах. На каждом из них каллиграфическая надпись: "Хранить вечно!.."

ЖАРКИЙ летний день 1941 года. Подмосковный аэродром. Под маскировочными сетями — военно-транспортные самолеты. И только один из них — на взлетно-посадочной полосе. Вот он начал разбег, оторвался от земли, набрал высоту и взял курс на Одессу.

На борту самолета разместились люди в форме войск НКВД. Среди них Владимир Молодцов. В его петлицах по одной шпале. Капитан. На вид лет тридцати. Высокий. Широкоплечий. От него веяло силой, спокойствием и здоровьем.

Высота шесть тысяч метров. Внизу сквозь редкие кучевые облака хорошо просматривались проплывающие под самолетом поля, речки, леса, города и села. Летели над Украиной. Ровно гудели моторы. Убаюкивали. Молодцов расслабился, смежил веки и на некоторое время отключился от окружающего...

В оперативном отделе Центрального управления НКВД начальник спросил его:

- Ты ведь у нас шахтер?
- Был когда-то. Почти все забыл.
- Придется кое-что вспомнить.

Григорий (зашифрованное имя начальника) достал из сейфа крупномасштабную схему. Развернул на широком столе.

— Познакомься. Будущий район твоего базирования.

Молодцов склонился над столом. Не рубайское. Усатов. Дальник.

— Одесские катакомбы?

— Они самые. Вникай, товарищ Кир.

— Есть, товарищ Григорий.

— В Дальнике, — продолжил начальник, — засядет Самсон. Твоим резервом будет.

Молодцов вскинул глаза на Григория.

— Самсон — это товарищ Гласов. Вы хорошо знаете друг друга. Мы это учитывали. Знаешь легенду о Самсоне? Так вот, он накапливал силы в подземелье. Будет накапливать их и Гласов. Для тебя, для твоих ударов по фашистам.

— А Кир? — улыбнулся Молодцов.

— Кир с помощью купцов обезоружил Вавилон. Одесса же издавна купеческой была. Через них, всякого рода «бывших», будете доставать для Центра военно-политическую информацию. И многое другое...

Итак, катакомбы. Действительно придется многое вспомнить из своей шахтерской юности.

... Самолет летел уже над морем. Медленно снижался. Из кабины вышел штурман.

— Одесса, — объявил он разведчикам.

Молодцов вздрогнул. В калейдоскопе минувшего он вдруг как-то особо зримо увидел смысленные глазенки старшего, восьмилетнего сына Саши, отчетливо услышал его недетский вопрос:

— Папа, все дяди на войне. Почему ты дома?

Теперь и он на войне. Сражающаяся Одесса лежала под крылом самолета. И время рванулось вперед...

БАДАЕВА (Молодцова) принял первый секретарь Одесского обкома партии А. Г. Колыбанов. Познакомил командира отряда с двумя его помощниками: заместителем по подземному гарнизону Яковом Федоровичем Васиным — начальником милиции города и Константином Николаевичем Зелинским — активным участником обороны Одессы, председателем колхоза.

— Налицо все командование отряда, — сказал Колыбанов. — Как настроение?

— Настроение деловое, — ответил Бадаев. — База подготовки развернута в санатории имени Дзержинского. В катакомбы переправлено 60 винтовок, 200 гранат, 40 тысяч боевых патронов. До тонны взрывчатки.

— Обживайте подземелье, — резюмировал Колыбанов. — В сутолоке хозяйственных дел не упускайте из виду людей.

По открытому лицу Бадаева скользнула едва заметная тень. Тяжело вздохнув, словно перекинув через себя стопудовую гиру, он сказал:

— Люди в подземелье идут надежные. А вот хозяином явочной квартиры и командиром одной из диверсионных групп назначен некто Бойко... Не произвел он на меня должного впечатления.

Колыбанов посуровел. Встал из-за стола. Подошел к Бадаеву.

— Дело нешуточное. Вы сказали о своих сомнениях работникам управления НКВД?

— Сказал. Ответили: анкета — стеклышко. Бывший старший лейтенант НКВД. Находка.

Колыбанов задумался.

— Да, бумагой человека не заменишь. Вернемся к Бойко через день-два, когда снова встретимся.

Ни через день, ни через два Колыбанов с Бадаевым не встретились. Захлестнули грозные события. Ставка приказала: «Храбро и честно выполнившим свою задачу бойцам и командирам Одесского оборонительного района в кратчайший срок эвакуироваться... на Крымский полуостров...»

ОКУПАНТЫ вошли в Одессу 17 октября 1941 года. В город хлынули ростовщичи, спекулянты, мошенники и жулики всех мастей. Эта разношерстная публика заполнила Привоз — знаменитый одесский рынок.

Бадаев в форме немецкого офицера медленно шел по Привозу. Выправка, осанка, уверенность — все говорило о принадлежности эсэсовца к командной элите. Солдаты и офицеры рангом ниже вытягивались перед штурмбанфюрером во фронт.

Эсэсовец часто останавливался у прилавков. Небрежно вертел перед глазами браслеты, нюхал табак... Подошел к букинистической палатке. Собственно, это и был основной объект Бадаева на Привозе. Назвал пароль. Получил отзыв. Купил книгу.

Затем направился в комиссионный магазин «Электромонтажприбор». Здесь был законспирирован опытный инженер-коротковолновый. Из комиссионного — на биржу. И здесь его поразовали. Образована группа «Зоркий глаз» — десять человек. Ребята что надо. Рвутся к делу.

Сколько таких групп уже создано и действует в городе. Самая боевая из них — Яши Гордиенко. Нравится Бадаеву этот паренек. Чистильщиком сапог на вокзале устроился. Беспрепятственно ходит по перрону. Наблюдает. Слушает. Запоминает. Собирает и передает ценнейшую информацию: «19 октября фашисты выгнали из домов евреев. Загнали тысячи стариков, женщин и детей в пустые артиллерийские склады. Облили сырой нефтью и сожгли. На улице Буденного — лагерь смерти. Грузовики не успевают вывозить расстрелянных...»

«Надо срочно сообщить об этом в Москву», — решил Бадаев.

Шифровки летели в эфир регулярно, в установленные сроки, по строгому расписанию:

«1941, Москва. Для разведки и связи подобрал замечательных юношей... Кир».

«Молодежная группа сформирована. Во главе поставлен Яков Гордиенко... Кир».

"Немецкие и румынские войска большими колоннами движутся по направлению к фронту по шоссе на дороге на Николаев. Машинами перевозят только немцев. Румынские войска движутся пешком. Предпожительно, это части 4-й румынской армии... Кир".

Сообщение Совинформбюро: "Группа самолетов одного нашего соединения, действовавшего на Южном фронте, успешно атаковала крупную мотоколонну противника. Бомбами и пулеметным огнем уничтожено 129 немецких автомашин и до двух батальонов вражеской пехоты..."

"1941, Москве. Установлено, что 7 ноября на аэродром в зоне седьмой станции Большого фонтана в 10.00 ожидается приземление большой группы немецких бомбардировщиков. Назначение — Крым... Кир".

На другой день, едва последняя вражеская машина успела зарулить на стоянку, на аэродром обрушились бомбы с красновоздушных самолетов.

"1941, Москве. В городе Первомайске установлен склад горючего, на три тысячи тонн в бочках. Здесь же две тысячи новых грузовых автомобилей, ожидающих обкатки... Кир".

Три дня спустя — *Москва: "Склад горючего разбит нашими самолетами... Парк грузовых машин уничтожен на сорок-пятьдесят процентов... Кир".*

Москва: "Благодарим Кира за оперативную информацию. Григорий".

"1941, Москве. Штаб румынской дивизии расположен на улице Люксембург. Военная комендатура — на улице Буденного. Сигуранца (румынская контрразведка. — Н.К.) — на Бабе-ля, 12. Военно-полевой суд — на Канатной. Гестапо — на Пушкинской, 27... Кир".

"1941, Москве. Гражданские власти в Одессе: городской голова — Герман Пытня, его заместители — Владимир Клореску и Владимир Кундрет... Командует войсками в Одессе генерал Н. Гинерару, начальник штаба — Петр Демитреску, военный прокурор — подполковник Кирилл Солтан. Следователи и контрразведчики, недавно прибывшие из Бухареста, — майор Курерару, капитан Аргир, локатиненты Харитон, Жоржеску. Звания и фамилии других уточняются... Кир".

Москва: "Благодарим за особо ценную информацию... Григорий".

НАРАСТАЛИ удары отряда Бадаева. Дерзкие и смелые, они были хорошо подготовленными и неожиданными.

Взлетела в воздух плотина Хаджибейского лимана. И тотчас же в Берлин была отправлена оправдательная телеграмма: взрыв доставил некоторые "неудобства" войскам. Гестапо скромно умолчало о гибели солдат фюрера. Не на поле боя, а просто так, в тихом одесском лимане.

В военной комендатуре города шло совещание офицеров и чиновников Транснистрии. Так назвал Антонеску захваченную территорию, отданную Гитлером под юрисдикцию Румынии. С докладом выступал генерал-майор Глу-

гояну. Призывал усилить репрессии, пушечным огнем сносить поселки шахтеров, примыкающие к катакомбам. Замуровывать в них партизан. Жестоко наказывать местных жителей за саботаж.

— Мы вводим смертную казнь за ущерб, причиненный оккупационным властям...

Мощный взрыв оборвал генерала на полуслове. Закачались стены. Здание комендатуры вздыбилось, а потом начало раскалываться на части. Погибло 140 человек. Среди них — два генерала.

Яша Гордиенко передал Бадаеву: "В Одессу прибывает поезд-люкс специального назначения. Едут офицеры и чиновники на смену тем, кто погребен под развалинами здания комендатуры..."

"1941, Москве. В ночь с 16 на 17 ноября осуществлен взрыв поезда-люкс. Уничтожено триста оккупантов высокого ранга... Кир".

Москва: "Благодарим. Поздравляем с наградой — орденом Красного Знамени... Григорий".

"1941, Москве. Будем бить фашистов, пока бьется сердце... Кир".

И удары по оккупантам не ослабевали. Гестапо и сигуранца неистовствовали. Собрали в Нерубайском старых шахтеров и под дулами автоматов погнали в катакомбы. Разведчики Иванов и Гринченко, стоявшие в дозоре на первом посту, вдруг услышали:

— Дальше идти нельзя. Там смерть. Слышите, — иступленно кричал человек, — кровля садится. Земля стонет. Все погибнем!

Гринченко узнал по голосу старого шахтера Ивана Кужелю.

— Где партизаны? — спрашивал офицер. — Показывай!

И все же идти дальше, в глубь катакомб, каратели не решились.

Глубокой ночью Иван Кужеля пробрался в катакомбы. Доверительно сказал Бадаеву:

— Не знаю, может, брешут каратели: газами травить вас собираются.

Бадаев объявил в подземном гарнизоне чрезвычайное положение.

— Мы устроим сквозняки. Всех газов Гитлера и Антонеску не хватит, чтобы заполнить подземелье.

К вечеру 23 ноября 1941 года фашистам казалось, что они заживо похоронили партизан на глубине 45–50 метров. И все же ночью снова заговорил партизанский передатчик. Метнулись фашисты по следу пеленга, но ничего не нашли. Стало ясно: газовая атака не дала ожидаемых результатов. Катакомбы жили. Продолжали сражаться.

В деле "Операция "Форт" есть запись прямого разговора Центра с Киrom.

"У аппарата Григорий: Что у вас нового?"

Кир: Гитлеровцы применили газ. По всей вероятности — хлор. Мы поставили непроницаемые перегородки. Воздушный поток направили в противоположную сторону. Работами руководил старый шахтер Горкуша. Опасность

пока миновала. Противник продолжает замуровывать входы.

Григорий: Мы консультировались с опытными специалистами по камнеразработкам. Газ можно нагнетать только под давлением. Вы правильно поступили, создав сквозняки. В случае нужды переходите в другой район катакомб. Так советуют знатоки...

Кир: Будем стоять на боевом посту".

Через два-три дня в катакомбах все же началось кислородное голодание. Бадаев собрал разведчиков. Поставил задачу: добыть воздух!

Работали в отряде буквально все. Штольни и штреки между тем все больше и больше наполнялись дымом. Фонари чадили. Мигали и гасли. Люди падали от усталости и нехватки кислорода, вставали и снова брались за лопаты.

Силы разведчиков были на пределе, когда Бадаев заметил, что пламя его фонаря стало ярче. Радостно забило сердце. Где-то близко воздух! Еще несколько корзин земли и камней... И вдруг хлынула вода! Кто-то в отчаянии выругался. Кто-то бросил лопату. Но Бадаев успокоил:

— Терпение, други! Здесь не должно быть много воды.

И верно. Поток вскоре иссяк. В подземелье хлынул свежий воздух. Бадаев выставил у воздушника охрану. Отвел людей на базу и приказал всем спать. Ни один человек в отряде трое суток не смыкал глаз.

Спать... Спать... Но не спалось. Бадаев был счастлив. Какой радостью наполнились сердца бойцов, когда он сообщил им о разгроме немцев под Москвой. Всколыхнуло это известие всех. И сам он встряхнулся. Положение не казалось таким уж безысходным. Все-таки потрудились не зря: 6 тысяч солдат и офицеров стянули фашисты к Нерубайскому!

— Они думают, что в катакомбах регулярные войска Красной Армии, — говорил Бадаев товарищам. — И наша задача — держать их как можно дольше в этом заблуждении. Хотя и маленькая, но все же помощь осажденным севастопольцам.

На очередном сеансе Центр передал Бадаеву: "Связь с группой Самсона отсутствует. Нарушаются планы дальнейшего развертывания работы в глубоком стратегическом тылу противника. Еще раз попытайтесь установить судьбу Самсона и его людей. Проявите максимум осторожности".

Идти к Самсону решил Бадаев. Да и в город заглянуть не мешало. Поговорить с Бойко. Потребовать ответа за бездеятельность.

... Не сразу узнал Константин Гласов Молодцова. Обнялись. Отряд решили выводить из катакомб маленькими группами. Уточнили явки, пароли.

— Теперь на базу? — спросил Самсон.
— Нет, — ответил Бадаев. — В город.

БАДАЕВ торопился. Он успешно закончил часть своей работы по созданию диверсионных групп в Одессе. Законспирированные разведчики, непосредственные исполнители операции "Форт", должны вступить в действие только на этапе освобождения города. Помешать его разрушению фашистскими захватчиками. Не дать вывезти в Германию награбленное добро, памятники древней культуры. Все складывалось пока на редкость удачно. И только полная бездеятельность Бойко озадачивала.

Бойко... До войны работал в Измаиле. Заведовал областной конторой Украинкультурторга. Всегда числился передовиком. Служил в НКВД. Если бы служил! Всего два года заведовал продовольственным магазином в областном управлении НКВД. Но эта-то строка в анкете и являлась лучшей рекомендацией при назначении на руководящие должности; она помогла Антону Брониславовичу Федоровичу стать подпольщиком Петром Ивановичем Бойко — хозяином явочной квартиры Бадаева, руководителем филиала его диверсионно-разведывательного отряда в городе.

"1942, Москва — Киру. На некоторое время прекратите связь со своими людьми, работающими в городе. Ваше сообщение о том, что для блокады одесских катакомб сосредоточено 6-тысячное войско, подтверждается. Учтите, что за выходами из катакомб, кроме открытого наблюдения, установлена тайная слежка полевой жандармерии противника. Примите все меры к сохранению себя и своего подполья, реже выходите в эфир".

Эту радиограмму Бадаев не получил. Радист в катакомбах принял ее тогда, когда командир отряда был уже в городе.

"1942, Москва. Вечером 10 февраля Кир и его связная из города не вернулись..."

В катакомбы пробрался Кужеля.

— Не попал ли Бадаев в облаву? — спросил шахтер у разведчиков. Те молча разводили руками. Никто в катакомбах не знал, что случилось с их командиром и связной.

Первым принес из города печальное известие Коля Медерер. Бадаев, Шестакова, Межигурская и Гордиенко арестованы сигуранцей.

Кто предал? Оказывается, есть вещи куда более страшные, чем газовая атака, — предательство. Черная измена Родине.

ТЮРЬМА. Камера-одиночка. Сколько дней он находится в сигуранце? Пять, семь, десять?... Все смешалось. Перепуталось. Палки. Плетки. Раскаленные щипцы. Битое стекло. Свирепые лица мучителей. Ни сна. Ни передышки.

— Кто вы — Носов или Бадаев? — в бешенстве орал следователь.

В момент ареста у Бадаева оказались документы на имя Сергея Ивановича Носова.

— Ни с одной фашистской собакой я разговаривать не буду.

Допрашивали Бадаева майор Курерару и капитан Аргир.

Курерару — он же Иван Кунин, Васильев, Степанов. Выходец из Бессарабии. Оставил своим только имя. Остальное, в том числе и отчество, менял в зависимости от того, какой иностранной разведке в данное время прислуживал.

Аргир — он же Кочубей, он же Николай Васильевич Галушко. Родился в Одессе. Ушел с деникинцами в Турцию. Затем осел в Кишиневе. Считался одним из ведущих специалистов в области разведки против СССР.

Курерару и Аргир старались изо всех сил. В камеру Бадаева приносили полуживым. Но разведчик держался.

— Докажите, что я Бадаев, — говорил он следователям.

Молодцову (Бадаеву) обещали золотые горы, сотни тысяч в марках или долларах. Немецкое или румынское гражданство. Отвечал презрением. Устроили очную ставку, и он узнал имя предателя.

Через Нину Гордиенко, наладившую связь с тюрьмой, Бадаев передал оставшимся на свободе товарищам, что их предал Петр Бойко.

В момент ареста Бадаеву показалось странным, что его сразу же отделили от Бойко. Торопили покинуть квартиру. Дескать, вернетесь — наведете порядок. В сигуранце, мол, задержан будет только Яков Гордиенко за незаконное хранение оружия.

Едва Бадаев переступил порог дома, как увидел на улице плотное оцепление. Это — заранее спланированная акция контрразведки. «Надо бежать», — решил Бадаев. Рванулся в сторону. Кто-то выскочил из-за угла. Преградил дорогу. Разведчик выхватил браунинг и раз за разом выстрелил в упор. Человек осел на снег.

— Держите его, держите Бадаева! — громко закричал румынский офицер.

Какой-то человек бросился Бадаеву под ноги. Падая, разведчик все же успел выстрелить еще раз.

Несколько дюжих агентов навалились со всех сторон. Подмяли под себя. Скрутили руки. Надели наручники. Втолкнули в машину и повезли.

Ночами в тюрьме не физические пытки терзали Молодцова. Его волновало то, как мало он успел сделать. И не ведал, что сигуранца его ценила очень высоко: «Разведчики Бадаева находятся как в городе, так и в области. Из всех раскрытых до настоящего времени организаций эта является единственной, которая так активно приступила к выполнению своей программы... Ущерб, нанесенный организации Бадаева, не поддается учету...»

ЖИЗНЬ лишь тогда приобретает смысл, когда человек живет не для себя одного. И неважно, сколько прожито. Главное — как! Бадаевцы жили в

борьбе и шли на смерть, не ведая страха. Некоторым из них удалось перелазить на волю весточки.

Тамара Межигурская: «Дорогие товарищи! Нас скоро расстреляют. Не огорчайтесь, мы ко всему готовы и на смерть пойдем с поднятой головой. Передайте моему сыну Славчику все, что вы знаете обо мне».

Яков Гордиенко: «На следствии я вел себя спокойно. Меня повели бить... Били резиной, опутанной тонкой проволокой, грабовой палкой длиной метра полтора, по жилам на руках — железной палочкой. Никакие пытки не вырвали их фамилий (членов группы. — Н.К.). Прощайте, дорогие, не падайте духом. Крепитесь, победа будет за нами».

Яков Гордиенко пытался бежать из тюрьмы, но был выдан провокатором. Жестоко избит. Закован в кандалы.

Тамара Шестакова в момент объявления приговора была беременной. Прокорур военно-полевого суда, обещая милосердие королевы Румынии, предложил ей подать прошение о помиловании. Мужественная разведчица отказалась. Через несколько дней после того, как она в камере смертников родила дочь, ее расстреляли.

Бадаеву смертный приговор фашисты объявили во дворе тюрьмы, в присутствии других арестованных. Ему предложили подать на имя Антонеску прошение о помиловании. Ответ Бадаева был таким:

— Мы русские и на своей земле помилования у врагов не просим!

За сообщение одного только настоящего имени фашистские палачи обещали разведчику жизнь. Но тщетно. Прогрели выстрелы. И он шагнул в легенду...

Ушел в легенду Бадаевым Павлом Владимировичем. Вернулся к нам Молодцовым Владимиром Александровичем. И живет среди нас ярким солнцем. Сладостным воздухом Родины. И ветвистой березой, что посадил когда-то у отчего дома в Сасово под Рязанью.

**Подполковник в отставке
Н. КОСТИН,
кандидат исторических наук,
доцент.**

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Предавший Молодцова (Бадаева) Федорович (Бойко) не ушел от заслуженного возмездия. После войны он был пойман, изобличен, осужден и расстрелян.

За пределами СССР арестовали Курерару, Аргира и других палачей сигуранцы. Доставили в Одессу и судили как военных преступников. Зло не должно оставаться безнаказанным.

Ветеран о ветеране

ПРИНОСЯЩИЙ НАХОДКИ

Тридцать лет назад принес я свои стихи в солдатскую многотиражку «Красное знамя». Не без робости переступил порог редакции — как-то встретят очередного нештатника? За письменным столом сидел пышноусый старшина и мурлыкал вполголоса: «Мы кузнецы, и дух наш молод...» Поднял на меня лучистые глаза, крепко пожал руку. По-знакомились. Так и вошел в круг моих друзей Сергей Георгиевич Вахрушев — военный журналист, интереснейшей биографии личность, душа-человек.

Позже выяснилось, что в момент нашей первой встречи напевал он свою фирменную, фамильную песню. Он действительно из рода кузнецов. В 41-м после окончания школы на фронт его не взяли — возрастом пока не вышел. Вместе с отцом махал молотом в кузнице, пока в 43-м не призвали в солдатский строй. Запасной полк размещался на границе, в Забайкалье. Вышло так, что немцев разбили без него. Он воевал с японцами.

Как-то показал мне Сергей Георгиевич свою реликвию — потрепанную записную книжку. Она-то, по сути, и была его первым репортерским блокнотом.

«13 августа 1945 года. В одном из домов засели японские снайперы. Они обстреляли дорогу, по которой проходили наши подразделения. Сержант Иван Бельчич скрытно подполз к окну и забросал самураев гранатами. Но и сам был смертельно ранен.

14 августа 1945 года. Вечером наша рота совместно с другими подразделениями сменила в окопах пехотинцев полка, отведенного на отдых.

Перед траншеей было много убитых японцев — следы недавно прошедшего боя. Всю ночь самураи жгли осветительные ракеты. Изредка возникала перестрелка.

16 августа 1945 года. Как только начало светать, ударила вражеская артиллерия. В течение нескольких минут японские снаряды рвались в наших окопах, но не нанесли нам значительного урона.

Как только прекратился огонь артиллерии, со стороны противника мы заметили оживление. Самураи короткими перебежками устремились к нашим позициям. Когда они оказались совсем близко к нашей траншее, мы по команде открыли огонь. Атака японцев захлебнулась.

Через некоторое время самураи предприняли новую атаку. Я тогда находился у пулеметчиков и подносил им коробки с лентами. Наводчик ефрейтор Сергей Яковлев спросил:

Старший прапорщик С. ВАХРУШЕВ

— Что, земляк, им сыграть? Краковяк или русскую?

— Давай русскую, она веселее...

Он залег за станковый пулемет и, как только японцы поднялись для броска, ударил по ним длинной очередью. Открыли огонь и бойцы из траншеи. Не выдержав свинцового шквала, японцы стали откатываться назад, оставляя убитых и раненых...

Война закончилась. Окопный блокнот был до поры положен в заветную коробку с боевыми наградами. Сергей Вахрушев в солдатской гимнастерке пришел на завод. Творческая натура нашла выход в изобразительном искусстве — молодой рабочий посещает мастерскую народного художника РСФСР Ивана Васильевича Титкова. Тот не без успеха «ставил кисть» самодеятельного живописца — портреты, пейзажи Вахрушева были выполнены вполне профессионально. И место работы сменил в соответствии с творческими запросами, став художником-оформителем на строительстве Новосибирской ГЭС. Рисую панно и транспаранты, напевал, конечно, свою классику про кузнецов.

Иногда откладывал он кисть, чтобы взять в руки перо — заметки, репортажи, очерки о гидростроителях заметной

чередой пошли в окружной газете "Советский воин", областной "Советская Сибирь", городской "Вечерний Новосибирск". Старшие коллеги-журналисты его отмечали.

Газета "Вечерний Новосибирск" писала: "Сергей Вахрушев вошел в газетную семью как человек, всегда приносящий находки. Сначала он разыскал в Новосибирске потомков знаменитого скульптора Баха. У них были не только рисунки выдающегося ваятеля, но также интересные документы.

Затем его заинтересовала история маленькой девочки Аллы Никитиной, родившейся в фашистском концлагере и спасенной французской семьей от гибели. Сергей Вахрушев сумел оценить этот факт. В нашей печати появилась его заметка под заголовком "Она не забудет французских друзей".

Сообщение нашего рабкора привлекло внимание большой прессы. Начались поиски спасителей русского ребенка. Поиски увенчались успехом. Это были французские патриоты Никола и Луиза Оффманы. Они по приглашению общественности побывали в нашей стране. Советское правительство оценило их подвиг, наградив орденами. . ."

Журналистика стала для Сергея Вахрушева жизненной потребностью. Фронтвик, прекрасно знакомый не только с различными газетными жанрами, но и умеющий фотографировать, рисовать, ретушировать снимки, он пришелся ко двору. При его неуемной энергии, прямо-таки страсти к поиску вскоре стал прапорщик Вахрушев знаком всем военнотружущим нашего региона. Его публикации были практически в каждом номере "Красного знамени".

Коронная, любимая "делянка", — рубрика в газете "Встречи для вас". Художники и скульпторы, артисты театра и кино, певцы и композиторы, с которыми встречался и о которых писал Сергей Георгиевич, могут сделать честь любому изданию: Кукрыниксы и Сергей Коненков, Игорь Ильинский, Михаил Жаров, Николай Крючков, Юрий Никулин, Иннокентий Смоктуновский, Олег Попов, Юрий Соломин, Василий Лановой, Ольга Воронец, Людмила Зыкина, Эдита Пьеха. . .

Иногда скоротечное интервью репортера давало толчок к глубокому поиску, заинтересованному исследованию жизни и творчества великих людей России. Благодаря знакомству с дочерью Ф.И. Шалапина Ириной Федоровной, встречаю с родственниками А.Н. Толстого, С.А. Есенина войсковой журналист сумел отыскать неизвестные широкому читателю страницы в биографии русских российских гениев.

Прапорщик Вахрушев никогда не забывал, что он журналист военных и представляет интересы внутренних войск. По мере сил старался дополнить их летопись. Так, познакомившись однажды с руководителем хора имени Пятницкого народным артистом СССР Валентином Левашовым, корреспон-

дент выяснил, что тот служил именно в наших частях. Когда я работал автором-составителем сборника о красноярцах — Героях Советского Союза, именно Вахрушев установил, что гордость войск младший сержант Петр Барбашов работал до войны в Игарском речном порту. Очерк о нем занял свое место в книге.

Старший прапорщик Вахрушев оставил боевой строй в шестьдесят два года — случай, по-моему, уникальный в наших войсках. Провожали его тепло, коллеги посвятили ему в газете целую страничку, каждый сказал о Сергее Георгиевиче доброе слово.

Подполковник запаса П. Матвеюк: "Прихожу на работу к восьми и всегда слышу, как в соседнем кабинете стучит машинка. Каждый день в семь утра он появляется в редакции. Как-то спросил его: "Зачем так рано приходите?" Отвечает: "У меня всю жизнь режим такой. Не спится — вчера раздобыл материал, который просится на лист бумаги". Да, умению Сергея Георгиевича найти интересный материал можно только позавидовать".

Прапорщик Евгения Буторина: "Четыре года сидим мы с Сергеем Георгиевичем в одном кабинете. Четыре года имею я возможность смотреть на его работу и удивляться его усидчивости. Он всегда занят — или готовит к публикации фотографии, или дописывает материал, или беседует с ветеранами войны. . . И в каждый номер есть у него что-то интересное, необычные задумки".

Провожая ветерана на заслуженный отдых, командование выражало надежду, что не забудет старший прапорщик в отставке родной коллектив. Слова в подобных случаях, в общем-то, традиционные. Далеко не все отставники заглядывают на огонек в свои подразделения. Но только Сергей Георгиевич не из таких — раз в неделю у него непрерывный присутственный день в родной редакции. Под рубрикой "Имена в истории России", появились за его подписью интересные публикации о любимом певце Федоре Шалапине, о выдающемся живописце Василии Сурикове, о сибирских дорогах Ярослава Гашека, о народной артистке СССР Марине Ладониной. А фотографий и не сосчитать.

Не оставляет он и живопись, надеясь к 50-летию Победы устроить персональную выставку, где будут и сибирские пейзажи, и портреты сослуживцев. Хоть говорят, что надежды юношей питают, верю, что и мой старинный товарищ мечту свою осуществит. Какие наши годы, Сергей Георгиевич!

Подполковник в отставке

В. ПУГАЧЕВ,

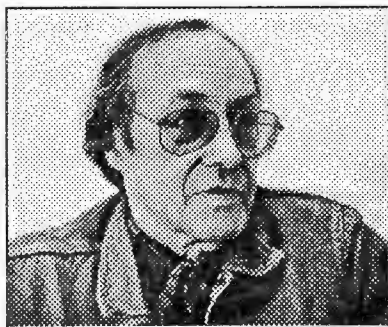
участник Великой Отечественной войны.

г. Красноярск.

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Представляем автора

Эта рубрика будет знакомить наших читателей с жизнью и творчеством писателей, чьи рукописи лежат в редакционном портфеле. Материалы бесед планируем делать только на основе встреч авторов с коллективом редакции. Первый наш гость — Овидий Александрович ГОРЧАКОВ.

"ЧУВСТВО ДОЛГА - ДУХ НАЦИИ"

Корр. Овидий Александрович, вас легко представлять нашим читателям. Горчаков — и уже почти все ясно. Ваша фамилия — в энциклопедии "Великая Отечественная война", вы там в одном ряду с прославленными разведчиками Н. Кузнецовым, Д. Медведевым, К. Орловским. Ваши киносценарии, книги, как говорится, зачитываются до дыр: "Вызываем огонь на себя", "Далеко по ту сторону фронта", "Он же капрал Вудсток", "Максим", не выходит на связь"... А чего стоит оброненная, кажется, Юлианом Семеновым фраза о том, что вы сами и есть прототип майора Вихря — человека, спасшего от разрушения Краков?!

О.Г. Юлиан Семенов действительно так говорил, но это уже — из разряда легенд. Был такой разведчик — Березняк, чудесный человек, необычайной отваги и скромности одновременно, в послевоенные годы жил в Киеве... Вот он и есть майор Вихрь.

Что же касается фразы Семенова — у меня в биографии были моменты, схожие с теми, какие выпали и на долю Вихря. Говорить о них сейчас — это и часа не хватит, так что лучше не начинать.

Корр. И все же, хотя бы коротко, расскажите о своем фронтовом пути.

О.Г. В сорок втором мне исполнилось семнадцать лет, я к тому времени говорил на двух иностранных языках, прошел специальную подготовку и был зачислен в состав диверсионно-разведывательной группы. В начале июня нас, одиннадцать человек во главе с командиром Георгием Самсоновым, забросили в Хачинский лес, это на Могилевщине. Из беглых военнопленных, местных жителей, окруженцев мы сформировали партизанский отряд... Ну а все остальное есть в

моей книге, той, над которой я, без преувеличения, работаю всю жизнь. Написал ее в сорок восьмом, по горячим, так сказать, следам, а первые ее главы увидели свет лишь четыре года назад.

Корр. Это вы говорите о романе «Вне закона»?

О.Г. Да, о нем. Я предлагаю вашему журналу главы второй книги – это будет их первая публикация в России. А чтобы читателю было понятно, о чем идет речь, кратенько расскажу содержание первой части романа – именно она была опубликована в «Советском писателе», в 1990 году. Так вот. В июне нас, значит, забросили на Могилевщину, нам удалось в короткое время сколотить боеспособный отряд, начались первые стычки, первые бои с врагом, пришли первые победы, и первые, пока незначительные, но с каждым разом все более роковые для коллектива проступки стал совершать командир. Борясь за единоначалие, за свой авторитет, Самсонов объявляет себя капитаном, хотя этого звания ему никто не присваивал, морально, а потом и физически начинает устранять тех, кто ему не по нраву, кто кажется ему конкурентом в вопросах власти, кто имеет собственное мнение о чести и достоинстве.

Так по его приказу был убит командир партизанской группы Богомаз, так погибает Надя Колесникова, такая же участь ждет и главного героя романа, от имени которого идет повествование, – Виктора, отказавшегося выполнить распоряжение Самсонова убрать партизана Покатило. Случай помогает Виктору временно уйти из-под опеки командира, и...

Впрочем, что произошло дальше, вы узнаете из глав, которые будет печатать ваш журнал.

Корр. А насколько автобиографично произведение? Герой его носит иное, чем у вас, имя...

О.Г. И еще несколько имен изменено, есть на то причины, я бы сказал, этического характера. Все остальное – один к одному.

Корр. Тем более удивляет дата, стоящая на последней странице рукописи. 1948 год. О культе личности тогда еще и речи не было...

О.Г. Вы имеете в виду культ личности Сталина. А я не хотел бы, чтобы между ним и моим «черным», героем выстраивалась сейчас параллель. Сталин – это частный случай, понимаете? Поэтому я не бью себя кулаком в грудь, не кричу: «Я первый разоблачил, я предвидел, какой суд вынесет история...» Культ –

явление более глобальное, мало исследованное, и корни его уходят в далекую историю... Словом, я писал не о Сталине. Я писал о том, что бесконтрольность, безнаказанность могут сделать из слабого человека диктатора. И не надо думать, что с момента смерти «вождя народов», время диктаторов кануло в Лету. Вы ведь знаете, что на освободившееся место в Кремле тогда метил Берия, и приди он к власти...

Корр. Именно на эту тему вы и выступили впервые в нашем журнале. Это было пять лет назад...

О.Г. Да, пять лет назад я отдал в редакцию журнала «На боевом посту», документальную повесть «Совесть коммуниста». Там шла речь о человеке, который бросил вызов своему шефу. Начальник областного управления МВД по Львовской области генерал Тимофей Амвросиевич Строкач начал бороться с Берией, Кобуловым, Мешиком... Это начало июня пятьдесят третьего, представляете? Лаврентий еще силен, одно его слово, один жест – и нет человека! Ведь сколько людей и до Строкача пытались... ну, если не разоблачить негодяя, то хотя бы не выполнять его преступные приказы, и что же? Где они оказывались? В земле. Тимофей Амвросиевич это знал, но был готов ко всему, лишь бы правда восторжествовала.

Корр. Так боролся и Виктор с Самсоновым. Я возвращаюсь к роману «Вне закона»...

О.Г. Так борются всегда, иначе бы зло давно уже торжествовало на земле. Это долг каждого.

Корр. В последние годы, кстати, это слово вроде как забвению стали предавать...

О.Г. Чувствую, чувствую. И страшусь этого. Понимаете, ерунда какая получается. Сейчас пытаются доказать, что гражданский долг, воинский долг – это нечто, присущее эпохе тоталитаризма. Потому герои войны, труда – вроде как и не герои. Долг, говорят, может быть только один – денежный. Потому в первую очередь считают, сколько государство им должно, то государство, которое мы спасали в годину беды, и Кутузов, и Суворов, и Петр, и Дмитрий Донской...

Чувство долга – это дух нации. Не хочется верить, что нация наша на грани краха. Мы выдюжим, опомнимся.

Корр. И напишем новые книги об этом?

О.Г. А что, силы для этого еще есть!

Записал И. КОЗЛОВ.

Овидий ГОРЧАКОВ

ВНЕ ЗАКОНА

Главы из романа*

1.

От первой утренней зябки зашумела голова, глухо застучало сердце. Сосредоточиться не удалось: как ни пытался сосчитать дни, пролетевшие после нашего ухода из Хачинского леса; ничего не получилось.

Значит, так. Все началось хмурым серым утром, четвертого сентября. Тревожные возгласы со всех сторон: "Немцы!", слова Баженова, проясняющие ситуацию: "Наших зажучили в Трилесье, немцы к лесу валют, уже недалеко.. Прибывающие связные "радуют", нас новой информацией: бои идут уже в Радькове, Добуже, под гусеницами танков трещат бревна Горбатого моста...

Мы уходим, уходим, уходим, нарываемся на засады, вязнем в болотах, ночью идем полем, на рассвете переправляемся через Проню... Так начался второй день. Бригада на короткое время остановилась около лагеря бажуковцев, чтоб перевести дыхание — и опять поход: переправа через Сож, стычка с полицией. Третий день — Самсонов объявляет о своем решении перейти линию фронта. Кухарченко приходит из разведки, говорит, что немцы рядом, небольшой отряд. "Занимаем оборону, огнем разметим их в прах!" — он, как всегда, отважен и бесшабашен. Но тут Самсонов соглашается с ним и отправляет в глубь леса, подальше от боевых цепей, радиста, женщин, легкораненых и отряд сопровождения во главе со мной.

В первый раз я остановил людей только для того, чтобы положить конец беспорядочному бегству, организовать их и отвести дальше, выжидая, пока не стихнет бой. Как оказалось, у нас подо-

бралась интересная команда: девятнадцать женщин, восемь раненых, тридцать пять вооруженных партизан, в том числе четверо десантников — Барашков, Сазонов, Терентьев и я, четыре пулеметчика и, что имело огромное значение, радист. В моих, стало быть, руках оказалась радиостанция.

Вот тогда, в одну минуту, и родился у меня план, по которому я увел людей все глубже в лес, все дальше от Самсонова.

Я боялся расспросов, возмущений, но все пока шло как надо. Первый разговор на большую для меня тему начал Баженов: "Мы рискуем оторваться от своих, надо остановиться, выслать связных..." Я ответил в том смысле, что Самсонов, инструктируя меня, учел все, и уж коли поручил мне возглавить данный отряд, то я несу ответственность за то, чтоб не сбиться с выбранного маршрута и выполнить поставленную задачу. Говорил я все это нарочито громко, как можно спокойнее, и это принесло свои плоды. "Что ж, командир, раз знаешь, что делаешь, тогда веди.."

И я вел. Надо было теперь сбить с нашего следа Самсонова. Немцы меня не так уже страшили — не сунутся они в лесные дебри. А Самсонов, узнав об исчезновении радиостанции, примет все меры к ее возвращению. И потому я вел отряд не на восток, как тот мне предписывал, а на северо-восток. У нас не было карты, и я молил Бога, чтоб лес не закончился вдруг: тогда партизаны оказались бы идти через поле, стали бы требовать, чтоб я ждал Самсонова на опушке.

Лес не заканчивался, мы шли по нему всю ночь, и только утром в темной сырой чащобе я позволил обессиленным товарищам отдохнуть. Чтоб снова после короткой остановки топтать дальше...

* Журнальный вариант.

Сколько же дней всего идем? Какое по счету утро сейчас начинается?

Хорошее утро. Тихое, безветренное. За вершинами желтеющих берез и темных елей светлело небо. Я сидел на поваленной, заросшей лишаями осине, сжимая и разжимая затекшие пальцы раненой руки. На белесой траве спали партизаны. Слышалось их мерное дыхание, негустой храп. Многих из них я знал лишь в лицо, некоторых совсем не знал — бойцов из отрядов Фролова, Мордашкина, Дзюбы. Один уткнулся лицом в мокрую траву, руки в карманах — так его свалил сон. Обняв ручной пулемет, как в крике раскрыв рот, спит Саркисян. К нему прижался молоденький партизан в немецкой шинели. Чуть поодаль — огромный Токарев и маленький щуплый Трофимов. Дальше, за развесистой елью, — женщины. Тесно прижались друг к другу, под головами мешки, котомки.

Знали бы они, что я задумал, как бы повели себя? И вообще, по силам ли мне это, по праву ли — решать мной же поставленную такую задачу? Решать не только за себя, но и за других? Ну какой я командир? Что буду делать, если сейчас, к примеру, когда все спят, к отряду приблизится враг? Как, кстати, несут службу часовые?

Я пошел за березы, туда, где был определен пост часового. Службу должен нести Иващенко.

Иващенко спал сидя, прислонившись к стволу дерева. Я тронул его за плечо. Никакой реакции. Начал расталкивать. Он отмахивался, натягивал на голову ватник, но глаз не открывал. И лишь когда я вырвал винтовку у него из рук, он очухался, поднялся на ноги, сладко зевнул:

— Сон такой... А ты — ну чего тебе надо? Пристал как банный лист.

— Расстреляю! — крикнул я, не сдерживая себя. Крикнул так, что начали просыпаться партизаны, подниматься, вопросительно поглядывая на нас. — Ты часовой или... или... Расстреляю!

О, как я ненавидел сейчас это одутловатое лицо, эти толстые слюнявые губы, пустые, ничего не выражающие глаза. Рука рванулась к кобуре, и...

И я вспомнил, как в один из первых дней нашего пребывания в тылу Самсонов лично расстрелял парня, которого мы встретили на лесной дороге: "Вдруг донесет?". А чуть позже вынес смертный приговор часовому в лагере на Ухлясти, хотя боец и не заслуживал такого наказания. Тогда я понимал: Самсонов так поступает из страха, из-за упоения властью... Господи, не повторяю ли я его путь?

Кто-то тронул меня за плечо. Я оглянулся: Барашков.

— Остынь, командир. Часовому, конечно же, надо намылить шею, но пистолет свой оставь в покое.

— Да, — сказал я, — да. Я это сам уже понял.

2.

Подводная лодка, плывущая без перископа в зеленом море леса, — так, кажется, сказал о нас Самсонов. Неплохое сравнение. Но наш отряд — не подлодка, а шлюпка в бурном океане, и нет карты, компаса, пищи, воды, и нет капитана, а на борту больше пассажиров, чем моряков.

Этой шлюпкой должен теперь управлять я. План действий мною уже обдуман. Первая задача — оторваться от Самсонова, вторая — сплотить отряд, третья — раскрыть партизанам глаза на преступления Самсонова, четвертая — радировать обо всем Центру... Кроме того, надо кормить людей, укреплять дисциплину, учиться самому и учить других воевать.

После побудки я собрал Баженова, Барашкова и Виноградова на разговор, сел с ними на полянке у замшелого пня. Боясь открыть свой замысел, начал витиевато рассуждать о том, что без железной дисциплины мы пропадем, что надо немедленно начать работу с такими бойцами, как Иващенко, ведь неизвестно, сколько нам еще плутать по лесу, прежде чем мы соединимся хоть с каким-либо партизанским формированием. Нам надо стать организованным отрядом, боеспособным, легко управляемым...

— Постой, друг ситный, — перебил меня Виноградов. — Какой отряд, какой управляемый? Надо быстрее вернуться к Самсонову и не забивать себе мозги ненужными мыслями.

— Правильно, — поддержал его Барашков. — Надо искать нашего командира.

— Но я не знаю, когда удастся найти его, — ответил я. — Он приказал мне все время идти на северо-восток, мы вроде так и шли, но без компаса могли сбиться, а у самого Самсонова тоже могли поменяться планы. Мы ведь не знаем, чем закончился бой. Возможно, партизан вынудили отступить совсем в другом направлении, так ведь? И потом, встретив нас, Самсонов должен увидеть, что перед ним не отара овец, не толпа, а войско, понимаете?

— Так что ты конкретно предлагаешь? — спросил Баженов. — Про толпу — тут я согласен. В принципе среди нас должны были быть лишь женщины да раненые с небольшой охраной, а оказалось — вон сколько. Непонятно, то ли это

трусы от боя сбежали. то ли кто-то действительно им дал команду к нам присоединиться. Пока не разберемся с этим, надо быть бдительными вдвойне.

— Я предлагаю разбить отряд на два взвода, выделить отделение разведки. Командирами этих трех подразделений будете вы. Без лишней лести говорю, что лучших кандидатур не найти.

Ах, все мы чуточку любим лесть. Виноградов, Баженов и Барашков сдержанно заулыбались — они были полностью согласны с моим мнением.

— Командовать нами будешь ты? — спросил Барашков.

— Я готов стать в один ряд с вами, быть командиром любой боевой группы. А о командире и комиссаре отряда давайте подумаем. Лично я предлагаю Бухтеева и Токарева...

Мы поговорили еще кое о каких деталях, затем разошлись. Я побрел бесцельно краем опушки, осмысливая весь разговор, когда меня догнал Баженов, тронул за рукав, тихо спросил:

— Так что же ты сам все-таки не хочешь быть командиром беллого отряда? Ответственности испугался? Самсонова боишься?

Я просто остолбенел: неужели он прочел мои мысли? Неужели понял мою игру?

— Почти так, Павел, — ответил я, глядя прямо в глаза другу. — Ты скоро сам все поймешь, обожди немного.

— Я уже одно понял, — он коснулся ладонью моей щеки. — Ты горящий весь, температура, наверное, под сорок. Рана болит?

Плечо ломило. Пашка заботливо дотронулся до него:

— Ты полежи немного, не шути со здоровьем. Нас пожалей: тащить придется.

— Хорошо, я так и сделаю.

Пасмурный день туго забинтовал небо прямо-таки партизанским грязно-серым бинтом облаков. Едва проступало сквозь этот бинт желтое солнце, точно рана, смоченная риванолом.

3.

Ляля закончила перевязку, села рядом. В зубах ее зажат желтый стебелек, руки покойно лежат на коленях.

Безветренно, тихо в вечернем лесу. Дым ровной струйкой поднимается над костром и застревает в синих лапах ели.

За красноватым отблеском костров сливаются воедино кусты и деревья. Здесь, в круге дрожащего света, хорошо: милое лицо Ляли, тихий говор друзей, сладковатый табачный дым. За границей же огня — сыро, холодно, жут-

ко. Что наши костры сейчас? Крошечные точки во мраке, к которым хочет устремиться все живое...

Я резко вскакиваю на ноги:

— Тушить костры!

Вася Виноградов сидит у соседнего костра; слышу, как он вполголоса материт меня, но все же начинает разбрасывать и затаптывать угли. Разобиженный дым уже не стремится вверх, вьется над землей, ест глаза. Наверное, партизаны меня все-таки поняли: опасно в незнакомой местности так выдавать себя.

Как будто в подтверждение моих мыслей откуда-то издали доносится звук выстрела. Мы замираем.

— Одиночный, — тихо вздыхает Люда.

— Если бы нас искали люди Самсонова, они бы выстрелили дважды, да?

— Дважды, — подтверждает Баженов.

— Может, они погибли там все? — продолжает Люда и думает, конечно, о своем муже, оставшемся в отряде. Услышь она дуплет, забыв обо всем, побежала бы к невидимому и неведомому стрелку. Да и многие побежали бы. Лишь я, видно, страшусь самсоновского сигнала.

Нахожу в темноте холодную руку Ляли, глажу ее своими ладонями.

— Хочешь хлеба? — спрашивает она.

И, не дождавшись ответа, продолжает: — Скоро мы, интересно, к своим вернемся? Страшновато без них.

Я опять ничего не говорю. Я думаю, что хватит, наверное, играть в молчанку. Надо рассказать все — Баженову, Барашкову, Виноградову, Ляле, надо наконец проявить решительность, определиться...

А если они не пойдут за мной?

— Ладно, пора на боковую, — рокошет в темноте Виноградов. — Красавицы, кто пойдет со мной, а? Теплей будет, гарантирую. Я такую елку подыскал!

Слышится какая-то возня, сдавленный женский смех:

— Да отцепись же ты!

— Это ты мне, своему командиру, говоришь? — весело возмущается Виноградов. — Да я тебе сейчас в приказном порядке такое повелю сделать...

Кто же все-таки стрелял? — спрашиваю я сам себя. И решаю: гадать сейчас ни к чему, надо менять это место — костры наши действительно могли видеть с большого расстояния.

— Командиры, ко мне! Виноградов, выходи с головным дозором.

Все чаще бубнят дождевые капли, лес наполняется глухим ропотом, влагой пропитывается одежда.

Виноградов опять балагурит:

— Внимание, переходим к водным процедурам.

4.

Дневали у костров: надо было согреться, просушить бинты, одежду, попить кипятку. Я свернул из подмокнувшего самосада сигарку, беспрестанно затягиваясь, побрел без тропы в глубь леса. Чему я уже научился — кошачьей бесшумной походке. Потому и не услышали меня двое бойцов, на спины которых я чуть не натолкнулся. Бухтеев стирал пучком травы глину со щегольских хромовых сапог, Сафонов, стоя рядом, говорил ему:

— Куда он нас гонит, скажи? Ну оторвались от немца — и хорошо. А он, мальчишка, командиром быть захотел. Самсонову, видно, завидует. Чувствую, он вообще в отряд возвращаться не хочет, говорю это вам как комиссару.

Бухтеев молчал, будто чистка сапог была главным его делом.

Я поспешил отойти от них, сделал небольшой крюк по лесу и вышел уже с другой стороны. Меня сразу заметили.

— Товарищ командир, — начал Сафонов, — мы сегодня дальше не пойдём, тут на ночевку остановимся?

— Это ты к чему?

— А к тому, что хорошее место для постелей подсмотрел, вам тоже соображу, мягко будет. А то ведь рукой раненой что можно сделать?!

— Ничего, как-нибудь управлюсь, — зло ответил я. — Кроме этого ничего больше сказать не хотите?

— Да нет, все нормально.

Бухтеев молча продолжал чистить сапоги, и лишь когда я сделал десяток шагов, уходя от них, сказал:

— У меня есть вопрос.

Догнал меня, пошел рядом, аккуратно обходя грязные участки:

— А вопрос у меня такой. Ты приказал передать все наши продукты бабам?

— В хоззвод женщинам? Я. А что?

— А то. Мудрее надо быть, если командовать взялся. Они все до последней крошки сожрали.

— Они ведь тоже люди, комиссар, кушать хотят. А продуктов-то было — кот наплакал.

— Да я даже не о харчах, хотя их можно было дня на два для всех растянуть. Они ведь не партизанки, они обуза, понимаешь? Никто из них не знает, что такое армия, дисциплина. Не партизанки они, а черт-те что! Пропадём мы с ними, если срочно не избавимся. Первый же бой...

— Подожди, подожди. Как же ты предлагаешь избавиться от них?

— Идем же мимо деревень, пусть по домам разойдутся, приютят их. А с на-

ми — погубят они и отряд, и себя. Шутка ли, каждый второй — баба.

В его словах, хоть и звучали они несколько грубовато, был смысл, и их надо было обдумать. С ходу, конечно, ничего решать не стоило, и потому мы договорились вернуться к этой теме на следующий день. Я еще ждал, что комиссар заговорит о Самсонове, но он почему-то не вспомнил недавний монолог Сафонова о том, что я ради власти веду людей неведомо куда.

Почему не вспомнил?

Вечерело, бойцы стали собирать сушняк на костры, кучковались в отдельные группы. Я уселся между Васей Виноградовым и Киселевым. Они беспрестанно хохмили, подкалывали друг друга, постоянно задевали и меня, стараясь вовлечь в разговор, но мне было не до этого. Как-то так получилось, что прямо перед моими глазами, у соседнего костра, сидели Ляля и Паша Баженов. Ляля перевязывала ему руку, шептала что-то, лица их светились улыбками, и свечение это страшно раздражало меня. «Могли бы шушукаться и в более укромном месте. Специально, что ли, передо мной уселись? Хотя — почему специально? Кто я Ляля? Только командир, и все. Она, может, и не догадывается, как я к ней отношусь. И Пашка ничего не знает. А узнает, может подумать, что я начал права качать. Мол, поскольку власть у тебя, командир, то можешь и женщин выбирать? Как Самсонов?»

Нехорошая, противная дрожь пробежала по телу, я подвинулся ближе к огню: и чтоб согреться, и чтоб за языками пламени не видеть ничего.

Кто-то положил мне руку на плечо. Я поднял голову: Баженов.

— Твоя очередь перевязку делать. Иди, Ляля ждет.

— Да ладно, обойдусь сегодня.

— Иди, иди, она уже все приготовила.

Ляля перевязала мою руку сухим бинтом, при этом действовала как-то грубовато, резко, пару раз даже закусил губу от боли. Мы не проронили ни слова, пока она не закончила работу и не помогла мне натянуть на руку еще влажный мундир. Я скороговоркой поблагодарил ее, повернулся, чтобы уйти, и она тоже встала, коснулась пальчиками плеча:

— Идем со мной... я уже постелила... Там солома и одеяло на двоих... Идем, а?

Слова эти медленно доходили до моего сознания, я вникнул в них и продолжал стоять дурак дураком, и сердце перепуганно колотилось в груди, и почему-то стало страшно при мысли, что вот стоят у костров партизаны и все

смотрят на нас, и слышат слова Ляли. А она кусала губы, и взгляд ее был устремлен мимо меня, в лес — то ли испуганный, то ли отчаянный взгляд.

— Идем, — чуть слышно повторила Ляля.

И я пошел за ней, ничего не видя кроме больших влажных пятен на плечах ее мужского пиджака. Ветви задевали больную руку, били по щекам.

— Вот здесь... Ложись.

Я лег и даже не почувствовал тепла от одеяла, которым она меня укрыла. Меня знобило так, что зубы начали выбивать дробь.

Ляля тронула ладошкой лоб: «Ты горь»,. Сняла пиджак, прикрыла меня им поверх одеяла, легла рядышком, дыхание ее согрело мне щеку.

Кто-то прошел рядом, шурша травой. Боже, что я делаю? Завтра же пойдут разговоры: командир спит с санитаркой. И когда настанет время объяснять, почему я увел отряд от Самсонова, мне скажут: а разве ты поступаешь лучше?

Шелест травы прервался. Я открыл глаза, вглядываясь в темноту. Возле меня стоял, раскуривая самокрутку, Баженов. На плече его лежала свернутая немецкая шинель, он, видно, тоже искал место для ночлега.

— Паша, — позвал я и не узнал собственного голоса, слабого, сдавленного. — Ложись с нами, места хватит.

— А ты тут что, не один? — Баженов тут же бросил на землю шинель, присел на нее. — Я думал, ты с...

Тут он пригляделся, кто лежит рядом со мной, прервал фразу, крикнул раздраженно, хотел, наверно, встать, но понял, что это будет выглядеть нехорошо, отстрелил сигарку, упал набок, тут же глубоко засопел, вроде как заснул. Обиженно вздохнула Ляля, отодвинулась от меня, потом и вовсе отвернулась.

Сердце мое бухало, как приговаривало: «Трус, трус, трус!». Я глядел в беззвездное небо и не мог уснуть до тех пор, пока алая лунина рассвета не зажглась в высоком тонком облачке. Лицо Ляли вновь было рядом с моим. Я оперся на здоровую руку, глядя на ее мягкие волосы, покрытые сейчас жемчугом росы. Тонкие нежные кисти рук, зеленая краска травы, ввевшаяся в кожу, обломанные ногти — интересно, какого цвета лак она предпочитала? Когда все это закончится, после войны, я поведу ее в самый лучший магазин Москвы, одену в самые лучшие наряды, куплю самую лучшую косметику. Ляля, Ляля, Лялячка... Тогда мы никого не будем бояться, и никто нас не посмеет осудить! Как осуждают сейчас отношения Самсонова и Алки, Кухарченко и Жени, Козлова и Нади. Я не хочу, Ляля, чтобы

и нас так склоняли, пойми, боюсь, что к нам прилипнет грязь, и не называй эту мою боязнь трусостью...

С этими мыслями я наконец уснул.

5.

От группы разведчиков, шедшей впереди отряда, прибежал запыхавшийся Турка, доложил:

— Впереди большая деревня, Виноградов велел передать, чтоб осторожней шагали. Людей там много, топорами стучат.

С опушки мы минут десять наблюдали за домами, стоящими посреди раскисшего поля. Мне не хотелось вести бойцов к домам, лучше было бы топтать по глухотам, но все были голодны...

— Как быть, комиссар? О чем с селянами говорить?

Бухтеев за короткое время неузнаваемо изменился — сказалась должность комиссара. Иначе, как тоном учителя или лектора, он уже и говорить не мог.

— Надо перво-наперво вселить в них веру в победу над врагом, поднять боевой дух населения, призвать бить оккупантов.

— А как поднять? — насмешливо спросил Виноградов. — Поведать о том, сколько дней мы драпаем?

— Не смешно! — сурово отрубил Бухтеев. — Мы — это пылинки, крупица, это не характерно для всей армии. А армия, надо сказать, бьет фашиста на всех фронтах, и близок час, когда и сюда придет освобождение и каждый должен будет ответить на вопрос, что сделал он для победы.

— Последние сводки, которые мы читали, о другом говорили, — Виноградов вроде как поддразнивал комиссара. — Хреновые у нас дела, особенно на юге, Севастополь сдаем. Понимаю, конечно: скажем правду — нам могут и куска хлеба не дать. Но врать ради жратвы — разве это хорошо, а, комиссар?

Бухтеев не на шутку рассвирепел:

— Не ради желудков такую политику надо вести, а ради высшей цели...

Видя, что лекция его может затянуться надолго, я скомандовал:

— Давай, разведка, выдвигайся к крайним хатам.

Первый вопрос, который нас беспокоил: есть ли в деревне полицаи? Хозяйка дома, пожилая женщина, встретила нас без особого удивления: тут многие бежали, когда бои шли. Да, сказала она, полицаи есть, десять человек, сейчас они на другом краю избу своему уряднику ставят. О партизанах никогда не слышала, даже не знает, кто это.

Полицейских нам удалось захватить врасплох. Мы вмиг построили их возле

сруба на небольшой лужайке, усеянной свежей смолистой щепой. Виноградов, уже совершенно серьезный, инструктировал пулеметчиков:

— Вы, хлопцы, не горячитесь, патроны берегите, одиночными их... И не забудьте собрать оружие.

Я стоял и не знал, как поступить. Конечно, стоило бы побеседовать с жителями, выяснить, как вели себя тут полицаи, почему надели белые нарукавные повязки... Хотя разве может быть хоть какое-то оправдание тем, кто согласился служить захватчикам? Самсонов — тот бы расстрелял их не задумываясь. А мне — надо ли мне задумываться по этому вопросу? Может, я так ненавижу Самсонова, что не хочу видеть совершенно ни в чем его правоты?

Полицейские стояли не шевелясь. Рубахи, закатанные по локоть, опилки в чубах, угрюмые лица.

— Ну что, шакалы, — сказал Виноградов. — Сейчас мы будем вас кончать. Никто слова сказать не хочет?

— За что? — спросил урядник, мужик, похожий на Пугачева: широкий в кости, с черной всклокоченной бородой. — Мы же нашим помогли, у меня и документ на это есть.

— Какой такой документ? — сощурил глаза Бухтеев.

— Да в хате лежит. Если позволите, принесу.

Документ оказался действительно важным. Сложенный вдвое листок из школьной тетради, аккуратные строки, написанные чернильным карандашом. Суть записки: князевская полиция — деревня называлась Князевка — во главе с урядником в течение июня и июля этого года оказывала всяческое содействие московской десантной группе младшего лейтенанта Новикова. Сам офицер и оставил подпись: О. Новиков, командир спецгруппы "В".

Виноградов недоверчиво повертел бумажку в руках:

— А может, она фальшивая, а? Кто такой Новиков? Не знаем мы такого.

— Новиков? Олег? Так я же с ним в Москве в одной группе... — Я еле сдержал себя, чтобы не рассказать перед полициями, что с этим парнем мы вместе готовились к отправке в тыл врага. — А где он сейчас?

Урядник пожал плечами:

— Не знаю, они в июле и ушли. Мы им муки дали, других продуктов... Если надо, и вам дадим столько, сколько сможете унести.

Наш разведчик сразу оттаял сердцем, но не настолько, чтобы забыть, что он в первую очередь боец.

— Только учтите, мы ребята сильные. Да, оружие, естественно, тоже считайте, что уже наше, понятно?

Полицейские тихо зароптали:

— Это же все равно что расстрел. Немцы нас ведь сразу к стенке поставят.

— А вы думаете, мы такие наивные, что позволим вам пальбу в нашу честь поднять? Вокруг вашей Князевки поле, укрыться даже нигде. Перещелкаете нас как цыплят.

И полицейские, и Виноградов были правы. Как решить эту задачу? Все смотрели на меня: находи выход, раз ты командир.

— Все просто, — сказал я после некоторого раздумья. — Винтовки мы оставляем здесь, а затворы и патроны забираем с собой. Доходим до леса, оставляем это богатство одному из ваших или укладываем под первую же березку. Это — приемлемый для всех вариант, так? А теперь, урядник, пусть твои люди накормят бойцов, харчей в дорогу соберут. Да, еще нам нужны карта и компас, найдешь?

Я вместе с пулеметчиком Саркисяном и его вторым номером Королевым пошел к дому урядника. По дороге узнал, что полицейских в деревне много, но они спозаранку уехали в райцентр — в Краснополье. Начальство вызвало — скорее всего на хозработы. Потом мы заговорили о Новикове. Урядник правильно назвал дату десантирования группы: "Мы с вашим офицером подружиться успели, он от меня ничего не скрывал". Пришла в голову мысль: а что, если остановиться недалеко от Князевки? Разобьем лагерь, разведем, какие тут силы у врага. Женщины наши смогут прямо в домах жить, да и нас деревня прокормит — богата. Опять же полицаи смогут оказывать неоценимые услуги, при их помощи мы и краснополеский гарнизон расколосмадим...

В планах получалось все просто прекрасно.

Хата урядника была пустой. Хозяин пояснил: жена, видно, испугалась партизан, схватилась у соседей. Он вытащил из печи чугунок с бульбой, поставил на стол:

— Перекусите, пока я продукты вам соберу.

Упрашивать нас не надо было.

На стене, над столом, висело чистенькое большое зеркало в резной фанерной раме. Я взглянул в него и даже не понял сначала, чье отражение там увидел. Худая скуластая физиономия с космами давно не стриженных светлых, словно полинявших от непрерывного мытья, волос, старческие морщины под глазами, у рта, волчий блеск зрачков... Боже, неужели меня вот таким видит каждый день Ляля?!

Саркисян горестно вздохнул, отставив в сторону пустой чугунок, потом

задумчиво почесал затылок, вышел в сени и тотчас вернулся с двумя крынками топленого молока:

— Сухая картошка горло изодрала, промочить надо. Подходи, командир, хватит тебе в зеркало смотреться.

Действительно хватит. Тем более что взгляд мой зацепился за новый предмет. На гвозде, вбитом в стену, висела черная куртка и сумка от противогаза. В такие куртки были одеты наши танкисты. Я снял их и заметил, как насторожился урядник, даже руки у него задрожали.

— Послушай, — спросил я, — откуда у тебя...

И тут за окном грохнул винтовочный выстрел, пару секунд спустя — еще один. Саркисян и Королев мигом выскочили наружу, я поспешил следом за ними, зацепился забинтованным плечом за дверной косяк и едва не потерял сознание от боли. Шатаюсь, вышел во двор. Саркисян бежал по улице, что-то крича, я лишь обратил внимание на то, что сумку, в которую урядник укладывал нам продукты, он все-таки прихватил. Хозяйственный мужик!

Опять защелкали выстрелы, в той стороне, куда бежал мой пулеметчик. Что же там произошло?

Разъяснение дал Виноградов. Чертыхаясь, он показывал в сторону леса:

— Убежал, гад! Заметил я его поздно, стрелял, да далеко было. А наши ротозеи выстрелы как слышали, так обо всем забыли — и сюда. А все полицейские и разбежались. Хоть ты-то урядника своего не упустил?

Я поспешил переменить тему разговора:

— Они ушли с оружием?

— Многие. Да, не успели бойцы все изъять, о хлебе и сале больше думали... Интересно, Краснополье отсюда далеко? Не услышат там стрельбу?

— Уходим, — сказал я хмуро. — Продуктов, смотрю, немного поднабрали?

— Есть малость. Да и ты, командир, не пустой? — кивнул Виноградов на черную куртку и сумку. — Откуда это у урядника?

Я пожал плечами, открыл противогазную сумку. В ней лежал новенький ТТ и россыпью патроны к нему.

6.

Отряд нас ждал недалеко от опушки леса. Тут же наскоро решили подкрепиться, а заодно ответить на массу вопросов, которыми забросали нас те, кто не побывал в деревне. Но решение это пришлось в срочном порядке пересмотреть: со стороны деревни послышались выстрелы, пули эти наверняка были по-

сланы вдогонку нам. Конечно, организовать преследование отряда своими силами урядник не посмеет, но ведь полицаи могут очень скоро дожидаться подкрепления. Потому пиршество было отложено — что могли, жевали на ходу, и отряд опять углубился в лес.

Уже в сумерках вышли на избушку лесника. В покосившейся хатенке жил старичок-боровичок лет под девяносто вместе с женой. Хозяин искренне обрадовался нашему приходу, тут же стал накрывать на стол. В разговоре поведал, что этим летом недалеко от его дома базировалась десантная группа, которая несколько раз имела боевые стычки с полицаями из Князевки.

— Наши-то, десантники, скрытные ребята были, меня вообще ни во что не посвящали, ни о чем не расспрашивали даже: «Не хотим тебя, батя, подставлять, а то уйдем отсюда — князевские изверги за тебя примутся». Но мне говорить ничего и не надо было, у меня и глаз еще острый, и голова варит — я все о наших десанниках знал...

Любит старик прихвастнуть, подумал я.

Вошла его жена, принесла несколько крынок молока.

— Крынки можете взять с собой, потом по случаю вернете.

— Спасибо, мамаша, завтра же утром все возвратим в целости и сохранности.

Недалеко от избушки лесника мы уже присмотрели хорошую поляну, со всех сторон огороженную густой сосной: там и чистый ручей, и сушняк для костра, и удобные места наблюдений для дозорных. Ходу от той полянки до этой избушки — всего ничего, чего же не вернуть горшки?!

А старик продолжал себя нахвалять. И какой он стрелок, и какой следопыт, и какой сообразительный...

— Вот знаешь ли ты, командир, что выдал мне военную тайну? — хитро сощурил он глаз.

Я хмыкнул: как же я мог что-то выдать, коль вообще ни о чем таком с ним не говорил?

— Э нет, говорил. Я, к примеру, знаю, где ваш отряд на ночевку остановится. На поляне, где ручей протекает, так?

Мне стало прямо-таки нехорошо: как же старик узнал о дислокации отряда?

— Все просто. Если идти сюда со стороны Князевки — лучшего места не найти, вот и все.

— Да может, мы вообще останавливаться не планируем? Может, передохнем здесь и всю ночь шагать будем?

— Нет, командир. Ты старухе что сказал? Что утром крынки вернешь. И этим выдал военную тайну.

Старик довольно засмеялся, а я заскреб в затылке: шутка шуткой, а если разобраться, я действительно тайну-то выдал.

Пока я вел беседы со стариком, бойцы устроили нечто вроде совещания между собой. Это я понял, когда, уже на поляне, ко мне подошли Баженов и Виноградов. Оба настроены были решительно. А по тому, как на нас глядели другие партизаны, я понял: командиры подразделений вроде как делегированы ими для разговора со мной.

Начал Баженов:

— Командир, мы решили тут разбить лагерь и искать контакты с нашей бригадой. Послать разведчиков во все стороны — к Старинке, Пильне... Барашков предлагает по рации связаться с Москвой — там-то наверняка знают, где Самсонов. Подавать тут условленные выстрелы... Хоть что-то же надо делать, чтоб найти своих!

Виноградов при этом кивал головой, словно повторял каждое слово Павла.

— Или у тебя иное мнение, командир?

Вот и настал момент, когда от прямого разговора никуда не денешься.

— У меня свое мнение, — медленно сказал я. — Выслушайте и постарайтесь не перебивать... Я располагаю точными данными, что Богомаз убил Самсонов. Богомаз понял, что представляет из себя наш капитан, он захотел уйти со своим отрядом, стать поначалу независимым от Самсонова, а потом поведать правду о нем. О том, что человека настолько опьянила власть и безнаказанность, что он мог просто походя убивать неугодных ему людей, как сделал это с Надей Колесниковой. Главное — начать. Потом Самсонов убрал Иванову, Кузенкова...

Я говорил, говорил, говорил... Меня перебили только раз, это сделал Виноградов, и то фразу свою он адресовал скорее всего себе:

— И точно, Богомаз убили у Горбато-го моста, когда вокруг него с десяток партизан было. Были бы это немцы — они бы всех положили, а так — один выстрел, прицельный. Нет, это точно не немцы.

Потом все долго молчали, переваривая мои слова. Меня пугало это молчание, я чувствовал, что далеко не все поддерживают сделанный мной вывод: надо, мол, продолжить дело Богомаза, надо все предпринять для того, чтобы Самсонов понес наказание за свои деяния.

Первым нарушил молчание Бухтеев:

— Даже если это так — что Богомаз убрал свои — не надо о командире говорить как о государственном преступнике. По большому счету, Богомаз пытался внести раскол в наши ряды,

так? Кузенков содействовал ему, потому на полном основании обоих можно было ставить к стенке. А Колесникова, если вы помните, не выполнила приказ, и в военное время за это, сами знаете, что полагается.

— Ты брось это, комиссар, — немного растерянно сказал Виноградов. — Раз война, то что, Самсонов половину отряда истребить вправе?

— Не обобщай, разведка. Пять-шесть человек — далеко не половина отряда, а жертвы — они всегда неизбежны.

— Ты так спокойно рассуждаешь лишь потому, что сам не в числе этих жертв.

— А я в их числе никогда не буду. Я и тогда не стоял за раскол отряда, и сейчас не приветствую вашу идею.

Баженов, как всегда, был окутан сизым табачным дымом. Не переставая курить, не вынимая изо рта сигарку, он спросил комиссара:

— А он что, Бог, Самсонов? Раз капитан, то все ему дозволено? Неподсуден он, да? Чего остальные-то молчат? Ты, Токарев, какие соображения на этот счет имеешь?

Радист задергал плечами:

— А я что? Мое дело — сторона... Но одно скажу: не наше дело судить Самсонова. Вот придем на Большую землю — там пусть разбираются, кто прав, а кто нет.

Вновь заговорил Виноградов:

— Тогда представьте, что через час мы соединимся с бригадой, и знаете, что в первую очередь может сделать Самсонов? Поставить к стенке тех, кто, не получив на то приказа, оказался в нашем отряде. Ты, Бухтеев, получал такой приказ? Получал приказ вести подалее от боя женщин и радиста, а?

Бухтеев долго шевелил губами, подыскивая слова, потом нерешительно ответил:

— А ты не пугай, я сам с командиром объяснюсь... И вообще, такие вопросы с кондачка не решают. Давайте завтра соберемся, все обсудим...

Зыбкие, дрожające звезды были похожи на медуз — бесформенных, пульсирующих в толще воды. Васька Виноградов долго ворочался подле меня, никак не мог заснуть.

— Не по режиму живем, — вздыхал он. — В Хачинском лесу с восходом солнца, как нормальные партизаны, ложились, а сейчас — куда это годится! — ночью спим. Не нравится мне штатский режим, Витек, мы тут, как на курортах, а не на войне. В полночь рельсы надо взрывать да вражеские казармы жечь, а мы — храпим!

“А еще в прошлом году, — вспомнилось мне, — мама ругалась, если я приходил домой позже двенадцати...”

— Командир, а как ты на то смотришь, если я рано утречком со своими разведчиками схожу в гости к князевским полицаям? Они наверняка думают, что мы удрапали, сейчас самогонку на радостях глушат... Парни мои забыли, что такое драка, уже больше недели никого не награждали осиновым крестом. Нет, Витя, серьезно, мы просто обязаны о себе им напомнить!

— Действуй, — сказал я. — И на этот раз так, как считаешь нужным. С предателями не церемонятся.

— Вот и ладненько, — довольно потянулся Виноградов.

7.

Солнце было жаркое, несмотря на утро.

Мы сидели с Пашкой Баженовым на зеленом пригорке, развесив на ближайшем кусте портянки, и говорили вновь о Самсонове. Правда, в несколько ином, чем вчера, ключе.

Как капитан накажет Бухтеева — одному Богу известно. Но если не сегодня-завтра мы все-таки выйдем на бригаду, а скорее, она выйдет на нас, что сделает Самсонов с нами? Конечно же, ему станет известно, какие речи тут вел я, как высказывались в его адрес другие...

— А может, и не станет, а? — неуверенно предположил Баженов. — У нас то люди все нормальные, не должны продать...

И тут мы без команды одновременно вскочили на ноги. В лесу затрещали винтовочные выстрелы. Один, другой, потом — нестройный залп, длинные очереди из ручных пулеметов, опять хлопки вразброс. Из низкого ольховника взвился Сафонов, кинулся напролом по кустарнику с наполовину спущенными штанами. Токарев с рацией помчался в ту же сторону — подалее от выстрелов. Испуганным стадом, шумно, с визгом, подхватились с мест женщины. Пули впились в застонавшие деревья.

Пашка яростно матерился, натягивая сапоги:

— Сброд, а не отряд, елки зеленые! С ними по грибы нельзя ходить — не то что в бой! Назад! Стой, зайцы...

Кого остановишь криком, когда вот они — выстрелы!

Шальная пуля ударила в вершину ели, посыпалась хвоя. И все стихло. Ни выстрелов, ни криков, ни топота бегущих. Баженов, уже из-за толстого ствола дерева, недоуменно поглядывал на меня: мол, в чем дело? Я пожал плечами. Наши убежали, их уже не слышно, бой прекратился, и теперь надо сообразить, что делать дальше.

Перестрелка раздавалась с той стороны, куда ушел Виноградов с разведчиками. Били «дегтяри», значит, наши. Во всяком случае последнее слово было за ними. Потому надо выждать: Виноградов если не сам придет, то пришлет кого-нибудь сообщить, что там с ними произошло.

Виноградов пришел сам.

— Кто стрелял? — спросили мы в один голос.

— Мы, кто же еще, — угромо ответил он.

Оказалось, разведчики наткнулись на группу полицейев в районе дома лесника — к нему они шли, чтобы занести пустые крынки. Полицаи тащили мешки, уклунки, вели корову, и сначала партизаны приняли их за сельчан, окликнули, вышли из-за деревьев. Те открыли огонь из винтовок, наши ответили. Вот, собственно, и все. Полицаи побросали вещи, убежали. Откуда ни возьмись появился мальчик-пастушонок, он Виноградову и рассказал, что это все добро — из дома лесника. Его самого вчера поздним вечером забрали и увезли в Краснополье: оттуда большой отряд прибыл, карательная экспедиция против партизан. Вечером, значит, его забрали, а утром, поскольку дом без хозяина остался, решили грабежом заняться. За этим делом их партизаны и застали.

— Мы сначала хотели все его добро к нему в дом опять занести, — сказал Виноградов, — но потом решили, что тем самым выдадим свое отношение к леснику. Потому пусть вещи немного в лесу полежат, а корову пару дней пастушок попасет. Вернется старик, ничего ему полицаи не сделают... А у вас тут что за переполох?

К этой минуте разбежавшиеся было по лесу партизаны начали возвращаться. Они слушали разведчика, смущенно отводя от нас глаза.

— У нас не переполох, — ответил Баженов. — У нас люди труса праздновали. Вели себя, как новички, будто только что из Москвы прибыли, а не из Хачинского леса, где воевать учились. Там и не в такие переделки попадали да с честью выходили, а тут...

Он замолчал, вроде как виновато посмотрел на меня, потом продолжил:

— И там, конечно, всякое было, но поймите: сейчас нашему отряду просто нельзя действовать плохо — какая же у нас репутация будет, а? Хорошо еще без потерь пока...

— Как сказать, — Виноградов потер лоб. — Саркисян у нас пропал. Мы полицейев разогнали, собрались, а его нет. Обшарили все кусты... Слышали, как он стрелял, а куда потом делся — непонятно. Ни его, ни пулемета. А у него

полторы сотни патронов, между прочим, было. Может, объявится еще, а?

— Значит, есть и потери, — сказал Павел. И повернулся ко мне: — Командир, надо отряд делать боеспособным, отделить его от балласта. Я женщин имею в виду. Они дрожат сами по себе, мы — за них. Так больше не может продолжаться.

— Когда мы выбирались из окружения, — вспомнил Виноградов, — наш полковник окруженцев в отряд не брал, понимаешь? Вооруженных бойцов и командиров других частей не хотел брать! Говорил, отряд потеряет быстроту маневра. А у нас баб больше, чем патронов, куда это годится, а?

Они были, конечно, правы, мои боевые товарищи. Не нужен нашему отряду балласт. Но ведь именно мне, как командиру, надо будет говорить об этом женщинам. Какие слова искать для этого? И куда отсылать их? В близлежащие деревни, обрекая тем самым на вечный страх перед полициями, немцами? А может, выделить сопровождение и направить в сторону Хачинского леса? Там партизанский край, там они не будут бременем для больших, дислоцированных в постоянных местах отрядов.

— С нами, думаю, можно разрешить остаться лишь одной — Люде, — тихо сказал Барашков и, словно оправдываясь, пояснил: — У нее медицинское образование, и потом, она боец — на операции с нами ходила.

Из-за моей спины вынырнул Бухтеев и на удивление быстро согласился с доводами Барашкова:

— Да, Люду берем. Нас ждут бои, а значит, ранения... Но — никого больше! Тут дело, товарищи, не только в том, что женщины станут обузой, — есть еще и моральный, так сказать, подтекст. Вот мы Самсонова за многое осуждаем, в том числе и за то, что Алку он у себя пригрел. Так вот, чтоб этого у нас не повторилось — всех остальных отослать из отряда!

Мне показалось, комиссар при этом бросил на меня быстрый взгляд. Конечно же, он заметил, как я отношусь к Ляле, конечно же, он не хочет, чтоб она оставалась с нами, конечно же, он намекает на то, что бойцы разведут тут семейственность...

Господи, какие же слова найти, чтоб объяснить все Ляле? Может, попросить Пашу Баженова, пусть он поговорит с ней? А я спрячусь куда-нибудь и объявлюсь лишь тогда, когда женщины уйдут... Как трудно быть командиром!

С этими невеселыми мыслями я слонялся по лесу около получаса, но все же надо было возвращаться к людям, надо было довести до женщин свое решение.

Меня встретили их неласковые взгляды, раздраженная переключка, суета. Я понял: уже знают, что им надо собираться в дорогу. Что ж, тем лучше.

Ляля сидела под тоненькой березкой у костра и рылась в своей санитарной сумке. Укладывала бинты, пузырьки, пакеты, выложила в сторону, на траву, зеркальце, маленький брусок мыла, завернутый в п желтевший дубовый лист. Она подняла на меня глаза, улыбнулась, и все ранее заготовленные слова вылетели из моей головы. Я заговорил, не узнавая собственного голоса:

— Мне надо сказать тебе... Очень важное... Ты, наверное, догадываешься...

В ее глазах — тревога и ожидание. Дрожат уголки губ. Милая, хорошая, родная, ты ждешь от меня других слов, ты ждешь от меня признания в любви, ждешь, что я поборю свою трусость и при всех вот сейчас обниму тебя, поцелую... Прости, Ляля, прости!

— Принято решение... Ты, Юля, все другие женщины — уходите. Остается Люда, у нее образование...

— При чем тут это? — спросила Ляля. И до хруста в пальцах сжала кулачки.

Я не знал, что ей ответить. Выручил Солянин, самый молодой боец отряда:

— Витя, Токарев у меня винтовку отбирает, говорит, я с женщинами должен идти. Ты скажи ему, Витя, я же в сорок первом в истребительном батальоне был, я подпольщикам в Вейно помогал, в гестапо сидел... Я дольше его самого воюю. Ты скажи ему, Витя, что никуда я не пойду!

Я повернулся и зашагал с Соляниным туда, где стоял Токарев. Шел не оглядываясь, но чувствовал, как отрешенно смотрит мне вслед Ляля.

Через полчаса женщины готовы были выступить в путь. Я стоял перед ними и, стараясь унять дрожь в голосе, несвойственным мне баском говорил, как им надо идти, как вести себя. Говорил, а сам краем глаза поглядывал на командиров, о чем-то ожесточенно спорящих на краю поляны. Создавалось впечатление, что все в чем-то убеждали Баженова, а он не соглашался, то и дело ругая воздух рукой...

Все, тронулись в путь. Ляля шла, не отрывая взгляда от земли. И это хорошо: я просто панически боялся сейчас встретиться с ней глазами. "Боже, у нее же правый сапог совсем рваный..."

Уходят женщины. Последняя исчезла уже за редкими деревьями. Продолжает ругаться с командирами Баженов.

Потом он разворачивается и бежит вслед уходящей колонне. Вскоре возвращается, ведя за руку Лялю. Молча проходит мимо Виноградова, Токарева,

Бухтеева, Барашкова. Останавливаются возле меня.

— Командир, мы решили... Ляля медсестра, и она остается с нами.

— Кто решил? — спрашиваю я.

— Все. — Он бросает взгляд на Виноградова, Бухтеева и еще решительней повторяет: — Все.

8.

Ночь была походной, на рассвете отряд оказался в поле, и мы до вечера отсиживались в кустарнике, разросшемся в глубокой балке. Тут я достал из кармана мундира листок, над которым корпел не один час, последний раз бегом пробежал глазами текст — нет, уже ничего править не надо — и подошел к Токареву:

— Отойдем в сторонку, разговор есть... Читай.

Радист недовольно скривился:

— Почерк у тебя — только под микроскопом разберешь.

Через минуту он поднял на меня испуганные глаза:

— Неплохо изложено. Все преступления Самсонова. — Он снял пилотку, вытер ею вспотевшее лицо. — И зачем это? В газету пошлешь?

— Это — радиограмма. Передашь ее Центру. Тебе известны часы передачи и приема, ты знаешь позывные, знаешь нужную радиоволну.

Токарев нахмурился, сжал зубы так, что побелели скулы:

— Я этого не буду делать... Я не знаю шифра.

— Передашь открытым текстом, — тонко, не допускающим возражений, сказал я. — Но ты должен знать шифр. Ты недаром сидел больше месяца в шалаше Студеникина. Шифровальные рулоны у тебя.

— При чем тут рулоны... Центр знает почерк Студеникина, и мне Москва просто не поверит, отстучит «девяносто девять», другими словами, пошлет к черту.

Мои скулы, наверное, тоже сейчас были белыми. Я еле сдерживал себя. Я знал, почему Токарев не спешит развешивать радиостанцию: он боится Самсонова. Капитан не дурак, и если он каким-то образом узнает, что на него отстукали компромат, то сразу поймет, кто это сделал. Рация — вне его контроля, и лишь Токарев может работать на ключе. И я не сказал, а зашипел, вплотную приблизившись к радисту:

— Передашь!

На этот раз он понял, что лучше не спорить:

— Конечно, конечно...

Я не отходил от него ни на шаг, помог ему повесить антенну, слушал, как выбывает дробь его телеграфный ключ.

— Ты шифрованный текст даешь?

— Конечно, командир. Не хватает всему миру сообщать информацию про нашего Самсонова.

— Не мешало бы и всему миру.

— Хватит и Центру. Считай, командир, что ты совершил сейчас героический поступок.

Я не уловил иронии в его голосе и действительно почувствовал себя героем. Я передал в Центр очень важную информацию о человеке, который не может и не должен называться командиром, который, чувствуя бесконтрольность, становится просто садистом. Я вспомнил, как убивали Надю Колесникову. Недалеко от лагеря разрядил пистолет ей в затылок по приказу Самсонова Кухарченко. Она не ждала выстрела, она улыбалась, даже не подозревая, какой приговор вынес ей тот, кому она отказала во взаимности.

Надя — не единственная жертва, были и другие. И наверняка еще будут, если не принять должных мер.

Нет, я все сделал правильно. Правильно!

9.

Опять безлесье, опять надо быть очень осторожным, чтобы не обнаружить себя. Луна, ненужная, вредная, кажется нам огромной осветительной ракетой, которую Гитлер подвешивает на ночь над беспокойным своим тылом для обнаружения партизан. Тревожен и чуток наш сон.

— Эй, Сафонов, — доносится до меня приглушенный голос Виноградова. — Отставить храп.

— Не мешай спать, — недовольно ворчит Сафонов.

— Это ты мешаешь, и не только мне. Сейчас, наверное, немчура в соседних деревнях думает, что сюда красная танковая дивизия прорывается...

Голос Трофимова:

— Братва, а правда, что вши от тоски и страха заводятся?

Голос Иващенко:

— Зачем нам компас? Надо идти вслед луне, и попадем напрямиком в Германию, первыми Берлин возьмем.

Опять Виноградов:

— Сафонов, ты начал вообще подзрительные звуки издавать. То ли бутылки открываешь, то ли...

Кто не спит, тот смеется, слыша, как оправдывается сонный Сафонов:

— Не может быть, чтоб это я... Врешь ты...

Неслышно подходит Бухтеев, присаживается рядом со мной. Вздыхает, вроде как не решаясь начать разговор. Наконец говорит:

— Посоветоваться с тобой хочу. Вот от баб мы избавились, это правильно, конечно... А Сирота? Легкое у него прострелено, кашляет он постоянно, бежать опять же ему трудно. Неприятности из-за него могут быть у отряда. Оставить его надо в какой-то деревне. Потеря невелика, а всем польза будет. Твое мнение, командир?

Я бросаю на него такой удивленный и, наверное, сердитый взгляд, что комиссар отшатывается:

— Ладно, ладно, я ведь только посоветоваться...

Роса падает на траву, скоро рассвет. Мы поднимаемся и идем через поле, туда, где должен быть спасительный лес. Барашков, вышагивающий впереди меня, внезапно останавливается, приседает, я чуть не сваливаюсь на него.

— В чем дело, Николай?

Он поднимается с корточек, подносит к моему лицу что-то, зажатое в горсть:

— Чуешь? Коровьей тропой идем. А что это значит? Где-то недалеко населенный пункт.

— Да нет, — ржет тихонько Виноградов. — Это же впереди нас Сафонов топает, он лепешки оставляет. Вот спросите его.

Бойцы взбадривают себя смехом, Сафонов возмущается и клянет разведчика.

Идем осторожней, глядяваясь в лунную ночь. Минут через пять опять останавливаемся. Впереди — то ли длинный холм, то ли насыпь. Двое разведчиков идут вперед, быстро возвращаются:

— Железная дорога. Справа — станционные постройки, сигаретки светятся. Охрана.

Что же делать? Отойти? Но рано или поздно эту дорогу все же придется переходить.

Гулко кашляет Сирота, уткнул лицо в ватник.

— Я же говорил... — это шепот Бухтеева.

Нет, будем разворачиваться, отходить — тоже можем чем-то выдать себя.

— Подтянуть отряд, приготовиться к бою. Будем переходить "железку". Повзводно, не растягиваясь.

Взбираюсь на насыпь. Рельсы, шпалы. Быстрее вниз. Оглядываюсь. Взвод Баженова бежит через полотно. И тут — выстрел. В полусотне шагов от нас взмывает осветительная ракета, в ее фантастическом свете я ясно вижу немцев, стоящих на платформе. Волосы шевелятся на голове: сейчас они откроют кинжальный огонь, разметаю нас,

оставших от ночного перехода, не готовых к бою.

Ракета затухает. Со стороны станции — никакого шума, лишь чуть долетают спокойные гортанные окрики фашистов. Нас не заметили!

Бойцы отряда быстро и бесшумно перебираются через насыпь. Еще минута — и все уже внизу. А здесь — кустарник, густеющий, переходящий, кажется, в лес. И когда новая ракета разрывает ночную тьму, мы уже под спасительными деревьями.

Идем примерно с километр в сторону от станции, только потом делаем остановку.

— Виноградов, выставляй часовых — черт его знает, что это за лес, не нарваться бы на неприятности. Останемся здесь до рассвета.

Я прилеж рядом с Барашковым и Терентьевым, пригласив сюда же и Токарева:

— Готовь рацию. Надо узнать, что нам готовит Москва на нашу шифровку.

Радист принялся возиться с аппаратурой, а я вслушивался в голоса своих товарищей.

— Не пойму, в кого мы превратились, — вздыхал Барашков. — Вот скажи, что должны по природе своей делать партизаны? Идти рейдом по этим местам, с картой в планшетке, с минами за спиной и взрывать все ненашенское, что на пути попадается, так? Здесь же сволочь непуганая, вон на станции — проспали нас, и в принципе надо было эту станцию брать, а не бежать от нее, взорвать все, что можно...

— Чем? — спросил Терентьев. — Тола нет, патронов мало. Хотя, может, у немцев бы разжились?

— Может. Если не будем захватывать, вооружаться, то что же, все время и будем бежать, как мышь от кошки? Как-кие ж мы, на хрен, бойцы?! Дезертиры, вот и все.

— Надо сегодня же у Москвы попросить, чтоб выслала нам груз самолетом: мины, патроны. Командир, — это ко мне, — проси Москву помочь. Самсонов — пусть он хреновый человек, да немцев бьет, а мы...

Они правы, с горечью подумал я. Какой толк от отряда, который только и знает, что бежит? Мы ведь существуем не для того, чтоб Самсонова на чистую воду вывести, — мы обязаны бить фашиста! Вот подожду, что ответит Центр...

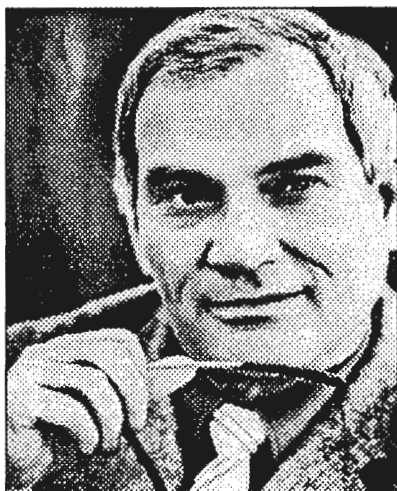
— Токарев, ты что так долго копаешься?

Токарев снял наушники:

— Не слышу ничего. Питание сдает, батареи выдохлись.

(Продолжение следует)

Виктор КОЧЕТКОВ

Виктор Иванович КОЧЕТКОВ родился в 1923 году в Заволжье. Воевал на фронте в составе 219-й стрелковой дивизии. Прошел с боями от Дона до Прута.

В послевоенное время из-под его пера вышло свыше десяти поэтических сборников, книга прозы и книга критических статей. Он стоял у истоков журнала "Волга", много переводил с молдавского, чувашского, якутского, а также со словацкого и сербского языков. Член Союза писателей. Живет в Москве.

НЕ СУДИТЕ, ПОТОМКИ, НАС СТРОГО...

Внук политрука

Приехал он ко мне издалека,
малец, видать, решительный
и хваткий,
внук друга моего — политрука,
погибшего в бою под Ольховаткой.

Берет быка он сразу за рога,
летит он к цели яростным наметом:
«А правда, роту целую врага
под Харьковом скосил он

пулеметом?»

Для паренька те давние года —
лишь пьедестал загадочному деду.
Он родился в тот самый год, когда
в тридцатый раз отметили Победу.

Он распаляет юные мечты,
он все плюсует к той победной дате,
угадывая дедовы черты
едва ль не в каждом
бронзовом солдате.

Зачем ему подробности войны,
суровый быт задымленной землянки,
связного храп, ворчанье старшины,
болотный запах сохнущей портянки?

Что для него какой-то третий взвод,
в гнилой трясине дрогнувший ночами?
Великое не в частностях живет,
бессмертное красно не мелочами.

Ты, реализм, сегодня помолчи,
на время я тебя лишаю слова.
Романтики высокие ключи
пусть бьют из рожи каменной былого.

Пусть встанут вновь окопные друзья,
изваяны из ярости и муки,
такие, чтоб немели сыновья,
такие, чтобы завидовали внуки.

Выбор 1941 года

Четыре дороги. Четыре пути.
Которую выбрать? Которой пойти?
На запад пойти — головы не снести,
война обглодает до самой кости.

На север —
замерзнуть в мурманских снегах.

На юг —
раствориться в пустыне морской.

Пойти на восток —
очутиться в бегах —
последнее дело для чести людской.

Решайся, солдат, торопись выбирать —
идет по Руси чужеземная рать.

Солдат, что на запад избрал колею,
бессмертье обрел
в сталинградском бою.
На север пошедший —
восстал из снегов

во славу державы, на гибель врагов.
 Кто бился на юге с пучиной самой,
 гранитным героем вернулся домой.
 Лишь тот,
     что от страха махнул на восток,
 сгорел,
     как в костре прошлогодний листок.
 Россию проклят и миром забыт,
 и русскою пулей в затылок убит.

* * *

Не смогу это знанье добыть я,
 не ответят, кого ни спроси, —
 почему рядовое событие
 стало песнею древней Руси?
 Почему не герои в доспехах
 привлекли патриота-певца,
 а задиристый князь-неумеха,
 износивший посконь беглеца?
 Сам я бегал из вражьего плена,
 сделав лаз под кизячной стеной.
 Сам в рассветной росе по колено
 пробирался тропкою лесной.
 Сам жевал я листву и коренья,
 и конину сырую с душком.
 Сам жила и в тоске, и в смиренье
 под недремным барачным глазком.
 И скажу: ни бесславья, ни славы
 в плене нет. Есть лишь мука одна.
 По какому же высшему праву
 этой муке поэма дана?!

Почему этот горестный случай,
 стыдный промах в славянской борьбе
 предпочел он удачливой, лучшей,
 героической чьей-то судьбе?

Что за весть отдаленным потомкам
 посылал неизвестный поэт
 в этом «Слове», таинственном, тонком,
 излучающем мужества свет?

Что во мгле, испещренной дымами,
 он увидел, качаясь в седле,
 коль так горестно: «Ты за холмами» —
 восклицал он об отчей земле?

Полынком заметало дороги,
 вековые шумели дубы...
 Зачиналось Слово Тревоги
 у истоков российской судьбы.

* * *

Две вдовушки плачут
     в лесной стороне:
 — Мой в сорок четвертом погиб
     на войне.
 — А мой в сорок пятом
     в якутской тайге
 в бараке замерз в семидневной пурге.
 Две матери плачут в лесной стороне:

— Мой старший убит
     на афганской войне.
 — А мой с черныбыльским сражался
     огнем,
 ни слуху ни послуху больше о нем.
 Две бабушки плачут
     в лесной стороне:
 — Мой внучек-десантник
     убит в Фергане.
 — А мой морячок — ой как время
     бежит —
 уж год, как на дне океана лежит.

О Русь вековая, звезда над вербой,
 и кто наградил тебя этой судьбой,
 кто отдал тебя этим жгучим страстям,
 что время свое узнаешь по смертям?

* * *

Вот он, итог
 наших опытов смелых,
 наших столетних усилий напрасных:
 дед в Петрограде
 преследовал «белых»,
 внук в Петербурге
 преследует «красных».

* * *

Отзвучало лучистое утро.
 Стихла жаркого полдня гроза.
 Тихий вечер, усталый и мудрый,
 смотрит пристально в наши глаза.
 Не пылит полевая дорога
 среди безмолвья вечерней земли...
 Не судите, потомки, нас строго,
 мол, не сделали все, что могли.
 Мы бессмертных творений примеры
 вам явить не сумеем,
     зане
 наши Данты и наши Гомеры
 все остались на прошлой войне.
 Мир лучился б, восторженно-ярок,
 в полных юного буйства строках,
 если б наших нежнейших Петрарок
 не зарыли в бескидских песках.
 Мы поспорим с забвением Леты,
 путь нелегкий пройдя до конца,
 не шекспировой страстью сонета,
 не роденовой мощью резца,
 не письма византийского ликом,
 не рублевским распятым Христом, —
 комиссаровым яростным криком:
 «З-а Р-о-д-и-н-у! З-а С-т-а...»
 Этот возглас —
 наш пропуск в бессмертье —
 в вековой не погаснет дали.
 Было горького горше, поверьте, —
 но мы сделали все, что смогли.

Заметки публициста

Александр ПУПКОВ

КАКИМИ БУДЕМ ЗАВТРА?

1.

РАЗМЫШЛЕНИЯ свои хочу начать строками о фильме П. Тодоровского "Анкор! Еще анкор!". Вообще не собираюсь писать на него свою рецензию, но упомяну ту, которая была опубликована недавно в "Красной звезде". Смысл ее, если коротко, такой: кинолента есть поклеп на людей в шинелях. По версии режиссера, они только тем и занимаются, что пьют, распутничают, гусарствуют, несправедливыми путями делают карьеры. И почему-то даже мельком не показана их служба...

Так вот, я об этом "почему-то,".

У Виктора Борисовича Шкловского, литературоведа, философа, человека, любившего выдумывать, на мой взгляд, парадоксальные формулировки, есть одна очень точная: литература — проповедник будущих норм нравственности. Литература потому не стареет, что для нее нет дня сегодняшнего. Гарун Лермонтова — он бежит и сейчас. И Каин убивает Авеля. И дети предают своего отца, Лира. И проповедник высшей справедливости Дон Кихот называется сумасшедшим. Мы читаем великие книги и верим: завтра все будет иначе, лучше. И в Библии, и у Шекспира, и у Сервантеса заложен этот дух оптимизма, вера в победу будущей нравственности. Вся философия мира не стоит Джульетты, — сказал когда-то классик. Читайте и постигайте, что есть любовь, что есть вражда, что есть печаль и радость девочки; нынешнее общественное обустройство, нынешнее наше сознание погубили ее, так будем молиться за то, чтоб завтра она жила...

Если хотите, называйте старую, но не стареющую, конечно, классику новым термином: роман(драма, поэма, повесть, сценарий — не суть важно)-предупреждение. Видно, такое время ныне — время испугов, пуганий, гаданий и

темных пророчеств, — что многие кинулись предрекать приход Антихриста. Уйдет душа из тела — и существо, которое ныне носит звание человека, станет зверем.

Вы читали Ерофеева, Лимонова, Алешковского? Так говорить, так поступать, так механически совокупляться мы будем завтра. Вам это нравится? Нравится, что в вашем будущем не найдется места высоким чувствам, и ни трагическое, ни смешное не подтолкнет вас к какому-то поступку, не вызовет необходимость задуматься?...

Что мы видим у Тодоровского? В фильме действуют люди, лишенные, я бы так сказал, внутренностей. И все равно, что бы надели на себя в костюмерной Гафт и другие актеры — офицерские кители, или скафандры космонавтов, или робы шахтеров. Дело не в постельных сценах, не в количестве выпитой водки — дело в том, что перед героями исчезли те самые нормы нравственности, которые мы, читатели, зрители, должны были постичь, к которым должны были прийти завтра. А раз нет норм, раз царит бездуховность, то нет места ни цели в жизни, ни работе, ни службе. Вот потому-то и не видим мы в фильме ни стрельбищ, ни учений, ни "умелых действий часовых,".

Стала ли кинолента фильмом-предупреждением нам? Мне кажется, для этого нужна была философская трактовка происходящего со стороны автора — это бы нам помогло осмыслить поступки героев. А заодно и жанр. Что это — комедия, трагедия? Или дешевая хохмочка?

Возможно, многими она и воспринимается как хохмочка. Сегодня. Но, по Шкловскому, сознание наше, хотим мы того или нет, проецирует все на день завтрашний. И что же мы видим? С человека в военной форме снята ответственность за его нравственность. Это станет нормой? К этому мы идем?

Так хочется верить, что режиссер ошибается, ведь нет у нас предпосылок

для того, чтобы на завтра ожидать такую "черную погоду". Но все же...

Но все же уйдем от категоричности и поговорим о состоянии дел с нашей нравственностью.

2.

СРАЗУ выясним, что есть нравственность вообще. Это — соблюдение нами некоторых принципов и норм поведения по отношению друг к другу и к обществу. "Не укради, не солги, не предай..." — слышали о таких заповедях? А что вам говорят слова "честь", "достоинство", "человеколюбие"?

В связи с этим напомним историю, случившуюся с одним из библейских героев. Давид был изгнан из родного дома Саулом, скитался по Иудее и был вечно голоден. Как-то зашел он во двор к богачу, попросил провиант. Тот отказал страннику, похожему на нищего, но жена богача, женщина сердобольная, тайком от мужа дала Давиду еды. Прошло некоторое время, Давид обрел известность, высокое положение и пришел опять в этот дом, чтобы отблагодарить хозяйку. Первым его встречает хозяин, узнает гостя и... умирает от страха, думая, что ему пришли мстить.

Смотрите, сколько здесь информации для размышления. Можно проанализировать действия каждого из трех участников события и представить объемную картину "их" нравов. Намного ли отлична она от поступков людей двадцатого века? Это я к тому, что меняется уровень знаний, меняется круг наших интересов, меняются экономические, социальные условия жизни, но то, что мы вкладываем в понятие "нравственность", остается неизменным. Это заложено, видно, в нашей природе.

Говорите, мир был чище на заре человечества, когда мы жили еще родами? Но вспомним, что Иосифа продали в рабство ближайшие его родственники.

Говорите, все изменилось к лучшему, когда из рода выделилась семья, когда стали образовываться нации? А Корделию погубили ее родные сестры, и отца, короля Лира, они же обрекли на смерть.

Говорите, это не доказательства, поскольку названные примеры — из литературы, то бишь, фантазия авторов? Так вот вам пример из истории, причем нашей, отечественной.

Толпа стрельцов по наущению Софьи бунтует в Кремле, требует выдать всех родственников семьи Нарышкиных — а это фамилия матери будущего императора Петра, но уже и тогда, сразу после кончины государя Федора Алексеевича, провозглашенного царем Всея Руси. Толпа бесчинствует, грозит уничтожить всех и вся, если Наталья Нарышкина не

выдаст ей на растерзание своего родного брата. И брат решается. Следуют минуты прощания с близкими, с сестрой — и вот он уже перед стрельцами. И вот уже — изрублен на куски...

Такие они, времена и нравы, низменные инстинкты и высота души.

Хотите примеры из нашего времени? Раскройте газеты, включите вечером телевизор. А то просто прислушайтесь. Я живу в Ростове-на-Дону, и мне часто кажется, что не гроза, а отзвуки кавказских боев волнуют Тихий Дон.

Это из Сократа: чтобы разобраться в непонятном явлении, надо знать две вещи — причины, породившие его, и окончательные последствия, ибо само удивившее тебя явление еще может находиться в движении.

Понимаю, Сократ не нуждается в моих комплиментах, но не могу не сказать: написано умно и точно. Написано именно с нравственных позиций.

Пушкин в свое время отнюдь не из-за лености не завершил работу над историей Петра. Перед ним стал неразрешимый вопрос о правоте и неправоте самодержца, и гений-поэт понял, что он не сможет тут быть судьей.

У многих задач нет однозначных решений. Это только мы в недалеком прошлом могли давать так называемые политические оценки кому и чему угодно — писателям, ансамблям, войнам. Да и сейчас еще по инерции требуем политических оценок, кажется, путая их с оценками правовыми.

Так вот, Пушкин боялся ошибиться, боялся последствий своей ошибки. Это показатель высшей нравственности, между прочим.

А как поступаем мы? Опять возвращаясь к своему больному и родному Кавказу. Здесь сейчас, скажем так, на грани катастрофы проживают две республики — Северная Осетия и Ингушетия. Между ними уже была война, была кровь, и сейчас межполосное напряжение в любую минуту готово разразиться боевыми молниями. Что надо делать, чтоб эти молнии не заблестали? И школьник ответит: снизить это самое полюсное напряжение.

Но Центральное телевидение, газета "Известия", даже некоторые издательства вместо понятных школьнику действий предпринимают совсем иные. Основываясь больше на эмоциях, а не на серьезных исследованиях, они дают "расстрельные", оценки и событиям, и конкретным людям.

Сотрудник ЦТ В. Лосев в программе "Полигон", журналистка И. Деметьева в вышеназванной газете, авторы книги "Механика смерти", (она вышла в одном из московских издательств) строят свои материалы на догадках, предположениях и эмоциях больше, чем на исследованиях, поступают, мягко говоря, безнравственно, внося ненужную

остроту в сложившуюся этнополитическую ситуацию. Неужто они, профессионалы, не могли предвидеть, спрогнозировать реакцию двух народов на свои опысы?

Я уже упоминал о Сократе. Еще в его времена — это четвертый век до нашей эры — умные головы гадали о первопричинах древнейших в истории человечества войн между земледельцами и кочевниками-скотоводами. Не родовые конфликты, не национальные, не из-за территориальных претензий — границ то тогда вроде не было. И не было, вполне естественно, рыночной конкуренции, как раз наоборот: растите хлеб, множьте стада и меняйте себе на здоровье зерно на мясо. А они — за люди да за луки!

Почему?

Все оказалось просто: кочевники гнали стада через возделанные поля, по прямым дорогам к пастбищам.

Два трудлюбивых сообщества все же не истребили друг друга. Они додумались до создания прогонных троп на взаимовыгодных условиях.

На Кавказе все сложнее. Вот хотя бы ситуация в этих республиках: люди живут не в пределах исторически сложившихся границ, мигрируют не по своей воле, лишаются возможности посещать могилы предков... Но сейчас не время находить виноватых. Сейчас здесь, да и вообще в России, политизированной, измученной конфликтами, надо думать о прогонных тропах, о тропах к миру и согласию.

3.

Кому думать? Всем нам. Но прежде, чем искать "причины и окончательные последствия явления", надо владеть хотя бы минимумом гуманитарных знаний. История, литература, культура, психология — азы этих дисциплин мы должны освоить.

Частенько что-то я повторяю "мы", "нам". А вот когда начинаешь размышлять конкретно, то приходишь к таким выводам. Школа учебными дисциплинами и так перегружена, да и возраст учеников просто не позволяет на серьезном уровне вести разговор о делах государственных. Устраивать такие занятия на заводах, фабриках тоже не получится: там производственный процесс. Телевидение не выделит для этого часы, поскольку учебные передачи не принесут ему ничего в плане коммерции, да и аудитория зрителей настолько разномасштабна по интеллектуальному и возрастному уровню, что просто невозможно будет выдумать единую для всех программу.

И тут я позволю себе вспомнить один из девизов застойных времен: "Армия — школа воспитания". И дальше попро-

бум вместе порассуждать не столько о позициях самих Вооруженных Сил, сколько — государства. России нужно умное поколение, поколение созидателей? Так давайте в головы молодых закладывать знания, необходимые для того, чтобы завтра общество наше было умнее, лучше, нравственней.

Недавно разговаривал я с офицером, давним моим товарищем, только что вернувшимся из Владикавказа. Там он в составе войсковой оперативной группы выполнял задачи по поддержанию нормальной жизни в районе, где объявлено чрезвычайное положение. "Знаешь, чего боюсь? Того, что у нас чувства человеческие притупляются. Хочешь не хочешь, а мы ожесточаемся, вида, как людей убивают, как дома горят... Политработником никогда не был, а теперь все чаще голову ломаю: как людей в таких условиях воспитывать, какие слова находить? Столько вокруг жестокости..."

Жестокость — это "явление в движении", вчера его не было, дай Бог, не будет и завтра. И уж коли военнослужащие пришли сюда миротворцами, то и они ответственные за это завтра. А потому должны сами быть носителями тех нравственных норм, о которых мы говорили выше. А могут ли они это сделать, если не знают историю нынешнего конфликта, культуры, традиций, обычаев этих народов? История Кавказа — это ведь и история России...

"Нет, не изучают солдаты ничего этого. Зазубрили лишь фамилии президентов республик да то, на чьей территории заставы стоят. Но не мы в этом виноваты: нет программ, нет учебных пособий..."

Я понимаю своего давнего товарища. Но понимаю и другое: сегодня учебников, по которым можно было бы учить воинов стать "образцами Отечества", нет, и завтра они еще не появятся. А умное, грамотное поколение нужно России, как говорится, еще вчера. Поэтому и считаю вопрос о воспитательной работе с воинами вопросом государственным. Потому и считаю, что часы общественно-государственной подготовки должны не посвящаться доведению солдатом сиюминутной информации на злобу дня, а стать действительно уроками истории, уроками нравственности. Пусть они пока будут строиться на энтузиазме лучших военных воспитателей, пусть опыт этих лучших обобщается и расходуется — это ведь можно сделать в масштабах войск.

Словом, мы все сейчас должны делать для того, чтобы завтра сказать: "А ведь вы были неправы, г-н Тодоровский, военный человек, как видите, был и остается человеком высокого духа, высокой морали!"

г. Ростов-на-Дону.

СВЯЩЕННЫЙ СВЕТ

Борис ТЕДЕРС,

участник Великой Отечественной войны

* * *

— Ты скажи мне, сколько весят
Сапоги твои, солдат?

— С глиной, что в окопе месят,
Будет пуд, как говорят.

— А винтовка? А гранаты
И другой боезапас?

— Поглядеть — тяжеловаты,
А в бою — так в самый раз!

— Твой характер, пехотинец,
Тоже тянет не пустяк?

— Точно! Это не гостинец —
Вес его отведал враг.

— А тянуть из грязи пушку?
А в атаку в рост бежать?

— Это вам не «фунт с осьмушкой»,
Нелегко... Чего скрывать.

Но зато, родной братишка,
Если тяжесть всю собрать
Да ударить... Фрицам — крышка,
И иным не устоять!

Майор внутренней службы
Евгений ГУСЕВ

Счет

Звучит солдатская поверка:
— Петров... Куценко... Становой...
В ответ:

— Погиб под Кенигсбергом!
Под Братиславой! Под Москвой!

Прошло полвека, а вопросов
Не стало меньше —
Счет растет.

— Гастелло... Карбышев...
Матросов...
— Сгорел! Закрыл собою дзот!

Чем тише гул пятидесятых,
Тем ярче их священный свет.
А мы все ищем виноватых
У основанья наших бед.

Но им, солдатам, что погибли
На Волге, Буге и Десне,
Не важно — Сталин или Гитлер
Повинен больше в той войне,

Им, день ли, год провоевавшим,
Навек повенчанным с войной,
Уставшим, порохом пропахшим,
Невозвратившимся домой...

Атака в лоб

Залег батальон у церквушки.
У каждого — собственный крест,
И каждый — у немца на мушке.
А шпиль колокольни — как перст.

Тот шпиль указывает дорогу
Туда, где ни горя, ни слез.
Но тянутся души не к Богу,
А к дальней полоске берез.

Казалось бы, что еще проще —
Привстать, распрямитесь, шагнуть...
Но путь до березовой рощи
Уже неприжизненный путь.

Вы скажете — слишком все просто,
Не слышно «ура» под огнем...
Никто не вернулся с погоста
Ни ночью. Ни утром. Ни днем.

Полковник запаса
Юрий КИРИЛЛОВ

* * *

«Взять просто справку —
нервных сил растрата:
Наслушаешься грубости и фальши.
И я вчера отправил бюрократа
Ко всем чертям,

хоть стоило б подальше.
— Не я, папаша, вас на фронт
направил, —

И на лице брезгливейшая мина.
— Папашей не зови меня,
не вправе!

Я б отказался от такого сына!
Ведь ни о чем не расспросил он
толком,

А рывкнул:
— Кто впустил ко мне сутягу?!
... Десятки лет война в груди
осколком.

Вот снова жожет.
Пойду-ка я прилягу».

И он пошел, прихрамывая, сгорбясь,
Словами, словно пулями, изранен.
Глухим набатом ветеранской скорби
Стучали в такт три ордена...
в кармане.

САЛОГИ ВСМЯТКУ

САТИРА - ЮМОР

Владимир МАЦКЕВИЧ

"БЕГУНЫ"

Я встретил его жарким июльским днем. От тащил два чемодана и офицерскую шинель.

— Переезжаете? — спросил я.

— Бегу от жены, — коротко объяснил он. — Будь проклят тот вечер, когда в Доме офицеров я пригласил ее на танго! Я посочувствовал ему, и мы разошлись.

Встретил я его лет через десять у вокзала. Он тащил два чемодана и офицерскую шинель.

— Уезжаете? — полюбопытствовал я.

— Бегу от жены, — коротко объяснил он. — Будь проклят тот вечер, когда в Доме офицеров я пригласил ее на танго!

— Да вы вроде бы уже... — начал я, но он не дал мне договорить.

— Тогда не получилось. Сына пожалел: больно мал был. Но теперь... Вырастет — поймет отца!

Встретились мы лет через десять у автобусной остановки.

Он стоял рядом с симпатичным парнем, который держал в руках два чемодана и офицерскую шинель.

— Знакомьтесь, мой сын. Вот, решил бросить нас с матерью.

— Да не вас, батя! — прогудел над головой молодой командирский голос, — а сноху вашу. Будь проклят тот вечер, когда в Доме офицеров...

Я хохотнул, еще не дослушав фразы, а отец только досадливо махнул рукой:

— И в кого пошел?..

ЭНТОЛОГИЯ РМЕЙСКОГО НЕКДОТА

(Из собрания Виктора КОНЯХИНА)

Старшина в столовой:

— Что ж не едите, а говорите — голодны, как стая волков?!

— А где ж это видано, товарищ прапорщик, чтоб волки питались овсянкой?

***

Сын выполняет домашнее задание. Спрашивает отца:

— Как написать "ружье было заряжено", — с одним "н", или с двумя?

— А чего тут неясного? — ворчит тот. — Если одноствольное — с одним, двухствольное — с двумя.

***

— Наш старшина — ну-ка дышный воспитатель!

— Почему?

— Да потому что укладывается спать, когда не хочется, и будит, когда не выспались.

***

Кок спрашивает матроса:

— Если я прыгну в воду, ты меня спасешь?

— А если я скажу "да", ты прыгнешь?

***

Ночью в квартире старшины раздается телефонный звонок.

— Алло! — слышит он голос дневального. — Товарищ прапорщик, разрешите задать вам один вопрос...

— Что, сейчас?! В три часа ночи?!

— Спасибо. Именно это я и хотел спросить.

***

Ресторан. За одним из столиков изрядно выпивший майор. Официант подходит к нему:

— Товарищ майор, пожалуйста, счет.

— И-и-раз! И-и-два! И-и-три!

Мелкие ДРЕЗЗЫ (Вы нам писали)

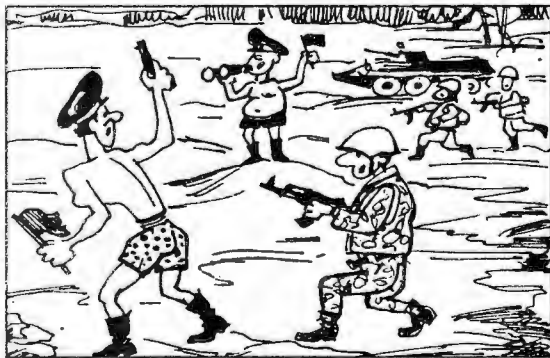
• Я почувствовал рези в желудке и пошел к врачу, так как знал, что в городе началась эпидемия желтухи. Врач сказал: я бы на твоём месте выпил, так как красные глаза никогда не станут желтыми. Поэтому я и напился.

(Из объяснительной)

• Он спросил у меня, почему я так плохо выгляжу, и я ответил, что для офицера наличие внешности не обязательно.

(Из объяснительной)

• В результате травмы хромотает на левую ногу и левое плечо с многочисленными ссадинами.

- Из-за плохой кадровой политики многие роты части оголены офицерами.
- Юрку убили, нанеся сильный удар тупым предметом в область груди: предположительно, головой.
- Особые приметы: на лице темное пятно, зубы, глаза и еще что-то, не такое существенное.

Старший прапорщик Александр ПАНКРАТЬЕВ ПРОСЧЕТ (басня)

Назначен Тигр командовать леском.
Весть о событии таком,
Естественно, всех привела в волнение!
Завистники нашлись и зубоскалы,
Сторонники...
И только лишь шакалы
Никак свое не выражали мнение.
При посторонних —
немые, словно скалы,
Однако меж собой,
опустошив бокалы,
Так говорили:
— Командир толковый!
Мясное любит полководец новый!
Есть повод погулять,
повеселиться:
Кто жить умеет,
сможет поживиться!..
Так во хмелю шумели до утра
Шакалы — удалые повара.
Действительность, увы,
была суровой.
Не повезло на этот раз поганцам.
Уволил Тигр шакалов из столовой:
Он оказался... вегетарианцем!

Мораль:
Судьба сыграет злую шутку
С тем, кто поверит не рассудку,
А желудку.

***

Дежурный по кухне — проверяющему:

— Повар уверяет, что вложил в этот борщ всю свою душу.

— Передайте ему, пусть в следующий раз не забудет вложить и мясо.

***

— Пока мой муж служил в армии, я научилась отлично готовить.

— И что он сказал, когда вернулся?

— Сказал, что остается на сверхсрочную.

***

— ...Нет, ты мне ответь, кто командир роты — я или ты?

— Вы, конечно.

— А почему ты тогда говоришь такие глупости?!

***

— Кто-нибудь из вас умеет варить? — обратился к новобранцам командир.

— Так точно! — откликнулся один из них.

— И вам доводилось варить в больших котлах?

— Так точно!

— И что вы варили?

— Асфальт.

***

На военном аэродроме выстроились солдаты.

— Сейчас будем совершать пробный прыжок с высоты тысяча метров, — объявляет инструктор. — Вопросы есть?

— А нельзя ли для начала прыгнуть с меньшей высоты, скажем, метров с десяти?

— Так ведь парашют не успеет раскрыться!

— Ну, если с парашютом, тогда вопросов нет.

***

— Звонок будильника действует на меня как выстрел.

— Сразу вскакиваешь?

— Нет, лежу как убитый.

***

— Говорят, время лечит.

— То-то я думаю: почему часами ждешь приема в санчасти?

***

— Мой сын ничего не пишет из армии, и я не нахожу себе места.

— А мой — пишет про все. Вот и я поэтому себе места не нахожу.

***

— Что там случилось?

— Да мотор стреляет.

— А кто дал команду?!

***

— Товарищ подполковник, скажите, пожалуйста...

— Пожалуйста!

КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

Сам себе тренер

Уроки дает
европейский
директор
Международной
тренинговой
ассоциации
по боевой
подготовке
правоохранительных
органов
Иосиф ЛИНДЕР.

Тема занятия: комплексы гимнастики Цигун – статические упражнения, специальные и основные упражнения системы Шена

Многовековой опыт народной восточной медицины, обобщенный знаменитыми врачами древности, воплотился в систему оздоровительной гимнастики Цигун.

Сложный и разнообразный комплекс упражнений, представляющий единство искусства дыхания и движения, помогает сохранить бодрость духа, спокойствие, остроту восприятия окружающего мира, справиться с заболеваниями органов пищеварения, улучшает подвижность суставов, способствует поддержанию мышечного тонуса на должном уровне.

Особенно полезна гимнастика для людей, не имеющих возможности уделять много времени активным занятиям физкультурой и спортом. Регулярные занятия быстро восстановят их силы после напряженного трудового дня.

Просторная одежда, минимум свободного места в проветренном помещении или на открытом воздухе в теплую погоду – вот и все, что необходимо человеку, освоившему комплексы гимнастики Цигун, для полного исключения применения лекарств или максимального снижения их дозировки. Цигун – эликсир, который всегда с вами.

СТАТИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ СИСТЕМЫ ШЕНА

Изучение комплекса рекомендуется начинать со статических упражнений, что позволит лучше освоить стандартные положения гимнастики Цигун, добиться полной синхронности дыхания и движения.

Расслабление. Начальное положение: ноги вместе, руки опущены вниз, голова чуть наклонена вперед (рис. 1). Вдох: дыхание полное, вверх поднимаются руки, словно вы отпускаете птицу, и голова, правая нога отставляется в сторону на ширину плеч (рис. 2). Выдох свободный, через рот, руки опускаются, колени несколько сгибаются (рис. 3) – вот исходное положение для всех последующих упражнений (И.П.). Расслабление предваряет каждое упражнение и завершает его.

Покачивание. И.П. Вдох – дыхание нижнее или нижнее со средним, руки сгибаются в локтях и кисти подтягиваются к подмышечным впадинам. Выдох свободный через полуоткрытый рот, руки выпрямляются вперед, ладони открыты и также повернуты вперед, шаг правой ногой (рис. 4). Вдох – руки вновь сгибаются в локтях и кисти подтягиваются к подмышечным впадинам, правая нога возвращается назад. Выдох – выпрямление рук и шаг левой ногой. Вдох – аналогичный предыдущему.

«Слушать издалека». И.П. Вдох – дыхание нижнее, вес тела переносится на правую ногу, правая рука сгибается под углом 90 градусов, ладонь – в одной плоскости с телом, левая рука, согнутая под прямым углом, располагается впереди тела так, что ее кисть находится на уровне правого

плеча, голова чуть повернута вправо (рис. 5). Выдох — то же самое, но в другую сторону. Движения делать плавно в ритме дыхания, не оставаясь подолгу в крайних положениях. Повторить упражнение, начав с отклонения влево.

“Разрешить слушать”. И. П. Вдох — дыхание нижнее, вес тела переносится на левую ногу, корпус и голова поворачиваются вправо, левая рука согнута в локте так, что пальцы расположены на уровне правого уха, правая рука согнута, и ее кисть поддерживает локоть левой (рис. 6). Выдох — движения выполняются в противоположную сторону. Затем упражнение делается в обратном порядке, то есть вдох — разворот влево, выдох — разворот вправо.

“Месить глину”. И. П. Вдох — дыхание нижнее плюс среднее, вес тела переносится на правую ногу, корпус несколько разворачивается влево, правая рука опущена вниз, ладонь горизонтальна, правая рука напряжена, левая расслаблена, согнута в локте так, что пальцы расположены на уровне глаз (рис. 7). Выдох — те же движения, но в противоположную сторону. Затем упражнение выполняется в обратном порядке.

“Свисать и опираться”. И. П. Вдох — дыхание нижнее, вес тела переносится на правую ногу, корпус несколько поворачивается влево, правая рука напряжена и опущена вниз, кисть горизонтально развернута пальцами вперед, левая расслаблена, кисть свободно свисает (рис. 8). Выдох — упраж-

нение выполняется в другую сторону. Затем — повтор в обратном порядке.

“Объединить в одно целое природу и человека”. И. П. Вдох — дыхание нижнее, поднимаем правую ногу, стопа параллельна полу, вес тела — на левой ноге, правая рука опущена вниз, кисть горизонтально развернута пальцами вперед, левая рука согнута в локте, кисть параллельна полу на уровне плеча, обе руки в крайнем положении напряжены (рис. 9). Выдох — упражнение выполняется в другую сторону. Затем — повтор в обратном порядке.

Все вышеописанные упражнения многовариантны.

1-й вариант. И. П. — тело опирается на выпрямленную левую ногу, правая нога согнута в колене, бедро и стопа параллельны полу, правая рука опущена, ладонь горизонтальна, пальцы — вперед, левая согнута в локте, кисть — на уровне левого плеча, ладонь параллельна полу. Выполняются вращательные движения стопой: вверх-наружу-вниз (вдох), снизу-вверх-внутри (выдох). Темп медленный, в ритме дыхания и без задержек в крайних точках. После появления легкой усталости изменить положение и сделать аналогичные движения левой ногой.

Затем выполнить вращение голенью, описывая медленные круги (стопа параллельна полу). И опять — до легкой усталости. Не следует чрезмерно усердствовать и работать до изнеможения.

Вращения сначала по часовой стрелке, потом — против. Положение рук не меняется.

2-й вариант. И. П. Вращение ног в тазобедренном суставе таким образом, что колено рисует круг, голень свободно свисает, стопа параллельна полу — по часовой стрелке и против. Движение ноги внутрь соответствует вдоху, наружу — выдоху. Поменяйте ногу и повторите упражнение.

3-й вариант. И. П. Работают пальцы рук, вычерчивая в воздухе круги. Вращение — в обе стороны, ритм дыхания размеренный, спокойный. На движение внутрь — вдох, наружу — выдох.

4-й вариант. И. П. В такт с дыханием меняется положение рук (ноги зафиксированы), затем, после легкого утомления, поменяйте положение ног и вновь работайте руками.

5-й вариант. И. П. Вращение плечами вперед и назад поочередно. Подъем плеч — на вдох, опускание — на выдох. Руки пассивно подчиняются движениям плеч. Ноги в фиксированном положении. Упражнение выполняется на двух ногах, а затем поочередно на каждой.

6-й вариант. И. П. Вращение туловищем в поясничном отделе так, что неопорная нога выписывает круги в горизонтальной плоскости, причем пассивно, подчиняясь движениям корпуса (сначала в одну, затем в другую сторону при смене ног).

Освоение всех вариантов — в принципе самостоятельный комплекс гимнастики. Не торопитесь часто менять их, не изучив каждый досконально. Контролируйте свои действия, стоя перед зеркалом и корректируя ошибки и неточности.

“Челнок”, или **“Богомол”**. И. П. Ноги заметно шире плеч, правая ступня перпендикулярна левой, голова повернута вправо и наклонена, колени согнуты под прямым углом, голени ног перпендикулярны полу, а бедра параллельны ему. Руки согнуты в локтях под углом 90 градусов: левая — перед грудью, правая — несколько вынесена вперед к ноге, при этом правые нога и рука, а также корпус — в одной плоскости.

В такт с дыханием покачивайтесь с переносом веса тела на ногу: выдох — на правую, вдох — на левую. Подключаются руки, которые то разгибаются в локте поочередно, то возвращаются в исходное положение. Освоив движение, выпрямляйте сразу обе руки по направлению к ноге, на которую при выдохе переносится вес тела. Как правило, кисти — в произвольном состоянии, но можно, максимально согнув руки в лучезапястном суставе и плотно сомкнув пальцы, "соорудить" подобие лапы богомола.

Выполняя упражнение, следите за тем, чтобы тело перемещалось по прямой линии.

Необходимо пояснить, что раздел гимнастики Цигун, именуемый системой Шена, включает в себя 41 упражнение, 25 из которых выполняются сидя, а остальные стоя. Прежде чем рассмотреть их, обратимся к основополагающим положениям системы.

1. "Отвлечение мышления" — спокойствие, абстрагирование от всего постороннего, и тогда, по Шену, "мысль свободно сосредоточивается в движениях".

2. Правильная постановка тела: голова, позвоночник и пятки — в одной вертикальной плоскости.

3. Расслабление мышц тела для спокойного и естественного движения.

4. Регулирование дыхания, медленного и глубокого.

5. Рот закрыт, и зубы слегка соприкасаются.

6. Начать и закончить отдыхом в удобной позе с полускрытыми глазами и "отключкой" от дум и забот.

ОСНОВНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ СИСТЕМЫ ШЕНА

1. Сидя по-турецки, сложить руки на животе и сделать медленно 50 дыханий через нос.

2. В том же положении 36 раз подвигать челюстями, как бы пережевывая пищу.

3. 100 раз помассировать колени круговыми движениями кистей.

4. Кисти рук заложить за спину на область поясницы и 100 раз помассировать ее движениями вверх-вниз.

5. В том же положении 100 раз помассировать доступную часть спины.

6. 100 раз помассировать боковые части туловища сверху вниз до бедер.

7. Массаж живота круговыми движениями по 20 раз каждой рукой.

8. Массаж груди и живота по овалу по 20 раз каждой рукой.

9. Массаж груди по овалу по 20 раз каждой рукой.

10. Массаж по средней линии тела методом поглаживания сверху вниз от груди до пупка по 20 раз каждой рукой.

11. Массаж ладонями боковой поверхности шеи от уха к позвоночнику по 30 раз с каждой стороны.

12. Делайте охватывающие движения левой рукой правого плеча, а затем правой — левого, стараясь достать лопатку по 20 раз каждой рукой.

13. Помассировать лоб, виски, щеку правой рукой справа налево, левой — слева направо по 20 раз каждой рукой.

14. Основанием ладони правой руки помассировать область правого глаза, затем основанием левой ладони — область левого глаза; по 20 раз каждой рукой.

15. Помассировать 10 раз нос сверху вниз обеими ладонями.

16. "Умывальными" движениями помассировать лицо сверху вниз 10 раз.

17. Подушечками больших пальцев помассировать виски по 10 раз.

18. Обеими руками 10 раз помассировать область темени.

19. Помассировать уши одновременно с обеих сторон 10 раз.

20. Прижать ладони к ушам и путем сбрасывания указательного пальца со среднего 20 раз помассировать затылок.

21. Выбросить руки вперед на ширину и высоту плеч ладонями внутрь, затем согнуть в локтях и одновременно сжать кулаки — 10 раз.

22. Поднять руки вверх и сделать вращательные движения кистями наружу, напрягая мизинцы, и внутрь, напрягая большие пальцы, — по 10 раз.

23. Сжать руки в кулаки и, не сгибая в локтях, 10 раз поднять и опустить.

24. Вытянуть руки вперед на ширину плеч ладонями вверх, затем согнуть в локтях на себя и вновь разогнуть, развести в стороны и опять свести — 10 раз.

25. Руки, сжатые в кулаки, развести в стороны на уровне плеч, затем 10 раз поднять вверх и опустить до исходного положения.

26. Ноги расставлены, тело прямое: 50 полуприседаний с движениями рук вперед, в стороны и обратно, кисти при этом разжимаются и пальцы растопыряваются.

27. Ноги вместе, руки на уровне плеч. Согнуть их, приблизив к корпусу, и развести в стороны, приподнявшись на носках, — 10 раз.

28. В том же исходном положении вытянуть руки перед собой и разжать кулаки. Затем 10 раз приближать руки к груди, отводя локти назад насколько возможно и сжимая в кулаки.

29. Повторить предыдущее упражнение, не отводя локти назад.

30. Ноги на ширине плеч, руки на талии: по 10 наклонов корпуса вправо и влево.

31. Исходное положение — то же. Вращение корпусом по 10 раз в каждую сторону. При поворотах смотреть вверх.

32. Повторить упражнение, но при поворотах смотреть вниз.

33. Исходное положение — прежнее. Наклоны туловища вперед и назад.

34. 10 глубоких приседаний.

35. Исходное положение — то же. Поочередно поднимать согнутые в колене ноги. После подема напрягать бедро, вытягивая ногу вперед, и возвращать ее обратно — по 10 раз.

36. Ноги вместе. Поочередно по 10 раз отводить ступни в стороны, вращая в голеностопных суставах.

37. При прямом корпусе и вытянутых руках — ходьба с резким вытягиванием ног.

38. Ходьба на месте "иноходью", с резким выбрасыванием вперед одноименных рук и ног.

39. Чередование движений одноименными конечностями в разные стороны (нога вперед — рука назад) — по 10 раз.

40. Вращательное движение на месте сначала влево, потом вправо. Для этого руку, полусогнутую в локте, поднять до уровня плеча и отвести в сторону. Следя за ней глазами, поворачивать голову, туловище и переступать сначала одноименной ногой, затем другой. По 10 раз в каждую сторону.

41. В спокойном состоянии стоя выполнить 50 дыхательных движений.

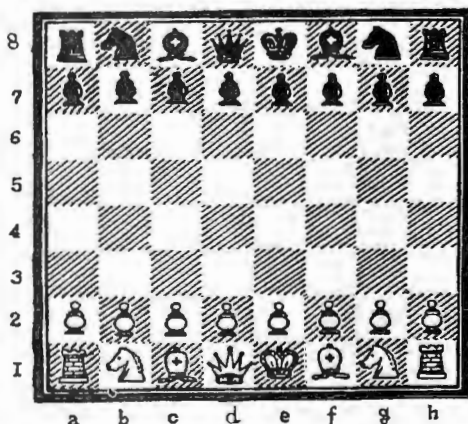
Несмотря на кажущуюся простоту, гимнастика Шена достаточно эффективна при регулярном выполнении.

ШАХМАТНАЯ АЗБУКА

В прошлом номере журнала говорилось о шахматной нотации, шахматных фигурах, их ходах и условных обозначениях. Продолжим изложение основ шахматной азбуки.

Шахматная доска должна располагаться так, чтобы угловое поле с правой стороны от играющих было белым. "Армия" каждого игрока состоит из восьми пешек и восьми фигур — короля, ферзя, двух ладей, двух слонов и двух коней. Начальное положение белых и черных фигур одинаковое, силы их равны (см. диаграмму).

Игра состоит из поочередных ходов белых и черных фигур, начинают игру белые. После их первого хода делают свой первый ход черные и т. д. Ставить фигуру на поле, занятое своей фигурой, нельзя. Ход же на поле, занятое неприятельской фигурой, возможен, чужая фигура в этом случае снимается с доски. Такой ход называется взятием. Цель игры — дать мат неприятельскому королю.

Король не может ходить на поле, находящееся под ударом чужой фигуры. Если фигура противника напала на короля, т. е. грозит взять его следующим ходом, то это называется шахом. Получив шах, король должен либо отступить на одно из полей, не атакованных противником, либо загородиться своей фигурой от шаха, либо взять атакующую его фигуру, если она находится под ударом. Король заматован, если таких защит нет.

Не всякая партия кончается матом или подавляющим перевесом в силах. Часто в ходе игры ни одна из сторон не получает шанса достичь мата. В этом случае дальнейшая игра считается бесполезной, противники соглашаются на ничью.

Ничья возникает также в случае "вечного шаха", или пата. "Вечный шах" — это непрерывные шахи, от которых ко-

Под редакцией
мастера спорта
А. Калинина

роль не может избавиться. Пат же — это позиция, в которой король, не находясь под шахом, и его фигуры лишены подвижности, не имеют хода. К ничьим относят также трехкратное повторение позиции, т. е. противники в данной позиции трижды повторили одни и те же ходы.

А теперь посмотрите некоторые короткие партии.

№ 1. 1. f2-f4 e7-e6 2. g2-g4?? Фd8-h4X. Партия эта игралась в одном из чемпионатов США. Изумленный судья только воскликнул:

— И это случилось в XX веке!

№ 2. 1. e2-e4 e7-e5 2. Cf1-c4 Cf8-c5 3. Фd1-h5 d7-d6?? 4. Фh5:f7X. Защитив пешку e5, черные не заметили матовой угрозы. В обиходе такой мат часто называют детским, т. е. характерным для начинающих игроков. Иногда называют его наполеоновским, так как Наполеон, играя с шахматным автоматом, пытался дать ему именно такой мат, но, увы, проиграл.

№ 3. 1. e6 b6 2. Cc4 Cb7 3. Фf3 Kf6 4. Kh3 C:e4? 5. Kg5? Лучше было 5. C:f7+ Kp:f7 6. Kg5+ и 7. K:e4. 5...C:f3? Черные пожадничали, взяли ферзя, но получили мат: 6. C:f7X.

На шахматной доске различают фланги: ферзевый — это три вертикали a, b, c и королевский — три вертикали f, g, h. В приведенных партиях маты даны с королевского фланга.

№ 4. В этой партии красивый мат дается с ферзевого фланга. 1. e4 e5 2. Kf3 d5 3. e4:d5 Ф:d5 4. Kc3 Фa5 5. Фe2 Kc6 6. d3 Cg4 7. Cd2 Kd4 8. Ф:e5+? Ф:e5+ 9. K:e5 K:c2X!

Шахматы имеют ряд других особенностей и правил, не изложенных нами. Советуем активно играть, в процессе игры они будут усвоены. Овладев шахматной азбукой, можно приступать к решению шахматных этюдов и задач, к изучению дебютной теории. Желаем успеха!

ПРОВЕРЬТЕ СВОИ РЕШЕНИЯ

(На боевом посту, 1994, № 1, 2)

№ 2. Д. Джозеф, 1922. Kpd8, пп. b5, h2-Кра7, пп. a6, b7, выигрыш. 1. b6+ Kpb8 2. h4 a5 3. h5 a4 4. h6 a3 5. h7 a2 6. h8 Фa1Ф 7. Фg8! Фa2! 8. Фe8 Фa4 9. Фe5+ Кра8 10. Фh8 c выигрышем.

№ 3. Г. Ринк, 1912. Kpf2, пп. e2, h4-Kph1, пп. d6, g4, h7, ничья. 1. Kpg3 h5 2. e4 Kpg1 3. e5! de, пат.

№ 4. А. Кременской, 1929. Кра2, Фe2, Лb1, Ch7, пп. b2, c4, d2-Kpc2, Фe4, Лd4, п. h2, мат в 2 хода. 1. Лh1!, цугцванг; 1... Л:c4 2. d4X!, 1... Ф:h7 2. d3X!, 1... Л:d2 2. C:e4X, 1... Лd3 2. Фd1X.

№ 5. Я. Белшан, 1937. Kpe1, Фf6, Ла4-Kph5, пп. a5, d5, f5, мат в 3 хода. 1. Ла3 — 2. Лh3+; 1...g4 2. Ла4!, цугцванг; 1...Kph4 2. Фе6!, 1...Kpg4 2. Фf3+.

РЫБОЛОВАМ И ОХОТНИКАМ

НЕОДНОКРАТНО доводилось читать в книгах о рыбалке, что карп кое-где успешно ловится на малька. Но, честно говоря, верилось в такое с трудом. Прежде всего потому, что ужением карпа я занимаюсь давно, охотился за ним еще в детстве, на родной Саратовщине, где он весьма распространен, позже — в старицах Волги под Волгоградом, Астраханью, в реках и озерах в Казахстане, под Ашхабадом в Туркмении, на Украине — ни разу не встречался на практике с подтверждением байки, дескать, эта мирная рыба может быть хищником.

Но вот однажды во время очередного отпуска я приехал навестить старшего брата. Геннадий живет в Самаре, слесарит на крупном заводе, а на посевную и уборочную почти каждый год его направляют в один из степных совхозов области помогать в сельскохозяйственных работах, благо брат в совершенстве владеет несколькими механизаторскими специальностями.

Так совпало, что у Геннадия в мой приезд выдался нечастный накануне жатвы выходной. Конечно, посвятили его рыбалке. Снасти у нас с Анатолием Васильевичем, моим постоянным спутником и наставником в рыбацких походах, всегда наготове. Геннадий предложил на выбор два водоема: в одном уверенно идет мелкий карась, а в другом якобы водятся крупные карпы. Нетрудно догадаться, какому из них было отдано предпочтение.

... Мы с Анатолием Васильевичем рыбачили с резиновых лодок, брат — на закидушки с берега. И несмотря на добротный прикорм, отменную насадку, в том числе жмых, за вечернюю зорьку всем вместе с трудом удалось надергать лишь мелочи на уху. Хотя, без всякого сомнения, в пруду много крупняка: то и дело солидные "чушки", выпрыгивали из воды и с шумом плюхались в родную стихию.

Летняя ночь у костра да за разговорами коротка. Еще затемно снова изготовились к рыбалке. Увы, повторился вечерний вариант.

Солнце уже прошло добрую четверть своего пути над горизонтом, когда мы решили сниматься. Пока су-

НИ ЧЕШУИ НИ ХВОСТА

— И бывают поклевки?
— А почему бы и нет, рыбы здесь хватает.

Мужчины, закончив заготовку необычной насадки и настроив закидушки, ввели нас в курс дела. Оказывается, в пруду очень мало растительной пищи и вообще слабая кормовая база для карпа. Но в то же время много малька. Все это и обусловило смену вкусов хозяина водоема.

Не прошло и десяти минут после заброса удочек с живцами, зацепленными за губы на надежные крупные крючки, как последовала уверенная поклевка — на закидушку попался карп. И какой — не менее чем в два килограмма!

— Да вы берите, берите малька, на всех хватит, — разрешили великодушные рыбаки, с улыбкой наблюдая за нашей реакцией.

Нас долго уговаривать не пришлось. И вскоре мы все трое были с трофеями.

Чуть позже, немного освоившись, мы попробовали, и небезуспешно, усовершенствовать технику лова: стали применять удочки с резиновыми амортизаторами. Завезли на лодке грузы подальше, куда не добросить закидушку, подсыпали прикорм к крючкам. Все это увеличило количество поклевок. К тому же теперь насадка не сбивалась при ударе о воду, как случалось нередко при верховом забросе.

На "геннадиев", пруд, как его теперь называем, с Анатолием Васильевичем мы наведывались потом неоднократно. И, как правило, ловили крупных карпов — на малька.

В. СЕДОЙ.

Рис. Э. КОПЫЛОВА.

Вместо макухи — малек...

шились лодки, сели потрапезничать. В это время на мотоцикле к пруду подкатили двое мужчин. Вместо того, чтобы забрасывать удочки, они, зайдя поглубже в воду, начали колдовать с подъемником. Неужели польстились на "кильку", которой здесь великое множество? Мы не выдержали, подошли к соседям.

— Шпроты собираетесь готовить? — чтобы как-то начать разговор, спросил я.

— Нет, карпа ловить, — последовал солидный ответ.

— ?

После затянувшейся паузы я все же уточнил:

делайте это пригнувшись и держась за сиденье или борта лодки. Вываживая рыбу, не перегибайтесь через борт. При забросе спиннинга, слегка расставив ноги, займите самое удобное положение — лицом к носу или корме лодки. Якорь опускайте только с носа или кормы лодки.

Комары, москиты и некоторые другие кровососущие насекомые не переносят запаха гвоздики. Если нет одеколона "Гвоздика", можно использо-

вать настой сухой гвоздики, которая продается в аптеках. Пакетик размельченной гвоздики высыпайте в литровый термос и заливайте доверху кипятком. Изредка содержимое взбалтывают.

Через 6 часов настой достигает необходимой крепости, и его процеживают. Им пользуются так же, как одеколоном.

"Летом всякий кустик ночевать пустит", — говорит народная поговорка. Заботьтесь и вы о лесе, берегите его! Рас-

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

Чтобы избежать неприятностей при ужении с лодки, от рыбакова требуется немного: осторожность.

Снасти и принадлежности, необходимые для рыбалки, держите под рукой, уложив их вдоль борта и на днище лодки позади себя, а остальное — под кормовое сиденье.

Во время ловли не спешите. Если нужно переменить место,

НИ ПУХА НИ ПЕРА

Для вас, норники!

Хорошим подарком для охотников стала новая приравочная станция норных собак "Зверест". Расположена она в Подмоскowie (от станции Лобня Савеловской железной дороги автобусами N 25 или 36 надо проехать минут десять до остановки "Красная горка", перейти на другую сторону шоссе, затем свернуть на грунтовую дорогу, вдоль которой везде стоят указатели).

Возглавляет станцию старейший московский егерь Николай Прокофьевич Белов, профессионально занимающийся подготовкой норных вот уже почти четыре десятка лет. Он же автор проекта, главной особенностью которого является профиль кольцевой искусственной норы — "восьмерки", максимально приближающийся к естественному.

Подобный профиль "восьмерки", позволяет значительно повысить КПД подготовки собак к практической охоте, так как уже во время приравочек они получают возможность накаливаться опытом и навыками работы в усложненных подземных сооружениях и не пасовать перед ними. Новая нора будет способствовать также развитию у норных ориентировочной реакции, жадности к зверю, стремления преодолеть препятствия ради того, чтобы добраться до хищника.

Наряду с усложненным профилем норы имеет два выносных котла, имитирующих отнорки естественных сооружений. У собаки, которая ищет и находит зверя, зафиксированного в таком отнорке-котле, лучше вырабатывается привычка пользоваться чутьем.

Использование на охоте подготовленной в таких условиях норной наверняка принесет успех.

М. МУРОМЦЕВА,
эксперт по охотничьему
собаководству.

полагаясь на ночлег и приготавливая укрытие от дождя, не рубите растущие деревья, используйте валежник и травы: особенно хороша для кровли и для постели "теплая трава" — осока.

Разводите костер на старом кострище. Учтите, что на месте костра ничего не сможет расти в течение нескольких лет. Для костра используйте сухие сучья, валежник, топки и старые пни.

Покидая место временного

Журнал «Охотник» — в новом облике

Читатели журнала "На боевом посту", особенно охотники и рыболовы, конечно же, знакомы с "Охотником", которому отроду всего три с половиной года. До конца 1990 года это был информационный бюллетень Военно-охотничьего общества. Выйдя в большой свет, журнал сразу был замечен, набрал до двухсот тысяч подписчиков.

Внимание читателей окрылило редакцию, издание становилось лучше от номера к номеру. И все же резервов для роста оставалось еще немало. И вот первый номер "Охотника", за 1994 год предстал перед читателем в новом облике: увеличен формат, цветные обложка и вкладка отпечатаны на высокосортной бумаге. Компьютерную верстку журнала и его художественное оформление выполнил главный художник Ю. Толкачев.

Несколько обогатилось и содержание журнала. Появились новые рубрики: "Страничка главного ре-

ВЫПИСЫВАЙТЕ —
ЧИТАЙТЕ

дктора», "Житейские истории", "Наша юридическая служба", "Когда ружья в чехлах".

Значительно расширил литературный раздел, который ведет писатель В. Прибытков. В этом разделе редакция намерена публиковать произведения классиков на охотничье-рыболовную тему, знакомить читателей с лучшими произведениями совре-

менников.

Из новшества отметим также публикацию во втором номере на весьма актуальную тему — о снаряжении охотничьих патронов в домашних условиях.

С этого же номера публикацией беседы с Маршалом Советского Союза Л. Соколовым журнал начинает печатать материалы к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Во втором полугодии читателей ожидает встреча с первыми произведениями, поступившими на творческий конкурс, посвященный 50-летию Победы. Очередная публикация из серии "Библиотечка охотника", расскажет о способах копчения мяса дичи и рыбы, рыбной ловле, охотничьем собаководстве. Здесь также помещена реклама охотничьего, рыболовного, туристского снаряжения.

Подписка принимается во всех отделениях связи. Цена — в каталоге.

**Полковник в отставке
К. ОГЛОБЛИН.**

пристанца, соберите весь мусор и сожгите.

То, что насадка из перловки считается одной из самых удачных, знают многие рыболовы. Но каждый ли может должным образом приготовить ее? Вот самый простой рецепт.

Взять полтора стакана крупы под номером 1 (самой крупной, ибо номера 2 и 3 идут только на прикормку), всыпать в кастрюлю с водой, поставить на огонь и довести до кипения. Затем крупу отце-

дить и обдать холодной водой. Так делают до трех раз, и каждый раз начинают варку сначала. Смысл этой процедуры заключается в том, чтобы смыть клейкий навар и получить крупинку, чуть-чуть твердую внутри. Готовую перловку следует рассыпать на газете — пусть остынет. Затем ее надо слегка сбрызнуть подсолнечным маслом: она сделается совсем не клейкой и наверняка принесет вам удачу.

Полковник Г. ЧЕРНЫШЕВ.

Советы домашнему мастеру

РАМКА ДЛЯ КАРТИНЫ

Чтобы сделать рамку для картины, нужно иметь багет — специальную деревянную планку. Багет можно приобрести в художественных салонах или изготовить самому. Для изготовления

вовало лучшему восприятию. Для картин, близких к квадрату, советуем делать рамки квадратные, для картин удлиненных пропорций — с соотношением сторон 2:3, 1:2.

на рисунке 1. Как только клей подсохнет, рамку дополнительно укрепляют гвоздями. Для этого в местах, где должны быть гвозди, просверливают отверстия (сверлом более тонким, чем гвоздь). Головки гвоздей заблаговременно удаляют, чтобы они не портили внешний вид рамки.

Как вставить в рамку произведение графики, показано на рисунке 2. Паспарту может быть из белой чертежной или серой оберточной бумаги и картона. Чтобы картина не сдвинулась с места, нужно слегка закрепить ее с помощью резинового клея. Для этого клей мазком размером в 1-2 см в двух-трех местах наносит на паспарту и соответственно — на картину. Пальцем после этого слегка приглаживают место склейки. Можно зафиксировать положение картины в паспарту с помощью клея ПВА.

Простые и красивые рамки можно сделать из рейки сечением 8-12 x 18-25 мм. Соединяя рейки в различных положениях, можно получить разнообразие рамок, отвечающие вашей картине, произведению графики, фотографии и т.п. Рейки соединяются на клею с фиксацией их положения при помощи маленьких гвоздиков.

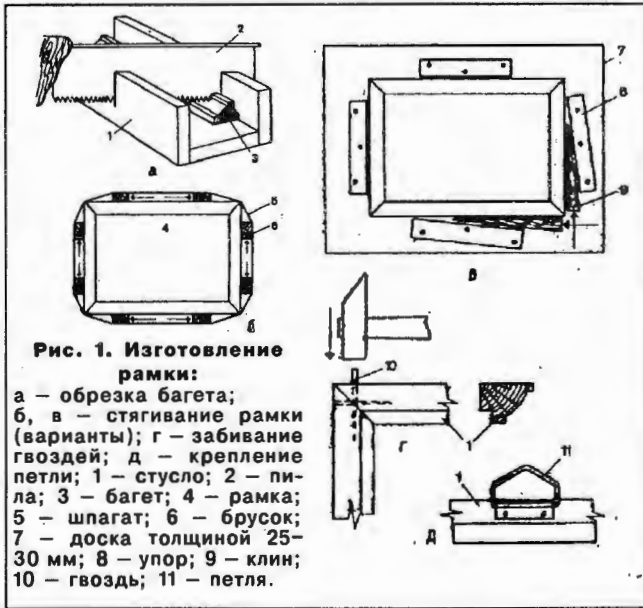

Рис. 1. Изготовление рамки:

а — обрезка багета; б, в — стягивание рамки (варианты); г — забивание гвоздей; д — крепление петли; 1 — стусло; 2 — пила; 3 — багет; 4 — рамка; 5 — шпегат; 6 — брусок; 7 — доска толщиной 25-30 мм; 8 — упор; 9 — клин; 10 — гвоздь; 11 — петля.

рамки нужны также стекло и картон. Не обойтись и без таких инструментов, как ножовка с обушком, стусло, молоток, плоскогубцы, стеклорез.

Если стеклореза нет, стекло необходимого размера вам вырежут в стекольной мастерской. Кроме того, собственноручно придется изготовить устройство для стягивания рамок (два варианта его конструкции см. на рисунке 1.).

Прежде чем приступить к работе, следует определить размеры и пропорции рамки. Для картин, выполненных масляными красками, необходимы рамки по размерам картин. Для акварелей, эстампов, рисунков рамку делают больше произведения приблизительно в полтора-два раза, чтобы поле вокруг изображения способст-

Пользуясь стуслом (рис. 1а), отрезают ножовкой с обушком две пары отрезков багета необходимой длины. Плоскости, которые нужно соединить, смазывают клеем ПВА, после чего рамку складывают и стягивают с помощью устройства, показанного

А. БАРАНОВСКИЙ.

Рис. 2. Оформление графического произведения:

а — картина в рамке; б — компоновка элементов; в — деталь рамки с произведением; 1 — рамка; 2 — стекло; 3 — паспарту; 4 — произведение; 5 — картон; 6 — гвоздь; 7 — наклейка на полоску бумаги.

Автодайджест

ХОДОВАЯ ЧАСТЬ

Довольно часто автомобилисты заливают масло в коробку передач и задний мост, пользуясь в качестве шприца обычным солидолонагнетателем, предварительно сняв с него наконечник. Однако такое решение, вообще-то неплохое, не так уж редко приводит к большим неприятностям, о чем свидетельствует печальный опыт многих водителей.

Дело в том, что, сняв наконечник, забывают о стальном шарике-клапане, который остается в трубке и с первой же порцией масла попадает в картер. Последствия предугадать нетрудно — как минимум аварийная поломка зубьев шестерен.

ЗАЛИВКА МАСЛА. Нелегкую и неприятную операцию по заливке масла можно значительно облегчить, используя очень простое приспособление. Возьмите круглую пластмассовую банку емкостью 1 л из-под масла и в ее резьбовой крышке тем или иным способом (например, с помощью резиновой пробки) укрепите трубку длиной 100-200 мм и внутренним диаметром 12-15 мм. Налейте в банку масло и опустите банку в горячую воду. Когда масло хорошо прогреется, нажатием на стенки банки перелейте ее содержимое в картер. Прямоугольные банки использовать не рекомендуется, так как они обладают большой жесткостью.

ЗАЩИТА АМОРТИЗАТОРОВ. У автомобиля, поставленного на колодки для разгрузки шин, телескопические амортизаторы находятся в растянутом состоянии, когда шток максимально выдвинут из корпуса и, следовательно, ничем не защищен от сырости и других факторов, вызывающих коррозию. А даже незначительная ржавчина на штоке очень быстро выводит из строя сальники и весь амортизатор.

Поэтому при консервации автомобиля рекомендуется отсоединить нижние концы амортизаторов от деталей подвески и сжать амортизаторы до отказа, утопив шток в корпусе. Теперь коррозия не страшна.

РЕМОНТ КАМЕРЫ. Как выйти из положения, если проколота шина и нет ни вулканизатора, ни клея? Если прокол невелик, можно временно отремонтировать камеру при помощи болта диаметром 4-6 мм с гайкой и двумя шайбами. Одну шайбу и гайку сначала проталкивают через прокол внутрь камеры, а затем, поддерживая их через резину, снаружи вставляют винт с шайбой и плотно затягивают. Стенка камеры в месте прокола оказывается плотно зажата между двумя шайбами.

ЗАЩИТА ГИДРОСИСТЕМЫ ОТ ПЫЛИ. Наденьте прозрачные хозяйственные мешочки (полиэтиленовые пакеты) на резервуары главного тормозного цилиндра и гидропривода сцепления и обвяжите их шпагатом или мягкой проволокой вокруг горловины. Теперь гидравлическая система надежно защищена от пыли, а за уровнем жидкости можно наблюдать, не снимая импровизированных "чехлов".

ПОВЫШЕНИЕ НАДЕЖНОСТИ ТРУБОПРОВОДОВ ТОРМОЗНОЙ СИСТЕМЫ. В соединениях трубопроводов тормозных систем некоторых автомобилей применяются уплотнительные шайбы из алюминия. Алюминий легко разрушается от коррозии под дей-

ствием раствора, образуемого при посыпании дороги солью для очистки от снега. Порча такой шайбы вызывает отказ тормозов.

Рекомендуется заменить эти шайбы медными, не поддающимися коррозии. Для изготовления шайб пригодна только чистая, так называемая "красная", медь; латунь и бронза не годятся, так как не обладают необходимой пластичностью. После изготовления медные шайбы обязательно нужно отжечь, нагрев докрасна и охладив в воде.

ПОМОГАЕТ МЕЛ. Если у вас есть подозрение на трещину в картере коробки передач, заднего моста, насухо протрите сомнительное место и густо заштрихуйте его мелом. Малейшая утечка масла сразу станет видимой.

ПРОКАЧКА ТОРМОЗОВ. Иногда автолюбителя сбивает с толку такое малопонятное явление. После прокачки тормозов они сначала работают нормально, но через несколько дней или даже часов в системе оказывается воздух, педаль уходит до пола и тормоза перестают действовать. Очередная прокачка помогает лишь на короткое время. И в то же время жидкость в системе не убывает, а попытки найти неплотность оказываются безуспешными.

Это явление, наблюдающееся чаще всего у автомобилей старых моделей, может объясняться следующим. Резиновые уплотнительные манжеты или кольца плотно прилегают к зеркалу тормозных цилиндров только при наличии в системе гидропривода некоторого избыточного давления (около 1 кгс/см²), которое должно сохраняться при отпущенной тормозной педали. Это давление обуславливается упругостью пружины в тормозном цилиндре. Давление падает при ее ослаблении, а также при повреждении находящегося там же резинового клапана. В этом случае при отпущенной педали избыточное давление исчезает и через неплотности между манжетами и зеркалом цилиндров в систему попадает воздух.

Теперь ясно, как ликвидировать такую неприятность: если ослабла пружина — заменить ее, в крайнем случае можно развести ее витки отверткой; если не в порядке клапан (например, на его рабочей резиновой поверхности есть следы выкрошивания) — заменить его.

А если прокачкой никак не удастся удалить воздух из тормозной системы, а подтекания жидкости не видно, причина может заключаться в отсутствии или загрязнении бокового отверстия резинового гофрированного чехла главного тормозного цилиндра. В этом случае каждое нажатие на педаль подает в главный цилиндр порцию воздуха.

О СТОЯНОЧНОМ ТОРМОЗЕ. Если вы законсервировали автомобиль и поставили его на зимнее хранение, то ни в коем случае не затягивайте стояночный тормоз — накладки могут намертво приржаветь к тормозному барабану, и весной придется выполнять трудную работу по снятию барабанов и их очистке.

Ю. ГОРНУШКИН.

Сад-огород

СЕЛЬДЕРЕЙ

Сельдерей растет во влажных местах, на солонцеватых почвах.

В пищу употребляют листья, черешки и корнеплоды для приготовления салатов, супов, гарниров; сельдерей используют в свежем, сушеном, засоленном и консервированном видах. Семена и корнеплоды сельдерея употребляют также для приготовления "сельдереиной соли". Для этого размолотые плоды (семена) или сушеные и измельченные корнеплоды смешивают с обычной поваренной солью. Сельдереиная соль — хорошая приправа к блюдам из овощей, рыбы и мяса.

Особенности выращивания. Сельдерей выращивают рассадой и реже — посевом семян в грунт. Для получения крупных корнеплодов посев на рассаду проводят в конце февраля — первой половине марта в теплицах в посевные ящики или парники. На ящик размером 20 х 40 см (высота 6-10 см) высевают 0,5 г семян, на парниковую раму — 4 г семян с последующей пикировкой (без пикировки — 1-1,5 г). На 10 м² посадок при рассадном способе требуется всего 0,3 г семян при всхожести не менее 75%.

Всходы появляются медленно. Семена прорастают только на 15-20-й день. До появления всходов поддерживают температуру 20-25, в дальнейшем около 15-16°C. Для ускорения прорастания семян при посеве можно не заделывать землей, но обязательно поддерживать их во влажном состоянии. Прорастание семян на свету без заделки их землей идет быстрее на 4-6 дней. После посева до появления всходов ящики укрывают стеклом или пленкой. При подсыхании почву осторожно опрыскивают.

При посеве семенами в открытый грунт их проращивают. За 14 дней до посева их замачивают в теплой воде в течение трех суток, при этом часто меняя воду. Затем семена тонким слоем рассыпают между двумя слоями ткани, кладут во влажные опилки и выдерживают в теплом помещении до появления первых проростков. Перед посевом семена смешивают с сухим песком. Высевают около 1 г на 10 м².

Почва для семян должна быть подготовлена из торфа и перегноя с добавлением небольшого количества песка. В посевные ящики семена высевают рядками на расстоянии один от другого 5 см, в парниках — 10 см.

При образовании двух настоящих листочков сеянцы распикировывают (рассаживают) в парники, пленочные теплицы на расстояние 5 х 3 см. Пикировку сеянцев проводят непосредственно в грунт парника (теплицы) или в установленные там торфоперегнойные горшочки (5 х 5; 3 х 3 см). В домашних условиях сеянцы пикируют в ящики или горшки, рассаживая их с большей площадью питания. Перед пикировкой сеянцы обильно поливают. При пересадке корни прищипывают. Во время ухода за рассадой температуру поддерживают в пасмурную погоду в пределах 13-16°C, в солнечную — несколько выше. Поливают обильно. Почву рыхлят и пропалывают. С наступлением теплой погоды усиливают вентиляцию. За десять дней до высадки в грунт рассаду подкармливают полным минеральным удобрением в жидком виде из расчета: 10-15 г аммиачной селитры, по 15-20 г суперфосфата и калийной соли на 10 л воды. Подкормку проводят лучше утром, после

чего растения поливают чистой водой. На участке высаживают рассаду в середине мая, когда на растениях образуется четыре-пять листочков.

Под сельдерей отводят участки с плодородной некислой почвой. Размещают его после картофеля, капусты, лука, свеклы. Почву готовят так же, как

под другие столовые корнеплоды. Если почва недостаточно плодородная, то компост (перегной) вносят в лунки при высадке рассады (по 200-300 г).

Рассаду сельдерея высаживают рядовым способом с междурядьями 40-50 см с расстоянием между растениями для корнеплодного сельдерея 30, для листового — 20 см или двухстрочными лентами: между строчками — 20 см и лентами — 50 см.

При выращивании сельдерея на зелень посадку нередко проводят на грядах, особенно на суглинистых почвах, в три ряда, с расстоянием между рядками 20-30 см, между растениями — 15-20 см. При высадке черешкового сельдерея расстояние между рядками принято 45 см, между растениями — 25-30 см. Растения погружают в почву таким образом, чтобы не была засыпана центральная почка. При высадке рассады обязателен полив.

Уход заключается в рыхлении почвы, прополках и поливах (расход воды за неделю около 15-20 л/м²).

Сельдерей очень отзывчив на рыхление, поэтому за сезон почва между рядками рыхлят четыре-шесть раз. На малоплодородных почвах хорошо проводят подкормки навозной жижей (1:10), разведенным в воде птичьим пометом (1:15). Выборочную уборку сельдерея (корнеплодов) проводят в августе, а массовую — в конце сентября — начале октября.

Корнеплоды сельдерея хранят таким же способом, как корнеплоды моркови, петрушки. Большим спросом пользуется молодая нежная зелень сельдерея как в летне-осенний период, так и зимой. Для получения зелени сельдерея из открытого грунта применяют многократную срезку листьев. Приемы выращивания при этом обычные. Листья срезают, когда их розетка достигнет высоты 25-30 см. За сезон она развивается до такого состояния два-три раза. Листья срезают ножницами, ножами.

К срезке листьев приступают в первой декаде августа, а последнюю срезку проводят в первой половине октября. При двукратной срезке урожайность листьев достигает 1,5 кг/м².

Для получения зелени зимой в домашних условиях убранные осенью корнеплоды с обрезанными листьями (корни листового сельдерея) высаживают в пластмассовые вазоны диаметром 15-20 см, в ящики, наполненные огородной почвой. На площади ящика 0,25 м² высаживают 10-15 штук корнеплодов сельдерея диаметром 6-7 см, в вазоны — по 2-3 корнеплода.

Ю. МУХАНОВА.

Что нужно знать о приватизации жилья

В редакцию поступают письма читателей, в которых они просят разъяснить механизм приватизации квартир. Мы попросили начальника организационно-правового отдела ГУКВВ МВД России полковника В. ТОНКОНОВА прокомментировать различные аспекты этого непростого процесса.

Корр. Приватизация жилья ставит много вопросов, требующих обстоятельных ответов. Давайте, не касаясь частных случаев, рассмотрим эту проблему. Но прежде, думается, уместно было бы назвать правовые основы приватизации жилья для военнослужащих внутренних войск.

В.Тонконогов. Правовыми основами приватизации жилья, иначе говоря, приобретения занимаемого военнослужащим жилого помещения в домах государственного, муниципального и ведомственного жилищного фондов (кроме закрытых военных городков) в свою личную, то есть частную, собственность являются Конституция Российской Федерации (ст.35), законы "О приватизации жилищного фонда в РСФСР", "Об основах федеральной жилищной политики", "О статусе военнослужащих" (п.10, ст.15), "О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации" (ст.44), а также принятые во исполнение вышеперечисленных законов иные законодательные акты, как, например, Закон РСФСР "О внесении дополнений и изменений в жилищный кодекс РСФСР".

Подзаконным актом, также регулирующим порядок приватизации, является Примерное положение о бесплатной приватизации жилищного фонда в Российской Федерации, утвержденное решением коллегии Комитета Российской Федерации по муниципальному хозяйству N 4 от 18 ноября 1993 года.

Корр. Каков порядок оформления документов о приватизации жилья? Куда следует обращаться желающим получить квартиру в собственность?

В.Тонконогов. По общему правилу военнослужащим следует обращаться по месту жительства в ЖЭУ, РЭУ, которые выдают справку о составе семьи, оформляют заявление о передаче в собственность квартиры (комнаты), указывая в нем всех членов семьи. Совершеннолетние члены семьи обязаны удостоверить своими подписями согласие с условиями договора о передаче жилья в собственность.

Должен быть представлен документ, подтверждающий право граждан на пользование жилым помещением, а также справка, подтверждающая, что ранее право на приватизацию жилья не было использовано.

Кроме того, необходимо оплатить расходы на оформление договора. Согласно п.8 Закона Российской Федерации "О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации", решение о приватизации жилья должно при-

ниматься по заявлениям граждан в 2-месячный срок со дня подачи документов. Договор передачи квартиры в собственность граждан подлежит обязательной регистрации в Департаменте муниципального жилья и выдается совместно со свидетельством о собственности на жилище. Право собственности на квартиру возникает с момента регистрации этого договора в Департаменте муниципального жилья.

Несколько иной порядок оформления права собственности на квартиру членами ЖСК. Законом РСФСР "О собственности в РСФСР" определяется, что член жилищно-строительного или жилищного кооператива, полностью внесший свой паевой взнос за квартиру, предоставленную ему в пользование, приобретает право собственности на эту квартиру. Основанием для регистрации документов о праве собственности членов ЖСК, полностью внесших паевой взнос, является справка, выдаваемая правлением кооператива. Указанная справка подлежит обязательной регистрации. В Москве, например, в Департаменте муниципального жилья. Члены семьи, проживающие совместно с членом жилищно-строительного кооператива, в данной справке не указываются. Документом, удостоверяющим право собственности, является свидетельство о собственности на жилище.

Собственники квартир в доме ЖСК, зарегистрировавшие в установленном порядке в Департаменте муниципального жилья принадлежность им на праве собственности квартиры, вправе распоряжаться ими по своему усмотрению: продавать, завещать, дарить и совершать иные сделки, не противоречащие действующему законодательству.

Собственником становится только тот, кто является членом ЖСК. Другие члены семьи, если они там прописаны, имеют право пожизненного проживания на данной площади.

Корр. В каких случаях могут отказать в приватизации жилья?

В.Тонконогов. В приватизации жилья могут отказать в случаях, если жилые помещения находятся в аварийном состоянии, в общежитиях, коммунальных квартирах, домах закрытых военных городков, а также если они являются служебными (без специального разрешения).

Корр. Однако в Москве были случаи приватизации коммунальных квартир. Всегда ли запрещена приватизация комнат в коммунальных квартирах и служебного жилья?

В.Тонконогов. В статье 8 Пример-

ного положения о бесплатной приватизации в Российской Федерации определено, что собственники жилищного фонда или уполномоченные ими органы, предприятия, за которыми закреплен жилой фонд на праве полного хозяйственного владения, и учреждения, в оперативное управление которым передан жилищный фонд, вправе принимать решения о приватизации служебных жилых помещений и коммунальных квартир.

Так, в соответствии с Положением о порядке и условиях приватизации жилищного фонда в Москве приватизация жилых помещений в коммунальных квартирах разрешается без согласия отдельных нанимателей по личному заявлению каждого из нанимателей, проживающих в данной квартире.

Служебное жилье может быть приватизировано только по специальному разрешению, выдаваемому предприятием, организацией, которым это жилье принадлежит.

Корр. Приватизировав жилье, военнослужащий становится собственником. Но ведь эта собственность может быть общей или личной. Какие нюансы тут следует различать?

В.Тонконогов. С согласия всех совершеннолетних членов семьи, прописанных и проживающих в жилом помещении, договором о приватизации в порядке, указанном выше, может быть решен вопрос о приобретении жилья в общую совместную или долевую собственность.

При этом несовершеннолетние лица, проживающие совместно с нанимателем и являющиеся членами его семьи либо бывшими членами семьи, наравне с совершеннолетними пользователями вправе стать участниками общей собственности на это помещение.

Отказ от включения несовершеннолетних в число участников общей собственности на приватизируемое жилое помещение может быть осуществлен опекунами и попечителями, в том числе родителями и усыновителями несовершеннолетних только при наличии разрешения органов опеки и попечительства.

Участники общей совместной собственности обладают равными правами на имущество в целом. Ни у одного из них нет доли в праве на то же имущество. Они сообща владеют, пользуются и распоряжаются имуществом. Выделение реальной доли в общем имуществе супругов, например, может быть произведено лишь в результате расторжения брака.

Долевая собственность характеризуется тем, что каждому собственнику принадлежит определенная доля в праве собственности на общее имущество (например, половина, одна треть доли собственности). При этом, в соответствии со ст.118 Гражданского кодекса РСФСР, каждый участник общей долевой собственности обязан соразмерно со своей долей участвовать в уплате налогов, сборов и иных платежей по общему имуществу, а также издержках по его содержанию и сохранению.

Корр. Жилье передается безвоз-

мездно или надо при этом платить? Кто освобожден от платы?

В.Тонконогов. В соответствии со ст.11 Закона РСФСР "О приватизации жилого фонда в РСФСР", жилые помещения передаются в собственность бесплатно. Однако необходимо произвести возмещение расходов, связанных с оформлением жилья в собственность граждан. Например, постановлением правительства Москвы от 14 декабря 1993 года "Об изменении и дополнении прейскуранта цен на услуги, оказываемые при передаче жилья в собственность", определено, что за оформление приватизации жилого помещения необходимо уплатить 5250 рублей; за регистрацию собственников в ЖК и ЖСК — 2500 рублей, а за регистрацию сделки по распоряжению жилым помещением для жителей Москвы и Московской области, военнослужащих Российской Федерации и членов их семей (супруги, дети), а также граждан РСФСР, приехавших в Москву в порядке обмена, — 5500 рублей.

Корр. Каков налог с владельца приватизированного жилья?

В.Тонконогов. Налог с приватизированного жилья исчисляется в соответствии с Законом от 9 декабря 1991 года "О подоходном налоге с физических лиц". Статьей 3 данного закона определено, что налог на строения, помещения и сооружения уплачивается ежегодно по ставке 0,1% от их инвентаризационной стоимости, а в случае, если таковая не определялась, — от стоимости этих строений, помещений и сооружений, определяемой для расчета суммы по государственному обязательному страхованию. Инвентаризационная стоимость строений, помещений и сооружений определяется в соответствии с Порядком оценки строений, помещений и сооружений, принадлежащих гражданам на праве собственности, утвержденным приказом министра архитектуры, строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 4 апреля 1992 г. N 87. Методика оценки довольно сложна, и нет необходимости ее приводить. По расчетам экономического управления Департамента строительства Москвы инвентаризационная стоимость квартиры площадью 100 м² в доме постройки 1980 года — 8818360 рублей. Следовательно, 0,1% будет составлять 8818 рублей, то есть именно такую сумму необходимо уплачивать в качестве налога 1 раз в год.

В соответствии с п.2 ст.4 Закона "О подоходном налоге с физических лиц", и внесенными в него Законом Российской Федерации от 22 декабря 1992 года "О внесении изменений и дополнений в отдельные законы Российской Федерации о налогах", изменениями от уплаты налога на строения, помещения и сооружения освобождаются солдаты, матросы, сержанты, старшины, прапорщики, мичманы и лица офицерского состава из числа военнослужащих на период прохождения военной службы. Следовательно, военнослужащие внутренних войск не должны платить налог на принадлежащее им после приватизации жилье.

Корр. Каковы шаги военнотружашего, приватизировавшего жилье, если он на новом месте службы претендует на получение квартиры из фонда внутренних войск? Тут ведь, как говорится, есть варианты...

В.Тонконогов. В соответствии со ст. 10 Закона РСФСР "О приватизации жилищного фонда в РСФСР", для граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, в период перехода к рыночному отношению сохраняется действующий порядок постановки на учет и обеспечения жильем помещений.

Военнотружашие, приватизировавшие жилье, могут получить жилую площадь по новому месту жительства только лишь в размере площади, которая необходима для удовлетворения потребности в жилье, по общему правилу из расчета не менее 9 м² на одного человека (ст. 32 Жилищного кодекса РСФСР). Например, семья из 5 человек занимала 2-комнатную квартиру жилой площадью 34 м². Данная семья нуждается в улучшении жилищных условий: на одного члена семьи приходится менее 7 м², то есть нормы, дающей право ставить на учет для улучшения жилищных условий в Москве. В случае приватизации квартиры и убытия военнотружашего к новому месту службы в ней должно остаться не менее 3 человек (исходя из нормы — 12 м² на человека). Следовательно, остальные два члена семьи могут претендовать на жилую площадь размером до 24 м². Реально (если нет льгот на получение дополнительной площади) это может быть однокомнатная квартира жилой площадью до 24 м². Особо следует подчеркнуть, что приватизировать вновь полученную квартиру военнотружаший не может в связи с тем, что каждый гражданин имеет право на приватизацию только один раз.

Корр. Как известно, военнотружашие имеют льготы по оплате жилья. Лишаются ли они этих льгот при приватизации?

В.Тонконогов. Нет. В соответствии с Законом Российской Федерации "О статусе военнотружаших", военнотружашие, проходящие военную службу по контракту, и граждане, уволенные по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, общая продолжительность военной службы которых составляет 20 лет и более, оплачивают коммунальные услуги в домах государственного, муниципального и ведомственного жилищных фондов независимо от принадлежности жилых помещений в размере не более 50%.

Корр. Все ли члены семьи должны давать согласие на приватизацию квартиры?

В.Тонконогов. Да, все совершеннолетние члены семьи должны дать согласие на приватизацию. Эта норма определена в ст. 2 Закона РСФСР "О приватизации жилищного фонда в РСФСР".

Корр. Многие смущают разговоры о том, что ЖЭУ могут отказать в

обслуживании приватизированных квартир.

В.Тонконогов. Эти опасения напрасны, так как ст. 22, 23, 24 Закона РСФСР "О приватизации жилищного фонда в РСФСР", сохранили за жилищно-эксплуатационными и ремонтно-строительными организациями обязанность по обслуживанию и ремонту приватизированных квартир.

Корр. Будет ли осуществляться капитальный ремонт в тех квартирах, которые приватизированы?

В.Тонконогов. Ремонт, в том числе и капитальный, обязаны производить организации, речь о которых шла выше.

Корр. Как оформить наследство на приватизированную квартиру?

В.Тонконогов. Наследство на принадлежащее гражданину имущество оформляется в форме завещания, подлежащего в обязательном порядке заверению нотариусом. Форму завещания и все вопросы, связанные с его оформлением, можно более подробно узнать в нотариальной конторе.

Корр. Надо ли приватизировать кооперативную квартиру, за которую полностью выплачен денежный пай?

В.Тонконогов. Да, я советую сделать это. Дело в том, что если полностью выплачен денежный пай, то в случае смерти владельца квартиры его наследники наследуют только денежные средства, вложенные в кооперативную квартиру, а не саму квартиру.

В этом случае членом ЖСК, то есть пользователем квартиры, наследник может стать лишь на основании решения собрания ЖСК. Но при этом надо учитывать, что варианты могут быть самые различные.

А если квартира приватизирована, то наследуется принадлежащая вам квартира.

Корр. Уж коль мы перешли к конкретным житейским ситуациям, давайте рассмотрим и такую (она часто встречается в редакционной почте). Допустим, квартира у офицера приватизирована. Она отвечала его потребностям. Но вот родился ребенок или произошло иное изменение состава семьи, и появилась необходимость в улучшении жилищных условий. Что же, надо расприватизировать жилье (многие, кстати, не знают, возможно ли это?) или есть другие пути решения возникших проблем? Как все это оформить, куда обращаться?

В.Тонконогов. Договор о приватизации жилья можно расторгнуть. В этом случае необходимо обратиться в те органы, которые оформляли договор приватизации. В случае, если возникла необходимость в улучшении жилищных условий, можно поступить так, как было нами описано в случае убытия к новому месту службы военнотружашего, оставившего приватизированную квартиру трем членам семьи. Можно пойти другим путем: расприватизировать жилье. Выполняя требования ст. 10 Закона РСФСР "О приватизации жилищного фонда в РСФСР", затем

получить жилую площадь, исходя из нормы 12 м² на каждого члена семьи.

Корр. Допустим, один из участников общей долевой собственности по каким-то причинам решил продать свою долю постороннему лицу. Какой при этом должен соблюдаться порядок?

В.Тонконогов. Такая продажа возможна лишь при условии, если все отдельные собственники откажутся от осуществления права преимущественной покупки этой доли либо не осуществят это право в течение предусмотренного ст.120 ГК РСФСР срока в 1 месяц со дня извещения (в письменной форме) продавцом о намерении про-

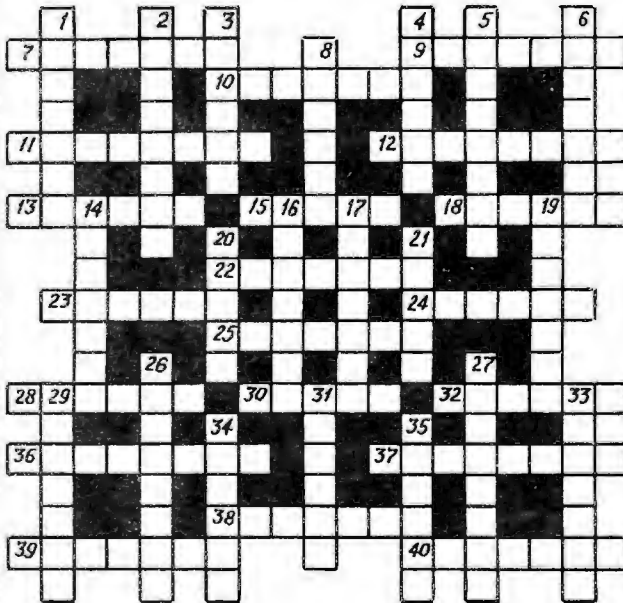
дать свою долю постороннему лицу с указанием цены и других условий, на которых продает ее.

Корр. И последний вопрос. А если проблема все-таки не решается? Как поступить тем, кому отказали в приватизации?

В.Тонконогов. В случае отказа в приватизации необходимо обращаться в вышестоящий орган государственной власти или в суд. Должен сказать, что подобные случаи в войсках уже были и в подавляющем большинстве проблема решалась в соответствии с действующим законодательством в пользу обратившегося.

Записал полковник В. АФНАСЬЕВ.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Космодром в России. 9. Должность в военно-судебном учреждении Российской империи. 10. Роман И.Гончарова. 11. Учение о звуке. 12. Штат на Западе США. 13. Длинная палка, на которую навешивается флаг. 15. Столица азиатского государства. 18. Строительный материал. 22. Монастырь. 23. Композитор, автор песен и оперетт. 24. Годовщина. 25. Врач, специалист по лечению опухолей. 28. Металлическая чаша для курения ладаном при богослуже-

нии. 30. Колющее холодное оружие. 32. Шапка, крупный заголовок в газете. 36. Лицо, проходящее индивидуальное обучение при вузах. 37. Известный скульптор, создавший памятник А.Пушкину в Москве. 38. Свободная экономическая зона на Дальнем Востоке. 39. Войсковое соединение. 40. Русский мыслитель XVIII века, писатель.

По вертикали: 1. Спортивное гребное судно. 2. Наука о законах наследственности. 3. Парный знак препинания. 4. Известный

физиолог, создатель учения о высшей нервной деятельности. 5. Белорусский писатель. 6. Русская народная спортивная игра. 8. Хищная птица рода соколов. 14. Древнегреческий поэт-драматург. 16. Высшее духовное лицо. 17. Человек, проповедующий те или иные политические, религиозные, эстетические и другие взгляды. 19. Наиболее низкое и доступное место в гребне горного хребта. 20. Мысль, приводимая в доказательство. 21. Снежная буря. 26. Бесцветный газ, обладающий раздражающим и общеядовитым действием. 27. Змея семейства удавов. 29. Плавающая ледяная гора. 31. Бесцветная жидкость, растворитель. 33. Один из храбрейших древнегреческих героев, осаждавший Троию. 34. Экзотический плод. 35. Ископаемая смола хвойных деревьев.

Составил
старший лейтенант
С.КОЛЕСНИКОВ.

Ответы на кроссворд,
опубликованный в № 4

1. Крест. 2. "Орион". 3. Ирвин. 4. Армстронг. 5. Зенит. 6. Тефия. 7. Живописец. 8. "Чибис". 9. "Лисат". 10. "Фитон". 11. Коррекция. 12. Кавитация. 13. "Инсат". 14. Украина. 15. Земля. 16. Медик. 17. Шонин. 18. Сопло. 19. Гагарин. 20. Пегас. 21. Энциклопедия. 22. Пилгогин. 23. "Терек". 24. Визир. 25. Кибальчич. 26. Цефей. 27. Гелий. 28. Ингибитор. 29. "Антей". 30. Рюмин. 31. Зельдович. 32. Тимирязев. 33. Титов. 34. Фобос. 35. Кизим. 36. "Филин". 37. Павел. 38. Фарис. 39. Ляхов. 40. "Лотос".

ПОПРАВКА. Редакция приносит читателям извинения за допущенный в № 4 полиграфический брак. Пропущенную четвертую строку во втором абзаце снизу (стр. 27, первая колонка) следует читать: «из себя народного трибуна, глашатая».

«ВЕРДИКТ»

ОБЕСПЕЧИВАЕТ:

- круговую защиту туловища и фронтальную защиту бедерной зоны от мощного стрелкового оружия (АКМ, СВД, американская винтовка М-16) с дистанции 5 м; площадь эффективной защиты – 50 кв. дм;
- защиту рук и тела от пуля пистолета ПМ с дистанции 5 м;
- возможность трансформации по 4 уровням защиты за счет сменных защитных структур;
- возможность использования составных частей в различной комплектации;
- возможность скрытого ношения под верхней одеждой.

Масса – 6,5... 40 кг.

**СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НИИ СТАЛИ -
ГАРАНТИЯ ВАШЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

**НИИ
СТАЛИ**

**ШТУРМОВЫЕ
КОМПЛЕКТЫ**

Адрес: 127411, Москва, ул. Дубнинская, 81А
АО НИИ Стали. Тел., факс: 485-35-03

«ВОИН»

ОБЕСПЕЧИВАЕТ:

- полную защиту туловища и лица от пуль отечественного и зарубежного автоматического оружия (АК-74, АК-47, американская винтовка М-16А1 и др.);
- защиту от ударной волны и осколков ручных гранат;
- возможность трансформации в бронекуртку или жилет в сочетании с защитными брюками.

Масса полного комплекта – 62 кг.

**Радиотелефонные системы
на основе технологии SmarTrunk™
Системы диспетчерской радиосвязи
для милиции и городских служб
Аппаратура индивидуальной радио-
связи диапазона 27 МГц**

**ФИРМА РКК
ПОСТАВЛЯЕТ,
МОНТИРУЕТ
И ОБСЛУЖИВАЕТ:**

- системы SmarTrunk на 30-1100 абонентских радиотелефонов для автомобилей, офисов и дачных участков
- аппаратуру служебной радиосвязи производства ведущих фирм США и Японии - Motorola, Kenwood, Standart
- носимые и возимые радиостанции
- ретрансляторы, устройства стыковки с АТС

На использование аппаратуры в диапазонах служебной связи необходимо разрешение органов ГИЗ

На всю аппаратуру получены сертификаты ГОССТАНДАРТА РФ

Оплата в СКВ или в рублях по биржевому курсу

Поставки со складов в Москве или по контракту в минимальные сроки

Гарантия - 12 месяцев

**АППАРАТУРА
ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
РАДИОСВЯЗИ
ДИАПАЗОНА
27 МГц**

Со складов в Москве и у наших дилеров вы можете приобрести:

- нашу фирменную модель - 80-канальную радиостанцию AM/FM «MegaJet-2702» и ее модификации
- импортные 40-канальные стационарные, автомобильные и носимые радиостанции AM/FM фирм ONWA, MAXON, MIDLAND
- антенны и другие принадлежности

Фирма РКК
Радио Коммуникации и Компьютеры

117330, Москва, а/я 700
Тел.: (095)220-2818
231-5707
Факс: 230-1107